
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПОСТАНОВИЛ:
НАЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ ВСЕ ПРЕДПРИЯТИЯ
РИДДЕРСКОГО ОБЩЕСТВА
/РИДДЕРСКИЕ РУДНИКИ, РИДДЕРСКУЮ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ И ДР./
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
В. Ульянов (Ленин)
11 МАЯ 1918 г.
г. МОСКВА

ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ... «УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ» — ТАК ПИСАЛ В. И. ЛЕНИН.

О КОММУНИСТАХ КАЗАХСТАНСКОГО ГОРОДА, НОСЯЩЕГО ИМЯ ЛЕНИНА, ВЕДУТ РЕПОРТАЖ НАШИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

ИМЕНЕМ ЖИЗНИ...

О. КУПРИН **Фото А. НАГРАЛЬЯНА.**

— ВЫ ДОЛЖНЫ СВОИМИ ДЕЛАМИ КАЖДОДНЕВНО ДОКАЗЫВАТЬ, ЧТО ЯВЛЯЕТЕСЬ ЧЛЕНАМИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ, — говорил первый секретарь Лениногорского горкома партии Павел Александрович Пешнин.

В ТОТ ДЕНЬ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕНИНОГОРСКА УВЕЛИЧИЛАСЬ НА ОДИННАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК.

Телефонная трубка молчала. Я ни минуты не сомневался, что не услышу ни звука. Этот телефон вдвое старше меня и вот уже несколько лет числится экспонатом Лениногорского историко-краеведческого музея. Нам разрешили вынуть его из-под стеклянного колпака, чтобы сфотографировать, и я, воспользовавшись случаем, послушал, как молчит эта историческая телефонная трубка.

Телефон, о котором я веду речь, до революции был единственным в Риддере и принадлежал управляющему акционерного общества, хозяином которого был английский миллионер Уркарт. В феврале 1918 года власть в Риддере перешла к Совдепу, который конфисковал этот телефон. Телеграфная линия была в то время проложена только до Усть-Каменогорска, и все важные сообщения в Риддер передавались оттуда как раз по этому телефону. И теперь я хорошо представляю, как в мае того же 1918 года раздался звонок и кто-то, вот так же как я сейчас, взял эту трубку.

— Примите телеграмму. Диктую: «Совет Народных Комиссаров постановил национализировать все предприятия Риддерского общества... Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)...»

Позже В. И. Ленин много раз

▲ Этот снимок сделан на участке бригады Заура Батукаева в тот день, когда бригадир получил партийный билет.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 14 (2179)

Основан 1 апреля 1923 года

5 АПРЕЛЯ 1969

Во Дворце культуры за самоваром встретились коммунисты разных поколений.

интересовался, как живет рабочий Риддер. Все тот же Уркарт добивался возобновления концессий на здешние рудники, убеждал, что большевики смогут по-настоящему наладить тут производство не раньше как через пятьдесят или сто лет. Но риддерская партийная организация, созданная 1 мая 1920 года, доказывала, что английский миллионер, мягко говоря, преувеличивает свою роль спасителя советской экономики.

21 июня 1921 года из Риддера было отправлено такое письмо: «Москва, товарищу Ленину. ...Мы клянемся, что мы, рабочие, восстановим все Риддерские рудники, фабрики и заводы. Именем жизни, существования рабочих зовем всю трудящуюся Россию на борьбу с нашей экономической разрухой!»

В то время риддерская партийная ячейка насчитывала несколько десятков человек.

...Телефонная трубка молчала. Я повесил ее на рычаг. Потом взял трубку самого обычного современного телефона и позвонил в партком Лениногорского полиметаллического комбината. Номера телефонов в Лениногорске пока четырехзначные.

— ДА, ДА, ЗАВТРА... НА РИДДЕРСКОМ. ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ СМЕНЫ. В СЕМЬ ДВАДЦАТЬ,— звучал в трубке голос секретаря парткома Лениногорского полиметаллического комбината Николая Петровича Воронина.— ОБЫЧНАЯ ЛЕНИНСКАЯ ПЯТНИЦА. УЖЕ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИХ ПРОВОДИМ.

В красном уголке Риддерского рудника — одного из многих подразделений полиметаллического комбината — не осталось свободных мест. Собрание было не праздничным, собрание было деловым. На ленинских пятницах вообще не принято устраивать торжеств и парадов. Ильич не любил этого.

Секретарь парткома комбината докладывал рабочим о положении дел. А положение было тяжелым. На рудный Алтай обрушилось стихийное бедствие. Старожилы не помнят такой жестокой зимы. Метели и морозы парализовали транспорт, на некоторое время вывели из строя важнейшие подразделения комбината, производство лихорадило.

Секретарь парткома говорил обстоятельно, не торопясь. Зал притих, внимательно слушал. Все недавние беды почти не коснулись Риддерского рудника, потому что работа тут идет глубоко под землей. Но и в шахте, укрытой десятками метров земной толщи от всех капризов погоды, в те дни атмосфера была напряженной. Руды нужно дать больше, поддержать своих товарищей, которые добывают ее в открытых карьерах, там, где стихия преподносит сюрприз за сюрпризом. Все эти трудные месяцы Риддерский рудник перевыполнял план.

— Каково положение на железной дороге?

— Сколько вагонов застряло из-за буранов?

Н. П. Воронин отвечал на вопросы рабочих. Обычная ленинская пятница. Обычный деловой разговор об общих делах. Разговор откровенный, честный, партийный, такой, какой больше всего нужен людям.

— В истории комбината было немало трудных периодов,— говорил секретарь парткома.— Всякое случалось, но рабочий класс, коммунисты все преодолели, выстояли.

Все, кто был на ленинской пятнице, знали, о чем говорит партийный секретарь.

Заслуженный металлург республики Бике Айдарханов.

— ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ НЕ ИМЕЕТ ДОВЕРИЯ К СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ... МЫ НАДЕЕМСЯ НА ИСКРЕННЕЕ НАМЕРЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОЗРОДИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ И ОБЕСПЕЧИТЬ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В НЕЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА, МЫ РЕШИЛИСЬ ПОЙТИ НА РИСК И ВОЗОБНОВИТЬ ПРЕРВАННУЮ РАБОТУ,— заявил почти полвека назад Уркарт.

На риск ему идти не пришлось. Риддер обошелся без иностранной помощи. А соседнее Зыряновское полиметаллическое предприятие взяла в концессию другая английская фирма, «Лена — Гольдфилс». Англичане так и не смогли выплавить ни одной тонны металла, а в Риддере накануне десятой годовщины Октября был дан первый казахстанский свинец. По этому поводу состоялось очередное партийное собрание. В 1927 году в Риддере было 140 большевиков и 44 кандидата партии.

Так на рудном Алтае шло соревнование двух систем. Кто кого — коммунисты или капиталисты?

— Ночь была темная, суховей страшный,— рассказывает Владимир Владимирович Клинк, директор музея, учитель истории.— Мы сидели в бараке, смотрели кино. Вдруг гудки. Витька Копылов, секретарь наш комсомольский, вбегает: «Ребята, фабрика горит!» Бросились все туда. Ворота настежь, пропусков никто не спрашивает. Толпа полуодетых людей. Пожарная приехала. Хватились — воды нет. А ветер не утихает. Головешки через сопку бросало. Там поселок стоял, несколько домов загорелось. А обогатительная фабрика пылала, как факел.

Это случилось в ночь с 31 августа на 1 сентября 1929 года.

«Восстановить фабрику за четыре месяца, с начала 1930 года наладить бесперебойную работу» — таково было правительственное задание.

«Четыре месяца? Это же миф»,— скептически усмехались англичане.

«Четыре месяца — это роскошь! Даешь ударный труд!» — отвечали коммунисты.

Из отчета, написанного 16 сентября 1929 года, через две недели после пожара: «...ПЕРВАЯ ДЕСЯТИДНЕВКА КАК В ТЕМПЕ, ТАК И В ОБЪЕМЕ ВЫПОЛНЕННОЙ РАБОТЫ ПРЕВЫСИЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ... РАБОЧИЕ ОБОГАТИТЕЛЬНОЙ ФАБРИКИ ПОСТАНОВИЛИ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМ ДНЕМ ОТДЫХА ДО ТЕХ ПОР, ПОКА СТОИТ ХОРОШАЯ ПОГОДА... ГРУППА, РАБОТАЮЩАЯ НА ПЕРЕМОТКЕ МОТОРОВ, ВО ГЛАВЕ С ТОВ. РЕШЕТНИКОВЫМ, РАБОТАЕТ ДО 16 ЧАСОВ В ДЕНЬ, В ВОСКРЕСНИКЕ УЧАСТВОВАЛО СВЫШЕ 700 ЧЕЛОВЕК...»

Не через четыре, а через два месяца после пожара вновь началась добыча руды. 7 ноября 1929 года в газете был напечатан рапорт коллектива Риддерского комбината об окончании восстановления предприятия после пожара. Несмотря на двухмесячный перерыв, план 1929 года был перевыполнен.

Весь следующий год в партком комбината шли и шли рабочие. На стол секретаря ложились заявления: «Прошу принять меня в партию большевиков». К концу 1930 года в Риддере было 450 коммунистов-рабочих.

— ТУЛЕГЕН ТОВАРИЩ МОЙ БЫЛ. РАБОТАЛИ ВМЕСТЕ, В КИНО, В ПАРК ВМЕСТЕ С НИМ ШЛИ. КАК С ТОБОЙ, С НИМ РАЗГОВАРИВАЛ. ТОЛЬКО ОТКУДА Я ЗНАЛ, ЧТО ОН ГЕРОЕМ ПОТОМ БУДЕТ? — так говорил мне Бике Айдарханов.

ЕГО ДРУГ ТУЛЕГЕН, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, НЕ ДОГАДЫВАЛСЯ, ЧТО ХОДИЛ В КИНО И В ПАРК ТОЖЕ С БУДУЩИМ ГЕРОЕМ. ОН ДАЖЕ НЕ УЗНАЛ О ТОМ, ЧТО САМ СТАЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЭТО ЗВАНИЕ ЕМУ ПРИСВОИЛИ ПОСМЕРТНО.

На свинцовом заводе стоит памятник Тулегену Тохтарову, казахскому парню, погибшему под русским селом Бородино. Бике встречался с ним каждый день дважды, когда на смену шел и со смены. Смотрел на своего друга, думал: «Он смог, а я нет». И говорил про себя: «Так получилось, Тулеген, видишь, как получилось...»

18 июня 1941 года Айдарханова призвали в армию, отправили в Алма-Ату. В дороге он узнал, что началась война. Ребята рвались на фронт, а их держали за тысячи километров от тех мест, где они были нужнее всего. Так прошло несколько месяцев. Потом начали отправлять эшелоны. Наконец вызвал командир и Айдарханова.

— Ты поедешь домой,— сказал командир.

— Зачем домой? Нельзя домой! — ответил Бике.

— Ты спекальщик. Ты должен давать армии свинец. Мы не можем воевать без твоего свинца. Партия тебе приказывает. Понял?

На заводе Айдарханов уже не застал своего друга. Тулеген добровольцем ушел на фронт. «Он смог, а я нет».

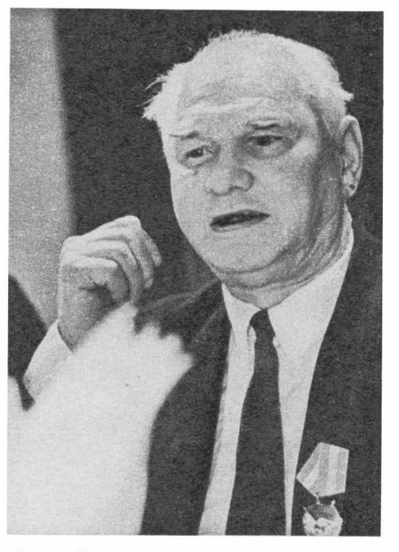
В городе совсем мало осталось мужчин. В цехе только спекальщики — мужчины. Остальные — женщины. Бике работал 8 часов, а потом еще два сверхурочно — в других цехах, где было нужно. Два его брата ушли на фронт. Две похоронные пришли с фронта. И еще одна похоронная — на Тулегена. Он был как брат. «Так получилось, Тулеген, видишь, как получилось...»

За один 1941 год завод выплавил свинца больше, чем за все предыдущие четырнадцать лет своего существования. Каждая восьмая пуля, которая летела в фашистов под Москвой, под Сталинградом, на всем тысячекилометровом фронте, отливалась из лениногорского свинца.

— Тебе нельзя на фронт,— говорил Айдарханову директор завода.— Ты, быть может, самый главный снайпер на всю страну. Столько даешь свинца! Твое место здесь. Ты должен подчиняться партийной дисциплине.

У Айдарханова еще не было партийного билета. Он сказал себе, что станет коммунистом только тогда, когда ему не стыдно будет перед Тулегеном, что он не смог, как и его друг, драться с фашистами под Москвой.

...Бике подходит к памятнику и смотрит прямо в глаза своему товарищу. Время, время, до чего же быстро ты летишь! Постарел Бике. А Тулеген такой же молодой, как 28 лет назад. Много сделал за эти годы Айдарханов. Он заслуженный металлург республики, Герой Социалистического Труда, коммунист, ордена есть, медали, грамоты.

Старейший коммунист Лениногорска Е. Н. Трофимов.

Смотрит Бике в глаза своему другу. «Так получилось, Тулеген, видишь, как получилось...» Стоят два старых товарища, два героя, друг против друга, живой и бессмертный.

— ВСЕ СЖАЛОСЬ, НЕРВЫ И ТАК НАПРЯЖЕНЫ, А ТУТ ЕЩЕ СВОИ ОБСТРЕЛЯЛИ. РЕШАТЬ НАДО МГНОВЕННО. НУ, Я И ПОДНЯЛСЯ. ДА ЧТО ТАМ ВСПОМИНАТЬ... А ГОДОВОЙ ПЛАН МЫ ВЫПОЛНИЛИ НЫНЧЕ НА СТО ПЯТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ,— закончил свой рассказ Василий Степанович Журавлев.

...Тишинский карьер похож на исполинский амфитеатр. Зрелище впечатляющее. На громадных ступеньках вместо зрителей — действующие лица: экскаваторы, бурильные станки, юркие и изящные самосвалы с колесами в человеческий рост. Вон там внизу экскаватор с большой белой цифрой «12». В очереди стоят два самосвала. Шоферов, как магнитом, тянет к «дюжине», они сами мне в этом признались. «Так, как грузит «дюжина», никто не грузит. Быстро и точно». Верно: проходит пять минут — и очереди как не бывало.

Экипаж на «дюжине» коммунистический. Во всех смыслах: и в смысле звания и в смысле партийной принадлежности. Сегодня работают два коммуниста — машинистом бригадир Василий Журавлев, помощником машиниста Геннадий Колесников — любимцы всего шоферского корпуса.

Василий Степанович, видимо, дал уже не один десяток интервью журналистам и потому рассказывал без расспросов.

— Так, значит, план прошлого месяца мы выполнили...

О плане прошлого месяца я уже знаю. Правда, как можно было выполнить план прошлого месяца, представить не могу — в прошлом месяце морозы доходили до сорока семи.

— Теперь, наверное, вам надо о бригаде рассказать... Бригада тоже план выполнила...

У меня уже записано: на 103 процента.

— Василий Степанович, о плане, пожалуй, достаточно,— перебил я.

Очень хотелось узнать, что происходило на Тишинке, когда обрушился на Алтай каскад стихийных бедствий — то метели, то морозы, то опять какой-то фантастический снегопад. И почему, наконец, именно он, Журавлев, и его бригада смогли выстоять под натиском всех этих превратностей судьбы и выполнили тот самый план! Что тут, стечение ли обстоятельств или характер такой?

Когда метель валила с ног и автобусы застревали на полдороге к руднику, рабочие добирались на Тишинку пешком — на лютом морозе, по пояс в снегу. И кто-то, конечно, первым прокладывал дорогу.

О плане прошлого месяца мы больше не говорили. Говорили совсем о другом — об одной истории, которая произошла в позапрошлом десятилетии, где-то в белорусских болотах, зимой.

— Мы тогда шли в наступление, немцы держали оборону. Однако сплошного фронта не было. Нейтральная полоса достигала сорока километров. Немцы и мы сосредоточивались в опорных пунктах. Обстановка была неясная.

Тогда-то во вражеский тыл отправилась большая группа разведчиков, ушел в этой группе и Василий Журавлев.

Задание выполнено, собраны важные сведения, а в маленьком поселке ночью взяли языка — немецкого офицера. Возвращались домой. По всем расчетам, вражеские опорные пункты пройдены. Где-то совсем рядом должны быть свои. И вдруг пулеметная очередь. Залегли. К пулеметам прибавились автоматы.

— Так обидно,— рассказывает Журавлев,— ведь по звуку слышим: свой «максим» бьет. За немцев нас приняли. Лупят по нам метров с двухсот. Головы не поднимешь.

И тогда поднялся один человек. Один пошел вперед. Стрельба моментально прекратилась. Один человек без раздумий нашел в себе силы и мужество встать под ураганным огнем, чтобы спасти товарищей и то дело, которое было доверено им. Такие люди и в другой, невоенной, обстановке способны на удивительные дела.

А о том, как кончил свой рассказ Василий Степанович Журавлев, вы уже знаете.

«Будьте достойны звания коммуниста...»

— ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС СО ВСТУПЛЕНИЕМ В РЯДЫ НАШЕЙ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ. ПОМНИТЕ, НАША КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ СЕГОДНЯ ПУТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ КОММУНИСТА. БУДЬТЕ ВЕРНЫ ТРАДИЦИЯМ, КОТОРЫЕ ПЕРЕДАЕМ ВАМ МЫ.

КОММУНИСТОВ 1969 ГОДА НАПУТСТВОВАЛ БЫВШИЙ КРАСНОГВАРДЕЕЦ, ЧЛЕН ПАРТИИ С 1919 ГОДА ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРОФИМОВ.

В ТОТ ДЕНЬ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕНИНОГОРСКА УВЕЛИЧИЛАСЬ НА ОДИННАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК.

Рабочий Лениногорск.

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ И РАСЦВЕТАТЬ

Тепло и сердечно был принят в Алжире Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, посетивший страну с официальным визитом по приглашению Председателя Революционного совета, Председателя Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьена.

Между главами государств состоялись переговоры, участники которых обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития всестороннего сотрудничества между СССР и АНДР, а также по важнейшим международным проблемам, представляющим интерес для обеих сторон, в том числе о положении на Ближнем Востоке.

«С глубоким удовлетворением можно отметить,— заявил товарищ Н. В. Подгорный на обеде, который был дан в Народном дворце в честь советского гостя,— что позиции наших стран близки или полностью совпадают по важнейшим проблемам мировой политики».

Н. В. Подгорный подчеркнул, что СССР и Алжир являются не только друзьями, но и соратниками в борьбе за социальный прогресс, мир и безопасность народов.

«Да здравствует алжиро-советская дружба!», «Добро пожаловать, дорогие гости!» — такими словами встречали Председателя Президиума Верховного Совета СССР во время его поездки по стране.

Встречи и беседы товарища Н. В. Подгорного с Хуари Бумедьеном и другими руководителями АНДР, теплый прием, оказанный посланцу Советского Союза алжирским народом, рождают уверенность в том, что дружба народов Советского Союза и Алжира будет все более крепнуть и расцветать.

На снимке: во время советско-алжирских переговоров. В центре Н. В. Подгорный и Х. Бумедьен.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА БРАТСТВА

Двадцать четыре года прошло с тех пор, как прогремел очистительный гром весны 1945-го над многострадальной землею Венгрии. Гром победоносных орудий Советской Армии слился с громом салюта, объявившего на весь мир о рождении нового национального праздника — праздника освобождения народа. Каждый год с той памятной весны свободные люди социалистической Венгрии отмечают этот день как день окончательного разгрома фашистов.

Двадцать четыре года рука об руку борются, строят и трудятся наши народы. Победа венгров — это и наша победа. Их заботы — наши заботы, потому что братство и дружба Советского Союза и социалистической Венгрии скреплены узами совместной борьбы и труда.

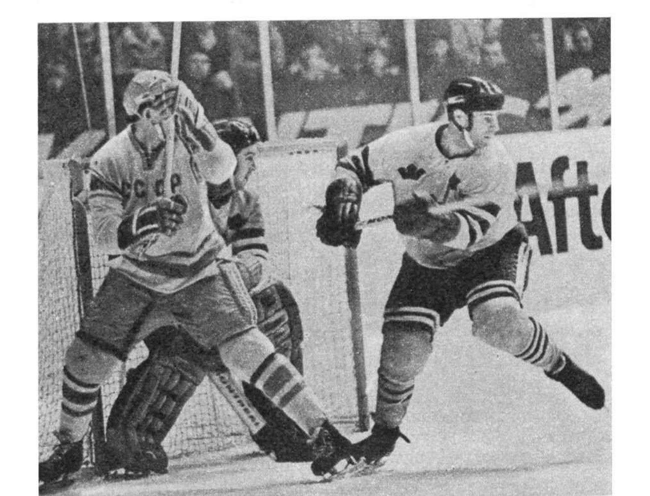
Тут рождаются «Икарусы». Москвичи и вся Европа хорошо знают эти комфортабельные, быстрые и красивые автобусы.

Вячеслав Старшинов с кубками чемпионов мира и Европы.

Великолепное мастерство показала шведская сборная. Она завоевала серебряные медали.

Фото ТАСС и А. Бочинина.

ДЕВЯТИКРАТНЫЕ!

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Эти строки пишутся поздним вечером 30 марта, вскоре после того, как канадцы, примирившись со своим поражением, пожали руки нашим хоккеистам и огромный «Юханнесхоф» приветствовал чемпионов Европы и мира 1969 года.

Итак, снова победа, несмотря на такие трудности, что и Гренобль кажется детской забавой. Итак, снова сплетение цифровых расчетов, из которых можно было выбраться только с помощью счетных машин и... шведов. Туманной и далекой казалась наша трудная и поэтому еще более желанная победа, когда «Тре Крунур» начала свою игру с лидерами чемпионата — чехословацкими хоккеистами.

219 шайб было забито в дни первенства, но лишь одна, заброшенная шведами в чехословацкие ворота, отодвинула победителей этого матча на второе, а чехословацких хоккеистов — на третье место. Нам для того, чтобы стать первыми, надо было одержать верх во встрече с канадцами. Наши мастера это сделали!..

Огромен вклад советского хоккея в общую копилку мастерства мирового хоккея.

Когда 15 лет назад наша, еще никому не известная команда впервые выехала в Стокгольм, чтобы принять участие в мировом первенстве, кто мог бы предположить, что она станет победительницей? Это многим казалось необъяснимым чудом. Всего четыре раза до 1954 года канадцы уступали первенство, но все их преемники — американцы, англичане и хоккеисты Чехословакии — до этого накопили немалый опыт во встречах с командами на чемпионатах мира. Теперь многим снова кажется чудом, что сборная СССР стала чемпионом мира в девятый раз и в седьмой раз подряд.

После дебюта сборной СССР на стокгольмском чемпионате 1954 года соперники очень скоро разгадали причину ее успеха. Быстрота и пас. Так определили они секрет сенсационной победы, и теперь, восхищаясь стремительным темпом шведских хоккеистов и коллективной сплоченностью хоккеистов чехословацкой сборной, нельзя не вспомнить, что в этом и наша заслуга, что советские хоккеисты принесли все эти качества в мировой хоккей.

Сборная СССР многого достигла. Она прошла замечательный путь через Инсбрук, Тампере, Любляну, Вену и Гренобль. На минувшем, стокгольмском чемпионате история хоккея, естественно, не заканчивается. Впереди новые встречи. Через год новый чемпионат мира, в Канаде!

Стокгольм, по телефону.

Тысячи молодых специалистов выпускает из своих аудиторий Дебреценский университет.

У ЛЮБИМОГО ПИСАТЕЛЯ

В один из последних дней марта, когда пятое Всесоюзное совещание молодых писателей завершало свою работу, только что вернувшийся из Финляндии и находившийся в Москве Михаил Александрович Шолохов принял группу литераторов, делегированных участниками совещания.

Накануне, еще в дни пленарных заседаний и семинарских занятий, молодые поэты и прозаики, съехавшиеся в столицу со всех концов страны на большой литературный разговор, с нетерпением ожидали встречи с выдающимся писателем современности.

Тепло встретил своих юных коллег Михаил Александрович. Он тоже ждал этой встречи — ведь это по просьбе вешенского кудесника слова к нему приехала группа участников совещания.

Беседа, продолжавшаяся около двух часов, была оживленной, содержательной и интересной. Михаил Александрович познакомился с каждым из гостей, расспрашивал их о впечатлениях, которые оставило у них совещание, отвечал на вопросы.

Завязался серьезный разговор о проблемах жизни, о важных вопросах развития современной молодой советской литературы, об овладении литературным мастерством. Просто и непринужденно делился большой писатель своими раздумьями об огромной роли творческого общения писателей разных поколений, говорил о пагубном влиянии ранней профессионализации, о решающем условии творчества — неразрывной связи художника с жизнью. Высказывания Михаила Александровича сводились к тому, о чем писатель уже не один раз напоминал молодым: «Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа».

Писатель всегда должен помнить о высоком чувстве ответственности перед читателем. Он должен вести предельно трудную битву за совершенствование каждого своего слова. И воскресная беседа снова отыскала в благодарной памяти те незабываемые и точные слова, с которыми Михаил Александрович несколько лет назад обращался в Ростове-на-Дону к своим землякам — молодым литераторам.

— Молодые друзья! Не всегда легко приходится молодому автору, надо прямо сказать, нередко трудновато бывает ему, а все же не торопитесь высказать невыношенное. Надо дать жизнь такой книге, которая бы звучала и жила долго.

...На прощание Михаил Александрович написал в памятной книге пятого Всесоюзного совещания: «Рад успеху Совещания! Как всегда, желаю молодым свершений, дерзаний и успеха».

Участники Всесоюзного совещания решили силами литераторов собрать библиотеку для воинов-пограничников. Поддержав это доброе предложение, Михаил Александрович передал в дар героям-дальневосточникам, мужественно оберегающим рубежи родной страны, несколько своих книг. На титульном листе одной из них он признательно написал: «С поклоном. Михаил Шолохов».

Молодой прозаик Владимир Воробьев от имени комсомолии Камчатки преподнес М. А. Шолохову подарок, изготовленный народными умельцами Корякского национального округа.

Надолго запомнилась делегатам-литераторам беседа с удивительным художником, чьи книги вот уже четыре десятилетия волнуют человечество, которые никогда нельзя читать спокойно и от которых всегда так трудно оторваться.

Михаил АНДРИАСОВ

На снимке: М. А. Шолохов со своими молодыми гостями.

Фото М. Харлампиева.

Вот они, победители!

ТАМ, ГДЕ ГОТОВИЛАСЬ ПРОВО

Николай ПАСТУХОВ, Александр СЕРБИН, специальные корреспонденты «Огонька».

Вторая половина февраля 1969 года.

Еще не прозвучали выстрелы над Уссури. Еще не залит кровью снег на острове Даманском. Еще жив начальник советской погранзаставы старший лейтенант Иван Иванович Стрельников.

И мы, советские журналисты, остановясь проездом на несколько дней в Пекине, еще не знаем, что скоро будем внимательно вчитываться в строчки своих записных книжек, чтобы еще глубже почувствовать ту атмосферу, в которой родилась подлая провокация на советской границе.

...Серое, какое-то прямоугольно-неуклюжее здание пекинского аэропорта с огромным портретом Мао. Едва мы, несколько советских людей, входим в низковатый зал первого этажа, как нас оглушает барабанный гром. У стены, на которой висит такой же огромный портрет «красного солнышка»,— группа молодых людей, парней и девушек, одетых в новенькие серые бумажные костюмы, с красными значками на груди, каких-то особенно сытых и довольных. Размахивая в такт барабанному бою красненькими книжечками цитатников, пританцовывая, они хором декламируют изречения «великого кормчего», замирают в молитвенных позах перед портретом, снова начинают танцевать, потом поют культовые песни — «Алеет Восток», «В открытом море не обойтись без рулевого».

Под этот аккомпанемент мы заполняем таможенные декларации и проходим досмотр. Чиновник таможни с бледным лицом аскета, на котором, кажется, никогда не может появиться улыбка, тщательно пересчитывает наши финансовые ресурсы и требует предъявить фотоаппараты, допытываясь, сколько у нас с собой пленки.

А за спиной у нас продолжает греметь барабан. Потом серые фигуры строятся в ряды и, подняв вверх красные книжечки, уходят под барабанный бой из зала.

Уходим и мы. Нас приводят в гостиницу рядом со зданием аэропорта. В двухэтажном помещении гостиницы с пустыми комнатами нам предстоит прожить неделю — мы будем здесь почти одни. Правда, время от времени будут появляться какие-то люди и потом исчезать. Внизу дежурный по гостинице каждый раз будет бросаться к телефону, как только мы захотим выйти на улицу, и куда-то звонить. Нас окружит здесь непонятная, странная пустота. За неделю мы лишь три-четыре раза услышим звук самолетных двигателей и увидим небольшие группки пассажиров, главным образом иностранцев. Во все остальное время будет пустовать серое здание аэровокзала и пустынной будет большая площадь перед этим зданием. Позже мы узнали: в километре от аэропорта стоит будка, из которой следят за тем, чтобы никто из китайцев, не работающих здесь, не проник в эту запретную для них зону.

В каждом номере, где мы жили, висели портреты Мао и его изречения, вставленные в рамки. Было заметно, что раньше в этих рамках были картины. Портреты и цитаты мы видели потом всюду: во всех магазинных витринах, на домах и специальных щитах, на фонарных столбах, над входом в зоопарк. На площади Тяньаньмынь портрет «кормчего» подпортился, и какой-то человек подкрашивал его. Зрелище показалось символичным — образ «кормчего» приходится освежать...

Сам Пекин с его не очень чистыми улицами, на которых стоят давно не ремонтировавшиеся дома (у «культурной революции» были иные задачи, которые не предусматривали поддержание порядка в городе), поражает контрастом с пустынной аккуратностью аэропорта. Сгорбленные фигуры велосипедистов, одетых в синее, непрерывно крутящих педали, военные с цитатниками в руках, застывающие в монументальных позах перед объективами фотоаппаратов на площади Тяньаньмынь, плохо одетые детишки, выкрикивающие на улицах через рупоры цитаты Мао, ассенизационные повозки и красный цвет лозунгов на грязно-сером фоне — эти компоненты внешней жизни китайской столицы удивляют несоединимостью.

Красные полотнища с изречениями на улицах Пекина, красные груды цитатников, красные значки с изображением «великого» — все это выглядит как издевательство над красным цветом революции. Чувствуешь, как искусствен он здесь, в этом городе, задавленном злой волей политических авантюристов.

Они, кто кричит о своей «революционности», сделали своей профессией антисоветизм. В гостинице, где мы жили, стоял длинный стол, заваленный пропагандистской литературой на всех языках. Мы перелистали эти брошюры и книжонки. В них не находилось места для разоблачения империализма, для осуждения гоминдановцев. Весь упор был сделан на борьбу с Советским Союзом. С фальшивым пафосом, в грязных, клеветнических выражениях маоисты обрушивались на все, что касается нашей страны,— на ее политику, на ее действительность, на ее народ, на Коммунистическую партию Советского Союза.

Один известный советский писатель перед нашим отъездом обратился с просьбой купить в книжном магазине в Пекине его роман, который, как он слышал, когда-то был переведен на китайский язык.

Мы честно пытались выполнить его просьбу. Но дело в том, что в Пекине нам не удалось найти ни одного книжного магазина в собственном смысле этого слова. Такие магазины уже давно не существуют здесь. «Культурная революция» предприняла попытку уничтожить все литературы, включая классическую — зарубежную и национальную. Их заменила одна красная книжонка карманного размера — цитатник Мао Цзэ-дуна. Только через цитаты из произведений «великого кормчего» китайскому народу дозволено познавать «науку» и «философию», «литературу» и «политику».

Однако изъятие литературы из жизни китайского народа не единственное чудовищное последствие «культурной революции». Мы видели в Пекине и другую трагедию — глумление над китайским культурным наследием, насчитывающим тысячелетия. Знаменитый пекинский Храм неба произвел на нас угнетающее впечатление. Древние бронзовые драконы изрядно помяты и побиты, чеканка по металлу и резьба на мраморе залиты известью. Зато и тут повсюду портреты Мао и полотнища с его цитатами — явная попытка создать на месте старых храмов капище новому идолу. Та же картина и в летней резиденции императрицы Цы Си. Этот архитектурный ансамбль на берегу живописного озера превращен в «агитдворец» идей Мао.

Один иностранец, живущий в Пекине, рассказал нам, что видел своими глазами, как хунвэйбины разрушали старинные храмы и пагоды, бесчинствовали в музеях, уничтожали памятники даже таким людям, как Конфуций и Сунь Ят-сен.

А есть ли в Китае люди, которые хоть как-то протестуют против этого варварства? Нам кажется, что мы видели этих людей. Это те, кто посещает памятники китайской культуры и выражает им свое уважение. Быть может, это еще не осознанный протест, но все-таки в условиях попытки тотального уничтожения культуры такие посещения выглядят как немой протест. Во всяком случае, они вопреки указаниям Мао не желают порывать с культурным наследием своей страны.

Нам неизвестно, знали ли эти люди, с которыми мы встречались у памятников старины, что мы из Советского Союза — главного объекта всей злобной китайской пропаганды. Возможно, что некоторые из них догадывались. Однако никто из китайских граждан не проявил к нам не только враждебности, но и отчужденности.

В Храме неба стоит огромная, кольцеобразная стена, хранящая тайну акустики, оставшуюся известной только строителям. Находясь на разных, весьма удаленных точках у этой стены, повернувшись лицом к внутренней части цилиндра, люди могут без труда разговаривать друг с другом. У этой стены стояли и мы и китайцы. И она разносила одновременно и русскую и китайскую речь. Восхищенно улыбались мы, восхищенно улыбались китайцы. И те и другие отдавали должное мудрости древних китайских зодчих, создавших эту стену. Незримое духовное общение между всеми, кто находился у стены, как нельзя лучше говорило о том, что в цитатниках Мао существует явная брешь.

Есть еще и другая брешь: стремление китайских граждан к удовлетворению не только культурных, но и материальных потребностей. Мы находились в Пекине, когда там праздновался новый год по лунному календарю. Маоистам не удалось отменить этот праздник, который передается по эстафете поколений из глубокой древности, не удалось наполнить его новым, в духе цитат Мао содержанием. Это простой и бесхитростный семейный праздник. В дни лунного нового года жители китайской столицы носились по городу на велосипедах, пытаясь хоть что-нибудь купить к праздничному столу, достать хлопушки...

Мы очутились на одной из шумных торговых улиц. Людской поток забросил нас в универсальный магазин, прокрутил по этажам и снова вынес наружу. Подростки на углах по-прежнему до хрипоты выкрикивали в рупоры цитаты Мао, но их никто не слушал. Все были заняты покупками. Рупоров вообще не было слышно в гудевшей, оживленной, забывшей все толпе. Создавалось впечатление, что по крайней мере здесь, в торговом районе, а не в официальном центре Пекина, маоизм будто отошел на задний план. Главное было купить хоть что-то. Выбор в магазинах был мизерный, практически крайне необходимых товаров нет, а там, где на прилавках появлялось что-то, моментально возникали длинные очереди. В эти мгновения народ жил традициями своего праздника.

И не случайно именно в эти дни «великий кормчий» забил тревогу. Вдруг радио Пекина объявило, что в восемь вечера будет пере-

КАЦИЯ

даваться «очень важное сообщение». Город сразу как-то притих, все насторожились. Наконец, радио передало «новейшие указания» Мао — редакционную статью «Жэньминь жибао». Смысл «новейших указаний» сводился к банальным фразам о необходимости «развивать революцию», участвуя в политике и производстве. Но был в «новейших указаниях» и еще один призыв — «способствовать подготовке на случай войны». Зловещий смысл этого призыва стал особенно ясен позднее, в начале марта...

Как только замолкло радио, явно по заранее составленному плану пекинцев вытащили на демонстрации для выражения «единодушного одобрения новейшим указаниям». В этот день вечером мы проехали по улицам китайской столицы. В темноте пекинской ночи, уже в одиннадцатом часу, по городу двигались нестройные ряды демонстрантов. Среди них были и взрослые и дети. На демонстрацию вывели даже учеников младших классов, даже дошкольников. Маленькие, замерзшие, ничего не понимающие, они шли покорно и устало. До глубокой ночи под бой барабанов и звон литавр людей водили по улицам, оторвав от дома и «приобщая к политике», а главным образом — к антисоветской пропаганде.

Судя по всему, такие демонстрации — весьма частое явление в жизни современного Китая. Они выглядят как своеобразный политический допинг, который маоисты заставляют глотать. Но он не может действовать вечно и постоянно. Во всяком случае, мы не чувствовали энтузиазма у этих понурых и измученных людей, тяжело шагавших по пекинским улицам.

Не случайно, наверное, через десять дней после этих демонстраций маоистам понадобился новый, более сильно действующий допинг — кровавая провокация на острове Даманском.

...С Китаем мы расставались опять под барабанный бой и аккомпанемент культовых песен. В аэропорту Гуаньчжоу под портретом Мао миловидные, тоненькие девушки маршировали, размахивая тяжелыми винтовками, кололи штыками пустоту, стараясь выглядеть грозно. «Сколько обманутых в Китае?» — думалось нам в это время.

Уже за рубежами Китая мы узнали о событиях на Уссури, о новых антисоветских демонстрациях на китайской земле. Надолго ли хватит нового запала антисоветской истерии?

Пекин — Москва.

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ

Викентий МАТВЕЕВ

Кровоизлияние в мозг положило конец сорокалетнему правлению португальского диктатора Салазара. В феврале этого года его привезли из больницы во дворец Сао Банто в Лисабоне парализованным и в полусознании. На его место встал Марсела Каэтану. Прикованный к постели, переживающий затяжную агонию, Салазар символизирует состояние всей португальской колониальной империи — самой последней империи, оставшейся на земном шаре.

Острова Тимор у Австралии и Макао у китайского побережья образуют ее границы на Дальнем Востоке. Располагаясь под боком у КНР, португальские наместники на Макао чувствуют себя как у Христа за пазухой. Роль Христа исполняют в данном случае Мао Цзэ-дун и его группа. Когда речь идет не о словесных извержениях, а о делах, то вся «революционность» маоистов разлетается в прах. Португальские колонизаторы на Макао живут припеваючи, не в последнюю очередь благодаря щедротам маоистов. Долг платежом красен. Даже на игорных казино, какими кишит Макао, висят портреты Мао Цзэ-дуна с изречениями «кормчего».

Как бы в Лисабоне хотели, чтобы такие же тишь и благодать царили во всей заморской империи, а не только на Тиморе и Макао! Несбыточные мечтания! Основа португальской империи находится в Африке. Ангола и Мозамбик по размеру в двадцать раз больше Португалии. Макао по сравнению с ними — крошечный островок среди бушующего моря. Вот уже несколько лет на просторах Анголы, Мозамбика, «Португальской» Гвинеи идет ожесточенная вооруженная борьба.

«Вечная империя» зашаталась. В 1955 году салазаровцы объявили, что впредь никакого различия между метрополией и заморскими владениями не будет. Ангола, Мозамбик, Тимор, Макао должны были стать частью «великой Португалии». Сейчас 85 тысяч португальских солдат штыками и огнем пытаются скрепить опоры величия. Арсеналы Атлантического блока — в распоряжении карателей. Английский буржуазный журналист Бэзил Дэвидсон, побывавший в Анголе осенью 1967 года, сфотографировал осколок бомбы, сброшенной на отряды партизан с португальского самолета. На осколке стоял штамп: «FCM-1-55 NAPALM 300 K6 — 350L M/61». Изделия с таким клеймом сеют смерть на вьетнамской земле, в песках Иордании и Синайского полуострова.

Штемпель на английском языке «Via Britain» («Транзитом через Англию») стоял на пакете, врученном 3 февраля 1969 года доктору Эдуардо Мондлане в тихом коттедже на берегу моря в Дар-эс-Саламе, столице Танзании. Через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв. Мондлане погиб.

Организаторы взрыва убили руководителя национально-освободительного движения Мозамбика, но они ничего не могли и не смогут сделать с тысячами партизан, сражающихся с португальцами в Мозамбике, с сотнями тысяч жителей этой территории, поднявшихся на освободительную борьбу.

Мозамбик — это слитки золота, получаемые португальскими рабовладельцами за рабочую силу, которую они продают рабовладельцам Южной Африки. Это металлические руды, вывозимые в Соединенные Штаты Америки, это, наконец, важный стратегический плацдарм, откуда можно угрожать соседним независимым африканским странам и контролировать просторы Индийского океана.

Без Мозамбика и Анголы не будет португальской империи, диктатуры преемников Салазара в Лисабоне, а без этой диктатуры Атлантический блок лишится одной из своих опор в западном Средиземноморье. Из штабов НАТО цепкие щупальца протягиваются в джунгли Анголы и на равнины Мозамбика, обагренные кровью патриотов. Еще свежа земля на могиле Эдуардо Мондлане, а новые порции взрывчатки заготавливаются и посылаются из таинственных адресов для того, чтобы убрать борцов, которые лишают сна господ в Лисабоне.

13 марта было совершено покушение на видного деятеля Фронта освобождения Мозамбика Марселину душ Сантуша. Двумя днями ранее была перехвачена посылка с бомбой другому руководителю Фронта. Стало известным, что бомба, убившая Эдуардо Мондлане, была послана из Западной Германии.

И в это же время в Лисабоне чествуют гостя из Южно-Африканской Республики — военного министра расистского правительства Претории. «У Португалии и ЮАР — общая цель»,— заявляют хозяева и гости, потрясая кулаками против африканских стран, стоящих на антиимпериалистических позициях.

Гибель Мондлане напоминает о судьбе генерала Дельгадо — видного буржуазного деятеля Португалии, эмигрировавшего из страны в 1959 году и собиравшего вокруг себя силы оппозиции режиму Салазара. Об этом следует сказать, так как Э. Мондлане тоже был деятелем либерального толка. Силы крайней реакции, силы фашизма стремятся физически уничтожать даже деятелей умеренных, либеральных, но отказывающихся сгибаться перед свастикой.

Вспоминается встреча с генералом Дельгадо на конференции сторонников мира Средиземноморья летом 1964 года в Алжире. Сухощавый пожилой человек, сидевший передо мной, рассказывал, как в 1952—1957 годах он представлял Португалию в военном комитете НАТО в Вашингтоне и как постепенно приходил к убеждению, что членство в НАТО обрекает Португалию на незавидную участь марионетки, исполняющей для своих хозяев самую грязную работу. Дельгадо упомянул, что Бонн покрывает до четверти военного бюджета Салазара в оплату за военные базы ФРГ на португальской территории. Прошло полгода, и Дельгадо был зверски убит агентами португальской охранки ПИДЕ.

Нет преступления, на которое не шли бы сегодняшние колонизаторы, наследники Сесиля Родса и Китченера, ибо они знают, что сидят на вулкане.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЩЕДРАЯ РАДОСТЬ

НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ

Тускло светят фиолетовые, синие фонари. Суровы темные громады домов. В сером вьюжном небе шарит одинокий прожектор. Пустынно. Москва. 1942 год.

Ночь глядит в заклеенные крест-накрест бумагой окна. В квартире тихо, все спят. Вдруг покой прорезает резкий звонок. В передней комендантский патруль в белых дубленых полушубках. Проверка документов. Ручной фонарик осветил огромную фигуру хозяина.

— «Петр Петрович Кончаловский. Год рождения 1876»,— читает боец.— Пожалуйста,— возвращает он паспорт.

Патруль прошел в комнату к сыну, Михаилу,— все в порядке. Затем идут в столовую, и луч фонарика внезапно озаряет лежащего человека.

— А это у вас кто тут? — спрашивает красноармеец.

— Этот живет у нас без прописки,— отвечает Михаил.

Пучок света выхватил из мрака бледное молодое лицо с темными большими глазами, скользнул по золоту эполет, сверкнул по рукояти сабли, сжатой маленькой, но энергичной рукой, замерцал на газырях и погас, запутался в косматой черной бурке. В тьму комнатки будто ворвался голубой кавказский рассвет. В широко распахнутую дверь стала видна запряженная парой бричка, а вдали изумрудная долина, покрытая прохладной тенью. Светает. Мирные дымы встают над аулом. Вверху в грозном одиночестве ослепительно белый, снежный Казбек...

— Лермонтов,— узнают бойцы,— кто это написал?

— Отец,— отвечает Михаил.

И потом они вместе с художником долго стоят у большого холста.

— Крепко работаете,— взволнованно произносит молодой боец и пожимает руку Петру Петровичу.

— Простите за беспокойство, желаем быть здоровым.

Война. Кончаловский отлично знает, что это такое. В 1914 году он, русский прапорщик, артиллерист, дрался с врагом под Леценом, выходил из окружения, был ранен. Три года фронта...

Сегодня шестидесятишестилетний мастер не покинул любимый город, не уехал в эвакуацию. Он, как всегда, на посту, в мастерской. Пишет ежедневно, упорно, вдохновенно. Но наступает зима, в студии становится адски холодно. И художник решает перенести картину «Лермонтов», над которой он работает, на квартиру. Правда, комнатка мала, нет возможности отойти от холста, и приходится писать почти вслепую. Правда, и здесь не тепло, и живописец трудится в полушубке и перчатках. Он работает жадно, помногу, и невзгоды не могут помешать ему.

...Вскоре произошла вторая, не менее знаменательная встреча «Лермонтова» со зрителем. Вот как это было.

Старый особняк в Собиновском переулке. Дом Совинформбюро. Здесь в это суровое время порою встречались писатели, композиторы, художники, музыканты. Бывали Алексей Толстой, Леонид Леонов, Дмитрий Шостакович и многие другие. Словом, это были литературные вечера и концерты, на которых можно было услышать музыку Рахманинова и Прокофьева в блестящем исполнении тогда еще мало известного Святослава Рихтера или вновь насладиться волшебным голосом Обуховой, певшей русские романсы...

— На один из таких вечеров,— вспоминает искусствовед Н. И. Соколова, работавшая в ту пору в Информбюро,— мы пригласили Петра Петровича Кончаловского, и он с большой охотой согласился прийти.

— Могу притащить к вам «Лермонтова»,— сказал он.

...Зал полон. Рядом с роялем мольберт, на котором в золотой раме — «Лермонтов». Им любуются, иные спорят. Все ждут концерта. Ждут приезда великой Обуховой. А ее все нет.

И тут произошло неожиданное. К «Лермонтову» подошел Иван Семенович Козловский и запел «Белеет парус одинокий».

Дивные слова поэта, чарующий голос певца, обаятельный образ Лермонтова, его задушевное, немного печальное лицо, глядевшее с полотна в зал,— все это слилось воедино, в одно великое слово — Родина.

ДОЧЬ СУРИКОВА

На московских вернисажах, премьерах пятидесятых годов нельзя было не заметить и не залюбоваться неизменно шествующей рядом супружеской парой. Ни сутолока, ни теснота, ни обычный для таких дней шум будто не влияли на их постоянно приветливое, доброе состояние. Огромный, на голову выше всех, с мягким, почти детским выражением лица, никак не сочетавшимся с крутым лбом, изборожденным резкими морщинами, прямой, широкоплечий, этот человечище, с большими, сильными руками, осторожно вел рядом маленькую женщину с радушным и открытым лицом, привлекательной той особенно милой сердцу простотой и душевностью, которая присуща русским красавицам. Это были Ольга Васильевна и Петр Петрович Кончаловские.

....10 февраля 1902 года в Москве в Хамовнической церкви венчались Ольга Васильевна и Петр Петрович. Впереди их ожидал более чем полувековой путь, полный радостей и огорчений, побед и неудач... Но в то светлое морозное утро они не ведали обо всем этом ровным счетом ничего. Они были молоды и любили друг друга. Их окружали и привечали замечательные художники. На их свадьбе были В. А. Серов и М. А. Врубель. Их брак благословил сам В. И. Суриков — отец Ольги Васильевны.

Судьба, казалось, баловала Кончаловского. Еще мальчиком в доме отца он познакомился с целой плеядой великих русских художников — Суриковым, Коровиным, Врубелем, Серовым. Сохранился рисунок Врубеля к «Демону», датированный 1891 годом, на котором стоит дарственная надпись: «Пете Кончаловскому». Первый этюдник с полным набором масляных красок ему подарил Константин Коровин. Юный Петр обожал искрометного Коровина, и на первых порах его живопись была похожа на коровинскую. Но лишь на первых порах. Очень скоро молодой художник вступит на тернистый путь экспериментов и исканий и забудет многочисленные похвалы почитателей его юного дарования, среди которых был сам Суриков.

Вскоре после свадьбы супруга записывает: «Внутренний мир Петра Петровича был такой сложный, что до 1908 года он не был удовлетворен ни одной своей картиной. Работал он много, усидчиво, но почти каждую работу ждал один конец: он ее уничтожал...»

Возможно, перед читателем встанет образ неудачника и ипохондрика, которому не стоило и начинать путь живописца. Тогда позволим себе процитировать отрывок из письма В. А. Серова к Петру. «Рад за Вас, а если хотите, так и завидую, что же Вам еще? Талант есть, свежесть, бодрость, энергия...»

Но вернемся к записям Ольги Васильевны.

«Пришло время окончания Академии, надо было писать картину на конкурс. Мы поехали на Волгу, в Плес, жили на берегу. Петру Петровичу захотелось написать людей на воздухе...Когда картина была кончена, то стало ясно, что есть умение и мастерство и должен быть успех. Но Петру Петровичу казалось, что так нельзя начинать жизнь и тут же ее кончать в каком-то среднем благополучии. Он спросил меня: «Не разрезать ли эту картину на куски, чтобы порвать с ней?» И я ответила: «Режь, Петечка!» Он взял перочинный ножик и разрезал картину по диагонали на куски. Ему стало легче...»

Какое огромное чувство, какая вера в талант любимого человека стоят за этими бесхитростными строками. Но все же надо было кончать Академию, и художник представляет другую картину, написанную в Архангельске,— «Рыбаки тянут сеть». За эту картину он получил звание художника. Окончив Академию, Кончаловский становится художником-профессионалом. Вот как сухо и кратко описывает он один из самых бурных периодов своей долгой жизни:

«Итак, с 1907 года начинается моя художественная деятельность; тут определились вполне мои искательские стремления и взгляды на искусство. С 1909 года начинаются мои регулярные выступления на ряде выставок: на «Товариществе», «Золотом руне», «Новом обществе художников», «Бубновом валете», в числе основателей которого я был, и на «Мире искусства».

Эта деятельность живописца нисколько не охладила темперамент экспериментатора, и мы вновь обращаемся к записям Ольги Васильевны, мужественно несущей свой крест сподвижницы художника.

«Молодой, буйной голове в 1912 году казалось, что мимо Венеции можно проехать, не заехав в нее, прямо к себе на родину и там создавать какие-то глыбы. Я была ему подругой. Ведь, может быть, для того, чтобы написать тонкий облик Дуловой... улыбку Наташи, тонкость цветов, чтобы кисть была упругой и послушной, ему необходимо было ворочать каменными глыбами».

Начало первой мировой войны застает художника в Красноярске, где он гостит у Суриковых. Тут ему дали крупного сибирского коня, и он вступает в 8-й Сибирский стрелковый артдивизион, где он провоевал до конца войны...

«Революцию мы воспринимали как избавление от чего-то рабского, хотя первые два года были очень трудны и полны лишений. Но мы были молоды и счастливы!..»

НОВГОРОД СОВЕТУЕТ...

1923 год. Кончаловский создает свой знаменитый «Автопортрет с женой». Он откровенно пишет этот рембрандтовский мотив. В этом полотне он окончательно избавляется от «измов», и живопись картины — полнокровная, сочная, материальная — показывает нам нового Кончаловского — реалиста, продолжающего самые высокие традиции школы. Этот холст стал как бы вехой во всем его творчестве. Символично, что в этой картине живописец воспевает супружескую любовь. Художник поднимает бокал за победу и счастье, завоеванные рука об руку с женой и другом. Вслед за этим холстом мастер создает целый ряд превосходных картин. Это были годы взлета...

Кончаловский, проезжая однажды Красную площадь с писателем Всеволодом Ивановым, рассказал ему любопытную историю. Как-то Суриков, вскоре по окончании «Утра стрелецкой казни», стоял у окна Исторического музея и глядел на площадь. Подошел некий искусствовед и спросил: «Скажите, Василий Иванович, с каким историком вы советовались, когда писали «Утро стрелецкой казни»? Суриков, указывая на главы Василия Блаженного, ответил: «Я с ними советовался. Они ведь все это видели...»

Думается, что подобные чувства испытывал сам Кончаловский, работая над пейзажами в Новгороде. «Я почти не знал нашей страны,— пишет художник.— Мало интересовался ею, и тем сильнее она захватывала теперь меня какой-то особой теплотой, своеобразной, чисто русской красотой. Этот «захват» и отразился, разумеется, в живописи».

Так Новгород «посоветовал» Кончаловскому и открыл художнику всю прелесть Отчизны и окончательно вернул Руси ее блудного сына.

...Свыше пяти тысяч произведений — картин, портретов, натюрмортов, написанных маслом, акварелей, рисунков,— создано за шестьдесят лет творчества Петром Петровичем Кончаловским. Это могучий поток, в котором есть свои отмели, стремнины, а порою и омуты. Делом искусствоведов и доброжелательной критики было разобраться и осознать прогрессивную, воспитательную роль опыта жизни художника, пришедшего к полнокровному реалистическому письму через преодоление формалистических увлечений. Вместо этого иные «критики» третировали художника, бесконечно вспоминая его «сезаннизм» десятых годов. Рассказывают, что один деятель искусства заявил об охотничьем натюрморте — «Да ведь, милые, этот дохлый заяц ведь н е н а ш заяц».

К счастью, в нашей прессе появлялись статьи другого стиля и уровня. Вот что писал о художнике Луначарский. «Кончаловский не может быть нам чуждым. Появление и развитие такого художника среди нас — это для нас благо». И далее, отвечая непомерно суровым критикам: «Можно и нужно требовать от художника все большего. Можно и нужно направлять его на наиболее острые и ценные «злобы дня», но нужно тоже уметь ценить то, что он дает,— не потому, что всякое деяние «благо», а потому, что критика без готовности учиться, наслаждаться, обогащаться, критика сквозь черные очки мешает брать от жизни и искусства многие прекрасные плоды».

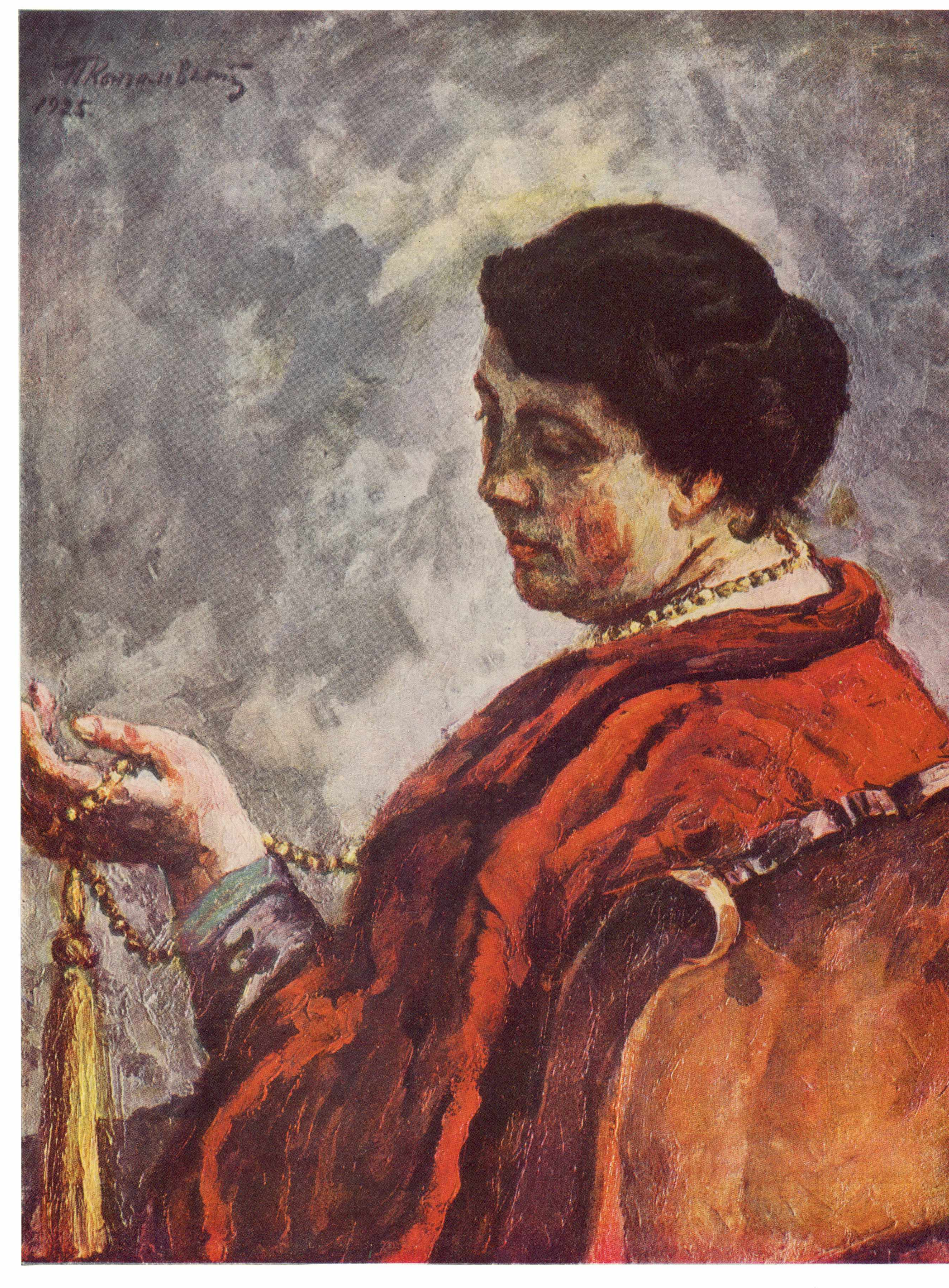
ЖИЗНЬ ЕГО — КРИСТАЛЛ!

Всего месяцы отделяют нас от большой выставки Кончаловского, которая была открыта в Академии художеств. И, пожалуй, никогда доселе ни одна экспозиция в академии не показала так зримо, как большой художник и человек, пройдя горнила умозрительных и порою несколько схематичных построений раннего периода, преодолев и переработав посвоему влияние Сезанна, наконец, обретает полную силу и звучание, расковав дремавшую до сих пор в нем истинную жизненную мощь, раскрывшуюся потом в произведениях полнокровных, реалистических и истинно русских.

Ранние работы Кончаловского носят на себе следы яркого колористического дарования живописца, где художнику нельзя отказать в темпераменте композитора. Но представьте себе на миг, что мастера вдруг постигла беда, и мы не увидели бы никогда его портретов современников, букетов цветов, пейзажей Новгорода. Мы бы не узнали настоящего Кончаловского, певца радости жизни, воспевшего аромат русских полей и садов, непреходящую красу древних храмов, улыбку юных женщин и смех румяных детей. Словом, мы бы не увидели Солнца, а видели лишь бы Луну, ибо ранний Кончаловский светился во многом светом отраженным, и часто мы ловим себя на мысли: сколько в иной его работе той поры — Сезанна, Дерена, Вламинка... француза или испанца?

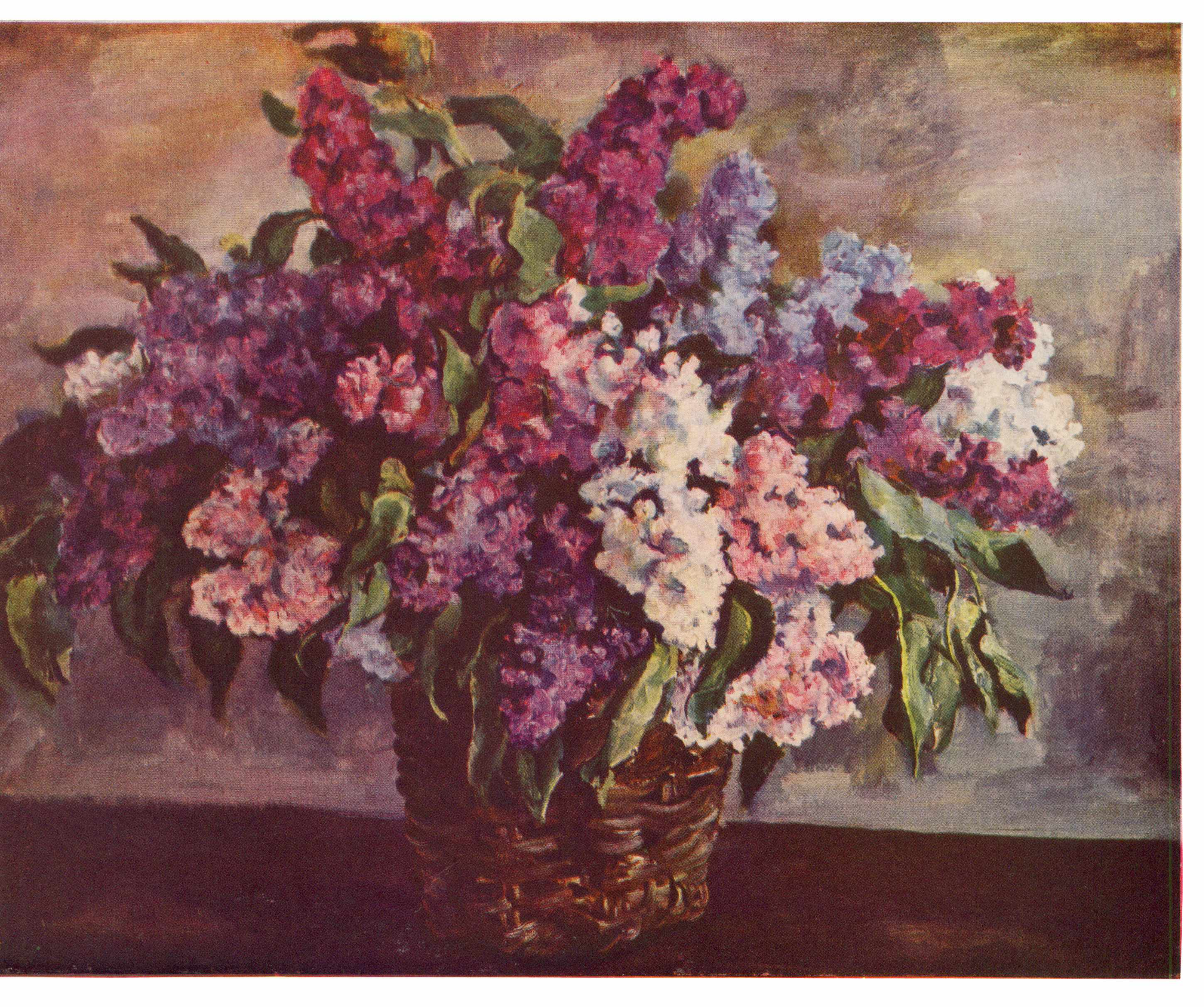
...Кончаловский. Талант своеобычный. Он являет сегодня пример художникам всех поколений, как велик искус истинного творца, призванного преодолеть многие соблазны и эфемерные красивости, даже порою облеченные в формы кричащие и огрубленные. Талант, нашедший силу, обрел, наконец, ту ясность и простоту видения мира, которая свойственна лишь дарованиям мощным, способным нести свет искусства вечного, но недоступного слабым, имя которому р е а л и з м...

«Петр Петрович,— говорил Александр Фадеев,— идет в жизни необыкновенно прямой дорогой, не применяясь ни к чему... Жизнь его — кристалл. Они с женой идут рука об руку, проникнутые одним духом, одной верой в свою правоту... и живопись его поэтому так недостижимо высока и правдива»

П. Кончаловский. 1876—1956. ПОРТРЕТ О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ, ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Кончаловский. СИРЕНЬ.

Государственная Третьяковская галерея.

К 25-летию освобождения Одессы

Рейд на Одессу

И. А. ПЛИЕВ,
генерал армии,
дважды Герой Советского Союза

I. Ночная атака — оружие смелых

Я могу позволить себе размышлять не более десяти минут. Требуется решить, атаковать Раздельную немедленно или дать усталым, донельзя измотанным людям передохнуть до утра.

Идут пятые сутки с того часа, как наша Конно-механизированная группа пересекла линию фронта и продолжила рейд. За это время мы форсировали Ингулец, разметали вражеские части, пытавшиеся преградить нам путь в оперативный тыл немцев, решительными ночными атаками овладели двумя важнейшими опорными пунктами противника — Березовкой и Сталино. И все эти пять суток ни один казак, ни один танкист не сомкнули глаз.

Теперь перед нами Раздельная. Третий по счету и едва ли не самый важный для гитлеровцев пункт. Через Раздельную проходит единственная железная дорога, ведущая за Днестр, в Румынию. Взять Раздельную — значит, как пробкой, заткнуть путь эвакуации техники, войск, награбленного имущества из Одесского укрепленного района. Взять Раздельную — значит загнать гитлеровского генерала Холлидта в мешок, обречь его войска на разгром. А ведь 6-я армия, которой командует Холлидт, создана самим Гитлером, чтоб отомстить за уничтоженную под Сталинградом армию Паулюса, носившую тот же номер. Недаром Гитлер окрестил эту новую 6-ю армию «армией мстителей».

Собственно, войска Третьего Украинского фронта, в который входит наша Конно-механизированная группа, однажды Холлидта уже разгромили.

В начале марта 1944 года во взаимодействии с 8-й гвардейской армией генерала В. И. Чуйкова наша группа внезапным ударом углубилась во вражеский оперативный тыл. Нежданно для противника мы захватили город Новый Буг, повернули к Снигиревке и Березнеговатому, рассекая вражеские порядки, дезорганизуя связь и управление войсками, уничтожая оперативные резервы и заставляя врага бежать, бросая все, что невозможно вывезти по бездорожью, по непролазной грязи, вне перехваченных нами дорог.

Войска Третьего Украинского фронта под командованием генерала Р. Я. Малиновского, воспользовавшись дезорганизацией тыла Холлидта, в решительном наступлении с востока довершили разгром Березнеговато-Снигиревской группировки врага и соединились с нашей Конно-механизированной группой, которая наступала с запада, со стороны вражеского тыла.

Мне рассказывали, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, узнав о разгроме Березнеговато-Снигиревской группировки противника, сказал: «А здорово казаки Плиева расчихвостили вторично 6-ю армию Холлидта!» В сводке Совинформбюро говорилось: «Главное поражение нанесено противнику в период 13—16 марта с. г., когда немецкое командование в связи с выходом гвардейской группы генерал-лейтенанта Плиева на немецкие тылы потеряло всякое управление войсками и отдало приказ — пробиваться на запад мелкими группами и даже одиночным порядком».

И вот теперь, после короткой оперативной паузы, мы продолжаем рейд. Наша главная цель — Одесса, Одесский укрепленный район, в который Холлидт отвел свои уцелевшие армейские корпуса, подтянул свежие резервы и, повинуясь приказу Гитлера, поклялся отстоять.

...Сквозь глухую, непроглядную стену весенней ночи, сквозь частую сетку дождя пополам со снегом светятся тусклые огоньки станции. Ветер доносит вздохи паровозов, частый перезвон буферов, тонкие свистки рожков стрелочников и составителей. На Раздельной враг нас не ждет. Гитлеровскому командованию и в голову не приходит, что по такой непролазной грязи, в густой, что сажа, темени можно решиться на атаку. А я знаю: если пойдем в атаку сейчас, ночью,— возьмем станцию почти без потерь. Дожидаться утра — значит дать врагу изготовиться к обороне. А враг, хоть и потрепан, все еще очень силен...

Разведчики полковника Компанийца уже побывали в районе станции, и нам известно, что ее обороняют немалые силы: 258-я и потрепанная, но вполне боеспособная 335-я пехотные дивизии немцев, а также сильные и многочисленные охранные части. А к утру враг, который очень обеспокоен дерзкими действиями крупной Конно-механизированной группы в своем тылу, наверняка подтянет резервы. Наконец с рассветом появится вражеская авиация.

Словом, ежели отдохнем до утра, много казаков никогда более не вернется к родным куреням. Нельзя ждать. Завтра враг будет говорить с нами в полную силу. А от того, разобьем мы противника в Раздельной нынешней ночью или нет, зависит все: судьба людей, судьба рейда, а может, и судьба Одессы.

Я сижу в машине, на переднем сиденье, и, прикрыв глаза, напряженно думаю те десять минут, которые отвел себе. Рядом чуть слышно посапывает шофер, сержант Король, уронив голову на баранку. Позади — я не вижу их, но знаю — дремлют мой адъютант майор Семенидо и автоматчик охраны. И справа и слева слышно сонное дыхание: спят казаки в седлах, уткнув головы в конские гривы, спят артиллеристы на лафетах орудий и на зарядных ящиках, спят танкисты в танках и десантники на броне. И кони сонно переступают ногами, чавкая в густой, по колена грязи...

Собственно говоря, решение уже принято: мы должны атаковать немедленно. Кавалерийские дивизии, механизированный корпус, отдельная мотострелковая бригада, отдельные полки танков и самоходных артустановок — все стоят на исходных рубежах атаки. Я думаю о другом: как подбодрить людей, вдохнуть в них новые силы, как одолеть нечеловеческую усталость? Десять минут истекли. Я выхожу из машины.

— Семенидо!

— Слушаю, товарищ командующий!

Майор уже стоит передо мной. Сна — ни в одном глазу. Готов идти хоть к черту в зубы, чтоб выполнить задание. Я знаю: он может не дойти живым. Может не вернуться. Но вернуться и не выполнить приказа не может.

— Семенидо!— говорю я.— Передайте командирам частей и соединений: в атаку поведу сам.

Пока спешивают какого-то казачину, чтоб дать мне коня, я вспоминаю о своем Тереке. Совсем недавно этот красавец жеребец англо-дончак убит в бою. Как бы пригодился Терек сейчас!

Пусть читатель не подумает, будто я сторонник того, чтоб командир мчал впереди атакующей лавы, разил врагов, первым бы врывался в города. Я чужд всякой бравады и считаю войну тяжким трудом, главное в котором состоит в умении всегда быть на своем месте. Особенно в рейдовой операции, где обстановка меняется не по часам, а по минутам и где у рейдирующей группы нет ни флангов, ни тыла и, куда ни повернись, на все триста шестьдесят градусов,— всюду фронт. Тут упустить управление хоть на час подобно смерти.

И хоть в рейде, как на боевом корабле, степень риска для всех одинакова, хоть место командира рейдирующего в тылу врага объединения должно быть в боевых порядках войск, ежели он хочет твердо держать в руках все нити управления, он обязан, насколько это возможно, позаботиться о личной безопасности и создать себе необходимые условия для трудной и многосложной командирской работы. А для этого совсем не обязательно самому вести бойцов в атаку. Так я учил подчиненных мне командиров. Так от рейда к рейду учился действовать и сам. Всегда так. Точнее, почти всегда, потому что и в этом железном правиле бывают исключения.

Учитывая усталость людей и необходимость этой же ночью атаковать Раздельную, решаю такое исключение сделать. Ежели командир сам ведет казаков в атаку, значит, возврата нет. Значит, надо опрокинуть врага или погибнуть. Таков старый казачий обычай. Другого способа поднять, вдохновить усталых сверх всяких пределов людей нет.

— В атаку поведет командующий!— покатилось по рядам изготовившихся к бою дивизий.

Майор Семенидо подводит мне рослого дончака. Сажусь в седло.

— Сигнал!

Вспыхивают в черном небе и гаснут, осыпая искры, сигнальные ракеты. Тяжкий грохот катится по степи. Ударила наша артиллерия. Небо просекли линии реактивных снарядов. В Раздельной полыхнули разрывы, разгораясь все ярче, забилось пламя пожаров.

Отдаю повод. Конь с места берет рысью. Меня обгоняют танки. Нарастая, гремят пулеметные и автоматные очереди справа и слева. Сквозь частую сетку дождя и снега я вижу взблески разрывов и разноцветную строчку пулевых трасс. Все идет правильно: дивизии обтекают Раздельную, бой кипит уже на окраинах и в самом городе. В лоб, прямо передо мной, атакуют танки. Часто и гулко бьют башенные орудия. Огненные языки пламени из орудийных жерл выхватывают из тьмы прижавшихся к броне автоматчиков. Вслед за танками галопом мчат казаки. Как и следовало ожидать, противник захвачен врасплох.

Вместе с танкистами добираюсь до первых домов городка, соскакиваю с коня, бросаю повод коноводу и направляюсь к крайней хате. Меня обгоняют спешившиеся казаки штабного батальона. Они первыми врываются в хату, вижу у печи двух немецких солдат. Они стоят без сапог, без ремней, в незастегнутых мундирах и, подняв руки, растерянно смотрят на нас.

Следом за мной в хату вбегают офицеры оперативной группы штаба. Связисты срочно налаживают связь с наступающими дивизиями. Поступают первые донесения, продвижение частей тут же наносится на рабочую карту. Наступление развивается успешно и стремительно. Наши эскадроны уже ворвались на забитые эшелонами пути. Бой идет у станционного здания и у каменных домов в центре городка — там засели уцелевшие гитлеровцы...

К 13 часам 30 минутам Раздель-

На улицах освобожденной Одессы.

Фото Г. Зельмы.

Участник боев за освобождение Одессы рядовой Л. Шибков «попал в окружение».

Фото ТАСС.

ная полностью очищена от врага. Мы захватили огромные трофеи. Эшелон с новенькими семидесятимиллиметровыми пушками, эшелоны с танками, с боеприпасами, со всевозможным военным имуществом. Более тысячи вагонов да еще несколько десятков полностью экипированных, под парами, паровозов. Но особенно ценным приобретением были огромные склады с боеприпасами, с продовольствием, с горюче-смазочными материалами. Непрерывные бои требовали уйму патронов, снарядов и мин. Танки и машины, двигаясь по грязи, без дорог, на второй, а то и на первой скорости, съедают горючее и смазку в количествах, во много раз превышающих самые щедрые нормы. А где все это возьмешь во вражеском тылу? Поэтому в рейде соединения Конно-механизированной группы пополняют запасы за счет гитлеровских интендантов.

Воздушная разведка донесла: по направлению к Одессе все станции, полустанки и даже перегоны забиты гитлеровскими эшелонами. Теперь им не уйти...

5 апреля Совинформбюро передало сообщение:

«...конно-механизированные соединения вышли на подступы к городу Раздельная. Немцы упорно защищали этот важный узел коммуникаций и опорный пункт их обороны на подступах к Одессе. Стремительными ударами наши бойцы сломили сопротивление противника и овладели крупным узлом железных дорог и городом Раздельная. Таким образом, железная дорога Одесса — Тирасполь перерезана нашими войсками. Тем самым отрезаны основные пути отхода в Румынию одесской группировке противника».

Рейд продолжался...

II. Поворот на юг

В чем коротко заключена специфика рейдовой операции?

В том, что рейдовая группа действует в отрыве от своих войск в глубоком тылу врага, порой в двухстах — трехстах километрах от фронта. В том, что ее движение происходит в непрерывных столкновениях с противником. В том, что любое дело, хоть и нелегкое, но в общем-то обычное в условиях действующей с фронта армии — снабжение боеприпасами, снаряжением, продовольствием, фуражом, горючим и смазочными, эвакуация раненых, ремонт техники — для рейдовой группы сложнейшая боевая задача.

Каковы задачи рейдовой группы?

Дезорганизовать тыл противника, выбить из рук вражеских командующих и штабов рычаги управления войсками, громить и уничтожать откатывающиеся с фронта под ударами наших армий соединения врага, уничтожать резервы, которые он подтягивает на выручку, захватывать опорные пункты и узлы дорог.

В чем же сила рейдовой группы? Какие оперативно-тактические приемы позволяют ей выполнять все эти сложнейшие задачи, наносить врагу огромный урон и в то же время самой нести минимальные потери?

Прежде всего в стремительности и широте маневра, в мощном вооружении и технике. Это-то и определит тактические приемы рейдирующей Конно-механизированной группы: неожиданное появление там, где враг не ждет, ночная атака, встречный бой, нападение на вражеские колонны, находящиеся на марше, выигрыш, как говорим мы, военные, «флангов и тыла», то есть удары по вражеским соединениям с флангов и из тыла.

К участникам рейда, к рядовым и особенно к командирам и политработникам, предъявляются самые высокие требования. Именно поэтому при формировании нашей Конно-механизированной группы в ее состав были включены отборные части, возглавляемые грамотными, решительными, хладнокровными и смелыми командирами и политработниками: прославленные кубанские казачьи кавалерийские 9-я генерала И. В. Тутаринова и 10-я полковника Гадалина гвардейские, 30-я Краснознаменная генерала В. С. Головского дивизии, 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус генерала В. И. Жданова, заменившего генерала Т. И. Танасчишина, который погиб под Березовкой, 5-я отдельная мотострелковая бригада полковника Н. И. Завьялова, а также отдельные полки танков и самоходных артиллерийских установок, зенитные, артиллерийские, связи и другие части усиления.

Личный состав рейдовой группы — казаки, танкисты, артиллеристы и даже повара — все были как на подбор. Большинство бойцов нашей группы были коммунистами и комсомольцами. И на протяжении всего рейда комсорги и парторги получали множество заявлений в партию и в комсомол.

А наши политработники! Они всегда были впереди, всегда среди бойцов, поднимали их дух, первыми поднимались в атаки, внушали людям спокойствие в самых критических положениях.

Одним словом, личный состав нашей Конно-механизированной группы как нельзя лучше подходил для рейдовых операций. Бойцы верили своим командирам. Командиры верили бойцам. И в этом был заложен секрет успеха.

Захватив Раздельную, мы круто повернули на юг. Для врага это был совершенно неожиданный маневр. Гитлеровский генерал Шернер, командующий группой армий «А», в которую входила армия Холлидта, предполагал, что мы двинемся на запад, к Тирасполю, и на этом пути расположил мощные заслоны. Но в том-то и была беда гитлеровских генералов, что они никогда не знали и не предвидели, куда именно мы повернем, в каком направлении будем двигаться следующей ночью.

После взятия Раздельной генералу Шернеру предстояло решить трудновыполнимую задачу: спасти одесскую группировку — «армию мстителей» генерала Холлидта. По мнению Шернера, для этого было два пути. Первый — вернуть Раздельную. Второй — переправить войска Холлидта по стрелке через Днестровский лиман в районе Каролино-Бугаза.

Первый путь никуда не годился: к Раздельной уже приближался фронт, армии генералов В. И. Чуйкова и М. Н. Шарохина. К Раздельной армия Холлидта, связанная боями на южном фланге Третьего Украинского фронта и нашей группой, попросту не успевала.

Второй путь грозил огромными потерями.

Разумеется, им можно было попытаться удрать морем. Но морские подступы к Одессе надежно прикрывались кораблями и авиацией Черноморского флота.

И все-таки генерала Шернера не покидала надежда спасти армию Холлидта. Для этого ему прежде всего требовалось уничтожить нашу Конно-механизированную группу, которая торчала у него что кость в горле и значилась на картах его штаба объектом номер один...

Первые же километры на юг, вдоль Днестра, не оставляли сомнений: впереди предстоят суровые испытания.

Разведка, которая действовала непрерывно и неизменно успешно (без разведки в рейде и шагу не сделаешь!), донесла, что впереди, у станции Кучурган и в районе Страсбурга, заняли оборону части 12-й и 14-й румынских и 258-й немецкой пехотной дивизий.

Станция Кучурган — важнейший пункт. Через нее проходит шоссе Одесса — Тирасполь. И уж, конечно, гитлеровцы будут удерживать станцию до последнего. Однако в Кучургане мы одержали быструю и решительную победу. Командир 40-го Майкопского полка подполковник Головащенко, офицер многоопытный и смелый, выслал в обход станции пулеметное подразделение под командой сержанта Кравченко. Чуть слышно погромыхивая на шпалах хорошо смазанными колесами, пулеметные тачанки под покровом ночи прямо по путям ворвались на станцию и открыли огонь по эшелонам, набитым вражескими солдатами. Поднялась паника. Гитлеровцы заметались. Одни из них пытались сопротивляться, другие кинулись бежать, попадая под огонь собственных и наших пулеметов. Вражеские подкрепления, бросившиеся на помощь к станции, в темноте приняли обороняющихся за казаков и открыли по ним огонь. Услышав шум боя, Головащенко поднял полк в атаку. Казаки вслед за танками помчались к станции. В пламени пожара блеснули клинки.

Тем временем наши дивизии и бригады взломали оборону врага на окраинах станционного поселка. Кучурган был в наших руках...

Утром радисты принесли радостную весть: несколько дней назад войска 2-го Украинского фронта пересекли реку Прут и двинулись в глубь Румынии, за пределы наших границ. Начальник политотдела Конно-механизированной группы полковник С. В. Карев немедленно размножил это сообщение, и оно было прочитано во всех подразделениях.

С огромным боевым подъемом группа продолжала стремительное наступление в оперативном тылу.

В двенадцать часов 5 апреля к нам прилетел офицер оперативного отдела штаба фронта. Он доставил боевое распоряжение: к исходу дня овладеть районом Кагарлык, Мангейм, Эльзас. Передовыми отрядами захватить Маяки и станцию Выгода. Провести силовую разведку на Одессу.

Офицер доложил мне обстановку на фронте. Более всего меня интересовали действия 37-й и 8-й гвардейских армий: ежели армия генерала М. Н. Шарохина сегодня-завтра достигнет Раздельной, в нашу группу вернется великолепная отдельная мотострелковая бригада полковника Завьялова. Кроме того, войска Шарохина прикроют нас с севера. А армия Чуйкова, которая должна повернуть вдоль дороги Сталино—Одесса, обеспечит наш тыл со стороны Днестровского лимана.

В дальнейшем взаимодействие с этими армиями значительно облегчило наше наступление.

Мы продолжали стремительное движение к югу. Один за другим захватывали населенные пункты, лежавшие на нашем пути. Генерал Шернер, чтобы хоть как-нибудь замедлить наше продвижение, бросил в бой крупные силы штурмовой и бомбардировочной авиации 4-го гитлеровского воздушного флота. Каждый день стонала под нашими ногами земля, содрогаясь от взрывов бомб, и небо грохотало громом авиационных пушек и пулеметов. Я воевал с самого начала войны, но такого неистовства вражеской авиации мне видеть не приходилось. Наши самолеты были далеко, да и вре-

менные их базы, лишенные взлетных полос, в условиях весенней распутицы не смогли прикрывать группу с воздуха.

Налеты вражеской авиации на короткое время замедляли наше движение, но, как только наступала наша верная союзница — ночь, соединения Конно-механизированной группы вновь рвались вперед, навертывая упущенное за день. Именно ночью, защищенные ее темным пологом от вражеской авиации, мы совершали быстрые маневры и перегруппировки, сбивая с толку врага, заставляя его разыскивать нас, и обрушивались на него, когда он этого не ждал.

К утру 6 апреля генерал Жданов доложил, что одна из бригад его мехкорпуса овладела Мангеймом. Части генерала Тутаринова заняли Кагарлык. Часом позже враг был выбит из крупного села Эльзас с большими потерями.

Теперь предстояло овладеть важными укрепленными пунктами, расположенными в крупных, как города, селах Маяки и Беляевка. Их захвату Военный Совет Третьего Украинского фронта придавал особое значение: в Маяках и в Беляевке находились последние, еще не захваченные нами переправы через Днестр. Еще важнее была расположенная в Беляевке водопроводная станция с огромной водонапорной вышкой — эти сооружения снабжали пресной водой Одессу. Станцию и вышку требовалось во что бы то ни стало захватить в целости...

Я задумался. Ясно: спасти станцию может лишь быстрый, ошеломляющий противника удар. Но, ежели мы нанесем этот удар в лоб главными силами группы, гитлеровцы могут успеть взорвать станцию... Значит, надо хорошей подвижной группой напасть на водокачку и захватить ее. Для такого дела нужны отборные люди.

Не откладывая, мы подобрали в передовой отряд самых лучших казаков. Вместе с ними я приказал отправить роту танков.

Мы растолковали казакам задачу: скрытно подойти к Беляевке, захватить водопроводную станцию и держаться до подхода главных сил.

— Ну, станичники! — пошутил я в заключение.— На вас вся Одесса смотрит! Сами знаете: без воды ни туды, ни сюды!..

Передовой отряд выступил немедленно. А вечером к Беляевке двинулись главные силы Конно-механизированной группы. Ровно в полночь гвардейцы Тутаринова с севера и казаки Головского с востока ворвались на улицы Беляевки. Ворвались легко: видимо, гитлеровцы были отвлечены нашим передовым отрядом, который уже успел захватить водопроводную станцию и теперь отбивался от наседавшего со всех сторон врага, старавшегося во что бы то ни стало вернуть водокачку. Возле нее кипело сражение.

Казаки передового отряда подошли к цели с наступлением темноты. Бесшумно подползли они к высокому забору, поверх которого была натянута колючая проволока. Забор спускался к Днестру и оканчивался в реке. Без единого всплеска, в ледяной воде, держа автоматы над головой, казаки вплавь миновали забор и очутились во дворе водопроводной станции. Первых два вражеских поста удалось снять без шума. Но на третьем произошла осечка — караульный закричал. Грянул выстрел, поднялась тревога. К счастью, казакам удалось быстро расправиться с охраной станции и занять круговую оборону. К этому времени подошли наши дивизии. Гитлеровцы, на которых конники Тутаринова и Головского обрушились как снег на голову, сумели оказать лишь короткое сопротивление. Судьба боя была решена. Поэтому дивизии полковника Гадалина я приказал развивать наступление дальше и захватить второй важный пункт — село Маяки. К утру последние переправы через Днестр были захвачены.

После того, как Беляевка была полностью очищена от противника, саперы приступили к разминированию водопроводной станции, из которой было извлечено несколько тонн взрывчатки. Теперь Одессе не грозила жажда.

III. Штурм Одессы

«Генералу Плиеву. По-прежнему обязан благодарить вас и ваши войска за победу. Ваша дальнейшая задача: внезапной атакой с тыла овладеть Одессой, после чего группа будет выведена в резерв для пополнения и заслуженного отдыха. Возбуждаю ходатайство перед правительством о присвоении вам лично звания Героя Советского Союза. Уверен, что вы это и в дальнейшем, безусловно, оправдаете. Желаю вашим войскам и вам лично дальнейших успехов на благо нашей социалистической Родины.

8.4.44 г. Василевский».

Эта радиограмма была послана представителем Ставки Верховного Главнокомандующего Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, когда ему доложили о захвате Беляевки и Маяков и о спасении водопроводной станции.

Конечно, всех нас, весь личный состав, радовала высокая оценка, которую дал нашим действиям Александр Михайлович Василевский. Но мы понимали: главное и, пожалуй, самое трудное впереди. Ведь нам предстояло штурмовать Одессу с тыла, принимая на себя удары густой массы откатывающихся под ударами наших армий вражеских войск, которые, как показывал наш опыт, дерутся с бешенством и яростью обреченных. Да и для того, чтобы выйти на исходный рубеж атаки города, требовалось прорваться через многослойные вражеские порядки, лежащие на нашем пути. Ежели мы не успеем занять этот рубеж, упустим время, часть — и не малая! — войск армии Холлидта успеет проскочить между лиманом и морем и вырваться из мешка.

Однако в частях и соединениях Конно-механизированной группы царил в эти дни небывалый подъем. Клич «На Одессу!» катился от роты к роте, от эскадрона к эскадрону. К тому же наши силы возросли: 5-я отдельная мотострелковая бригада полковника Завьялова, уже не раз показывавшая свое исключительное воинское мастерство и отвагу, благополучно передала Раздельную войскам 37-й армии генерала Шарохина и быстрым маршем, обходя и опрокидывая вражеские части, пытавшиеся преградить ей путь, пробилась к нам. Словом, я твердо верил, что задачу свою мы выполним.

К этому времени войска Третьего Украинского фронта охватили Одессу с востока, с севера и с запада. Врагу оставался единственный путь к спасению — по стрелке, за Днестровский лиман. Наша группа получила приказ частью сил занять Овидиополь, Каролино-Бугаз и Сухой Лиман, а главными силами, атакуя с запада на восток, нанести удар и во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, взять Одессу.

Чтобы оказаться на исходных рубежах атаки, танкистам генерала Жданова предстояло прорваться через занятый крупными силами врага Петерсталь (ныне Петродолинск) и Дальник и выйти к северной окраине Татарки. На центр и южную часть этого села нацеливалась дивизия генерала Тутаринова. Казаки генерала Головского двинулись к совхозу Ульяновка.

Наиболее трудная часть задачи выпала на долю 10-й гвардейской казачьей дивизии, которой вместо тяжело раненного полковника Гадалина командовал только что вступивший в должность полковник Шевчук. Эта дивизия должна была занять оборону в районе Овидиополя и Каролино-Бугаза, чтобы не допустить отхода противника за Днестровский лиман.

Хоть мы и не знали точно, в каком положении находятся в данный момент наступающие с фронта на Одессу армии, по тому, как на наши фланги и тылы начали наваливаться откатывающиеся под их ударами вражеские части и соединения, было ясно, что у 8-й гвардейской и 6-й армий дела идут хорошо. Враг обрушивал на нас бешеные удары. Днем над нашими головами, сменяя друг друга, висели вражеские бомбардировщики и штурмовики. Но наша группа упорно продвигалась вперед, расчленяя, раскалывая, распыляя потоки вражеских частей, отбивалась от них и, непрерывно маневрируя и сама атакуя, сбивала с наспех занятых позиций и обращала в бегство. Командование «армии мстителей» понимало, что наша группа, которая рвалась к Одессе с запада, со стороны оперативного тыла, с наиболее уязвимого и опасного направления, представляет собой самую непосредственную угрозу. Степь гремела артиллерийскими залпами, трескотней пулеметов и автоматов, полыхала пожарами и отблесками разрывов.

Незадолго до рассвета 10 апреля танкисты генерала Жданова ворвались в Дальник и вышли к Татарке. Командиры кавалерийских дивизий также доложили, что исходные рубежи заняты.

Настал долгожданный момент штурма Одессы.

Я отдал приказ: всем приготовиться к атаке. Из донесений разведки было известно, что в этой части города у врага нет оборонительных укреплений. Поэтому я решил атаковать в конном строю.

— Знаменосцы, вперед! — приказал я и встал в своем «виллисе», у которого был откинут брезентовый верх.

Вид наших развернутых боевых гвардейских знамен воодушевил людей. И казаки, танкисты, мотопехота, усталые до того, что, казалось, нет силы, которая двинула бы их в новую атаку, рванулись вперед. Именно рванулись, будто и не было позади долгого, изнурительного рейда, не было ни атак, ни ночных боев, ни бомбежек...

Этой атаки не забыть никогда!

Все пошли в эту атаку, все до единого — и штабы, и санитарные эскадроны, и повара, и шоферы. Я ехал в машине стоя, держался за ветровое стекло, и поле боя расстилалось передо мной, как на ладони. Впереди с ревом, окутанные дымом, мчались танки. За ними, рассыпавшись лавой, летели казаки, шашки сверкали над заломленными кубанками. И бились, трепетали на ветру овеянные славой, простреленные пулями боевые гвардейские знамена, под которыми и смерть не страшна...

А прямо перед нами лежала истерзанная, измученная, израненная красавица Одесса...

Загремели вражеские выстрелы. Огонь врага был довольно плотным. Прямым попаданием снаряда сорвало башню с танка, на броне которого был убит наповал командир танкового полка. Вот, вскинув руки, повалился с коня чубатый казак. Упал еще один... Еще... С диким ржанием бьются на земле раненые кони...

Но наши танки уже ворвались на улицы города. Враг не выдержал, бежит, и казачья лава настигает его. Мелькают черные бешметы меж серо-зеленых мундиров, блестят клинки, трещат автоматные очереди, лязгают гусеницы на камнях мостовых. И повсюду, где прошли танки и казаки, множество тел вражеских солдат и офицеров.

По улицам, с трудом продираясь сквозь завалы повозок, разбитой техники, мимо горящих машин, танкисты и казаки вырываются к морю, к Большому и Малому Фонтанам, к Чубаевке.

Около часу дня я доложил командующему Третьим Украинским фронтом генералу армии Р. Я. Малиновскому, что Конно-механизированная группа задачу выполнила. В это же время армии генералов В. И. Чуйкова, И. П. Шлемина, В. Д. Цветаева и вышедшие из катакомб одесские партизаны ворвались в центр города. К вечеру вся Одесса была очищена от врага...

Но взятие Одессы еще не означало окончания операции. Огромная масса вражеских войск бросилась к Днестровскому лиману в надежде переправиться через него и спастись. Они были дезорганизованы и слабо управляемы, эти войска, но гитлеровцами, доведенными до отчаяния, двигало одно желание — спастись. Это желание подавляло в них все другие чувства, и дрались они отчаянно, до последнего...

10-я гвардейская кавалерийская дивизия, принявшая на себя всю эту лавину, оказалась в очень тяжелом положении. В результате ожесточенного боя порядки ее были смяты и прорваны, она понесла много потерь, особенно в командном составе. Погибли начальник политотдела дивизии полковник Костин, заместитель комдива полковник П. А. Самодуров и многие другие офицеры. Комдив, полковник С. А. Шевчук, пропал без вести. А мой заместитель генерал С. И. Горшков, которого я посылал вместе с дивизией, был ранен.

Но, хоть 10-я дивизия не смогла наглухо перекрыть узкую перемычку, оставшуюся для отступления врага, она своими героическими действиями не дала гитлеровцам безнаказанно переправляться, сковала их огнем и задержала, выиграв для нас драгоценное время.

В течение 12 и 13 апреля войска нашей группы и 8-й гвардейской армии боевого командарма Чуйкова прижали к Днестровскому лиману разрозненные соединения врага и в ожесточенном бою завершили разгром «армии мстителей».

Лишь жалкие остатки этой некогда мощной, до зубов вооруженной группировки успели проскочить на западный берег лимана, да и то побросав все свое вооружение и технику.

* * *

Несколько дней мы отдыхали на берегу моря в том самом месте, где расположены знаменитые одесские курорты. Под пальмами заливались гармошки. Гремели песни. И молодые казаки лихо отплясывали барыню со счастливыми одесситками. А казаки постарше, сбиваясь в кружки, покуривали коротенькие трубки, вспоминая перипетии трудного рейда к Одессе и тех, кто пал и никогда более не встанет в строй...

Потом мы погрузились в эшелоны и двинулись на север, в Белоруссию. Нас ждали новые рейды по тылам врага. И, глядя на наших гвардейцев, которые под стук колес пели песни, я невольно думал: в каком краю найдешь еще таких людей? Людей, которые только что прошли сквозь огонь и смерть и готовы во имя Родины и нашей партии повторить все сначала!..

Гость

Рассказ

Анатолий ИВАНОВ

Рисунок В. ЮДИНА.

Перед рассветом прошел дождь с грозой, а сейчас над Жулановкой поднималось веселое солнце, плавило в синем небе грязноватые клочья ночных облаков. В комнату лился утренний воздух и звон опьяневших скворцов.

Открылась дверь, через порог шагнул длинный, костлявый человек.

— Егора ли Полосухина палаты? — спросил он, оглаживая колючие усы.

— Его,— сказал Егор.— Я тут живу.

— Может, я не испорчу воскресенья? — проговорил пришелец, поставил кожаный потертый саквояжик на скамейку, снял парусиновую фуражку. Его густые, с проседью волосы, свитые в крупные кольца, упали на высокий лоб. Егору эти волосы напомнили что-то далекое, он всмотрелся, обомлел:

— Постой, постой... Нет, не может быть! Никита? Никита?

Брата Егор не видел больше тридцати лет, даже не знал, жив ли тот, а он — вот он, стоит перед ним, чуть не подпирая курчавой головой потолок, опустив до колен длинные руки, глядит сурово и настороженно, точно не веря, что Егор признал его.

Они обнялись, сильно тиская друг друга, трижды расцеловались.

...Через час братья сидели за столом друг против друга. Они были очень непохожи. Егор плотноватый, чуточку загрузневший, лицом белый, волосы прямые, редковатые, светло-зеленые глаза были как-то на виду, в них от выпитой стопки подрагивали веселые искорки. У Никиты глаза желтые, они прятались под густыми бровями, смотрели внимательно, цепко, будто оценивали каждую вещь, на которую натыкались, лицо сухое, желтоватое, как и глаза, скулы широкие, костистые, шея недлинная, крепкая еще.

Ольга, жена Егора, металась от стола к печке. В печи у нее пылали дрова, что-то шипело, жарилось. От огня она раскраснелась, помолодела. Она стирала ладонью капельки пота на висках и все улыбалась мужу и гостю.

— Да-а, высот я в жизни больших не достиг,— рассказывал Никита, рассматривая почему-то свои широкие ладони с узловатыми, плоскими на концах, словно расплющенными, пальцами.— Закройщик я верхнего мужского платья, портной, проще сказать. Работаю в ателье там у нас, в городе Рязани. Детей четверо у меня, жена хворая, не работает сейчас. Ничего, кормимся, домик свой имеем, сад с яблоками. Портновское дело не хитрое, а хлебное. Пятьдесят семь сейчас мне, через немного лет на пенсию уйду, значит... Ну, а ты как?

— Обижаться не на что,—сказал Егор.— Вот вдвоем сейчас — я да жена. Дочка неподалеку тут, в Новосибирске, учительствует. Сын тоже там, на заводе, инженер он. А мы здесь, в совхозе. Считай, двадцатый год я тут бухгалтерствую.

— Н-но, двадцатый? — переспросил Никита.

— Почти что. После войны какое-то время счетоводом работал. Потом Никодим Звонцев, бывший директор совхоза, сказал: давай принимай бухгалтерию всю. Помнишь, может, Звонцева? В двадцать восьмом, когда дедушка Глеб увез нас из Жулановки, ты уж холостяжил. Не помнишь?

— Нет.

— Хороший был человек Звонцев. Люди говорили мне: тогда, в двадцатом году, когда кулацкое восстание поднялось, отец наш собственноручно расстреливал его, пули четыре, говорят, всадил. Мужики ночью хотели похоронить, пощупали — а он теплый. Ну, спрятали его, выходили. Только легкие всю жизнь гноились у него. В сорок девятом помер.

— Ты гляди, живучий какой! — В голосе Никиты что-то не понравилось Егору. И еще он был уверен: Никита отлично помнит Звонцева.

— Да-а, вот, значит, живу я и все думаю: а здравствует ли где Егорша, брательничек мой? — продолжал Никита, поглядывая на Ольгу.

Глядел он как-то сторожко, косился каждый раз сбоку, когда Егор отворачивался.

— Дед-то наш, Глебушка, помер ведь тоже, вскорости как ты от нас сбежал. Не то в тридцатом, не то в тридцать первом, как в той деревне, где мы жили, колхоз организовали. Не вынес, видно,— усмехнулся Никита. И Егор заметил впервые, что зубы у него все еще целые, только пожелтели, как у старой лошади, да стали почему-то редкими.— Ну, а ныне зимой наложил я газетную выкройку на материал, кинулась мне в глаза фамилия под статьей: Е. Полосухин, бухгалтер Жулановского совхоза. Дернуло меня: Жулановка и Полосухин! Не ты ли?! И вот приехал узнать... Ежели не он, думаю, хоть родные места огляжу. Что там, как...

При словах «родные места» Егор внимательно поглядел на брата, но тот провожал желтым глазом выбежавшую в сенцы за какой-то надобностью Ольгу, согнутым пальцем гладил кончик уса.

— Ладная у тебя бабенка,— сказал он.— Здешняя?

— Нет. С войны привез.— И Егор начал зачем-то рассказывать: — Взяли мы одну деревушку — трубы да стены кое-где торчат. Гляжу, возле трубы девчонка сидит, мороженую картошку чистит. Ну, я подошел, спросил, чего одна сидит, где родители... В той деревушке мы что-то недели три стояли. А после войны заехал туда, отыскал ее да и женился, значит. Вот так... А ты воевал?

— Как же... Все воевали.

В ответе его была неопределенность, и чувствовалось, что говорить об этом он не хотел.

— Да, славная бабенка, усадистая,— повторил Никита.— Такие родят легко: прилягут, поморщатся, ойкнут разок — и готово.

За окном, обещая знойный день, играло солнце, его лучи, просеиваясь сквозь густую листву растущих возле дома берез, живыми брызгами плескались в комнату, кипели на крашеном полу, на стене. Егор глядел на эти брызги и думал, что Никита приехал сюда неспроста, не только затем, чтобы повидать его, Егора. Это только предлог, у Никиты есть какая-то иная цель, но что за цель, понять было невозможно.

— Да-а,— протянул он свое, видимо, любимое слово, которое начало что-то возмущать Егора.— Погляжу, думаю, на родные места перед смертью. Помирать-то хошь не хошь, а придется.

— Зачем о смерти думать? Придет сама, когда положено. Сейчас жить надо.

— Что ж, живем. А как живем — другой вопрос, да-а...

Егор снова поглядел на брата. Тот на этот раз поймал Егоров взгляд, словно прищемил его своими сдвинутыми плотно бровями, и, не отпуская, ждал чего-то, молча требовал: ну, говори дальше.

И Егор сказал, пожав плечами:

— Живем, как все. Не хуже других.

Никита пошевелил усами, будто понюхал.

— Может, так, может, нет,— молвил он непонятно.— Жизнь, она как сытый жеребец — несется куда-то. Кто на жеребца сумел забраться, а кто лишь за хвост уцепится, тащится, пока в руках сила есть, полощется по земле, обдирает бока об камни. Обессилит — выпустит хвост, распластается в пыли... А то еще раньше жеребчик по башке копытом долбанет, расколет ее вдребезги... Зачем человек жил, ради чего за хвост цеплялся, непонятно. А?

Егор помолчал немного, подумал, нахмурился, сказал глухо:

— Ты, Никита, зря приехал сюда.

Никита откинулся на спинку стула, оглядел брата удивленно и строго, сказал опять непонятно:

— Может, зря, может, нет.— И усмехнулся: — Ты, Егорушка, не бойся, я недолго тут, с недельку разве побуду.

И, выпив еще стопку, заговорил другим голосом, без обиды:

— Да-а, я размышлял: везде ты можешь жить, кроме Жулановки нашей. А ты, гляди-ка, тут! Почему именно тут? И как прижился?!

Говорил Никита вроде и без обиды, но голос его все равно был холодным и острым, врезался в мозг, как лопата с хрустом врезается в плотный, затравеневший дерн. Ответить на его вопросы было нетрудно, не хотелось только отвечать, ворошить старое, давно зажившее...

Когда-то все земли Жулановского совхоза принадлежали деду Егора и Никиты — Глебу Полосухину. Был он, как рассказывали потом Егору старики, своенравен и свиреп, всякое себе позволял — и девок насильничать и мужиков до полусмерти избивать. А единственного сына Кузьму, будущего отца Егора и Никиты, женил на последней беднячке.

Разное говорили в деревне об этой свадьбе, но сошлись на одном: красотой, знать, взяла девка.

В революцию, по рассказам, Полосухины большой пакости людям не делали. Но в двадцатом, когда вспыхнуло кулацкое восстание, показали себя во всем блеске. Правда, сам старик и тут был в тени, зато сын его, Кузьма, живодерничал, не скрываясь, а когда поймали председателя Жулановского комбеда Никодима Звонцева, лично рвал ему кожу щипцами на животе и груди, а потом, не добившись ничего, погнал его за поскотину, тыкая в спину шашкой, и там выстрелил в него несколько раз, а хоронить запретил, сказав: «Пущай сгниет на виду, вороны пусть склюют».

После подавления восстания Кузьму осудили и расстреляли, а сам Глеб вывернулся. Потаскали его по допросам, но прямых улик не было.

Сошло ему, когда в двадцать пятом удавилась на сыромятном чересседельнике жена Кузьмы. Опять же всяко говорили об этой смерти: кто — не вынесла, мол, тоски по мужу, а кто и вовсе другое — Глеб-то оказался снохачом, от позора женщина в петлю кинулась...

Егору было тогда двенадцать лет, отчего мать решила себя жизни, он тоже не мог понять. Он знал только, что перед этим ходила она по дому, как помешанная, детей не замечала, а всю ночь перед смертью сидела на краешке кровати, гладила его, Егора, по голове, перебирала курчавые волосы Никитки и плакала. Егор притворялся, что спит, шевельнуться почему-то боялся. Потом, позже, вспоминая все это, он думал, что в смерти ее виноват все-таки дед.

В двадцать девятом деда раскулачили и выслали на Север, за город Томск, а через год Егор сбежал от него.

Мыкался по стране Егор долго и много, где бы ни пытался зацепиться за жизнь, всплывала его родословная. Как прокаженный, брел Егор дальше.

Наконец, за год до войны оказался он в родной Жулановке.

Изумлены были люди: как осмелился Полосухин заявиться? Свежа была еще в народе память об отце и сыне. Жалели только мать, однако ненависть и человеческие обиды к роду Полосухиных пересиливали эту жалость. И потребовали они от директора совхоза Никодима Звонцева гнать Егора из деревни.

— Видишь, парень, как,— сказал Звонцев, когда Егор пришел насчет работы, рассказал о своих мытарствах.— Не хотят тебя люди принимать.

Был директор с виду человеком холодным, обозленным на все, поминутно кашлял, а глаза буравили Егора насквозь, точно хотели проглядеть что-то внутри.

— Но, может, если вы скажете, они примут? — тихо спросил Егор.

— Правильно, я попрошу — они примут,— сказал директор.— Только нелегко мне просить за тебя. Ведь это твой отец расстреливал меня...

— Он многих, говорил мне дед, расстреливал. Я-то при чем?

Директор помолчал, еще побуравил Егора глазами.

— Почему же ты именно сюда приехал? В другом бы месте легче тебе.

Егор был на пределе, не выдержал, сорвался, зашипели у него слова сквозь зубы:

— Ладно! Я все испробовал, чтоб почестному жить! Все! Теперь...

— Напугал-то,— усмехнулся Звонцев.

Егор выскочил из конторы, обернулся, увидел: в открытом окне стоит Звонцев, сурово глядит на него. Сердце Егора облилось не кровью — кипятком каким-то, он повернулся, побежал, не видя дороги. И сквозь тугой шум в ушах услышал, как директор крикнул кому-то:

— Эй, Филимон, верни-ка этого дурака.

...Егор рассказал все, что было с ним после того, умолк.

— А я, значит, как дед помер, в Рязани поселился,— сказал Никита.— Приехал, никто и не спросил, чей такой да откуда.

...Ночью, лежа рядом с мужем, Ольга тихо шептала:

— Не понравился мне чем-то брат твой, Егор... Я у печки стою и чую: ползают его желтые глаза по мне.

— Я видел, что ползают. Ничего, спи.

— Зачем он приехал-то?

— Не знаю. В гости — слышала же. Родные места поглядеть.

...На другое утро Никита поднялся рано, до солнца еще, с первыми песнями скворцов, вышел тихонько из дома. Не было его весь день, вернулся он под вечер, притихший какой-то, сгорбленный, похудевший даже. Руки, как плети, болтались у колен. Глаза под сдвинутыми бровями опустели, казались потухшими.

— Да вы же не емши целый день! — воскликнула Ольга.

Но за стол он сел без охоты, поел немного, все глядел куда-то в сторону, в одну точку.

— Дом-то наш, Егор, пятистенник, где мы жили,— где же он? — спросил Никита.— Я глядел, глядел — нету. И места того вроде нету.

— Школа там сейчас стоит. А дом раскатали, бревна на клуб пошли. Клуб сперва деревянный был, потом каменный построили. А в бывшем клубе сейчас библиотека.

— А-а...— равнодушно протянул Никита.— А завозни наши где? Они же крепкие были, из лиственницы, век бы простояли.

— Сперва в них совхозные кладовые были. Потом на том месте механические корпуса построили. А завозни разобрали...

— На кладбище я тоже был... на могилке матери,— перебил Никита.— Ты обиходил могилку?

— Я.

— А также могилу этого Звонцева видел. Оградка хорошая, из железа, цветы цветут, памятник из каменной плиты с золотыми буквами...— И усмехнулся вдруг:— Может, тоже ты поставил?

— И я,— ответил Егор коротко.— Памятник мы ему в складчину поставили, как основателю совхоза. А цветы школьники садят.

Никита смотрел через окно на улицу, слушал, качал головой.

Ночью он ворочался, кашлял и, кажется, до утра так и не заснул. А утром, едва расцвело небо в окошке, поднялся, взял свой саквояжик, тронул сонного Егора за плечо, разбудил.

— Пойду я на станцию... Может, проводишь маленько?

— Вы же с недельку пожить обещались! — приподнялась и Ольга.

— Одного дня хватило.

— Я хоть на дорогу вам что-нибудь!.. Гостинцы ребятишкам, жене...

— Обойдутся,— невесело усмехнулся он.

Из Жулановки Никита и Егор вышли до солнцевосхода, шли молча. Утро было сухое, неросное, по бокам дороги стояли хлеба, с одной стороны рожь и с другой стороны рожь — две высокие зеленые стены.

Когда поднялись на пригорок, Никита оглянулся. Жулановка, большое село, домов на триста, лежала в лощине, тонула в синеватой утренней дымке. Посреди села белела трехэтажная школа, клуб с колоннами. Показалось солнце, и окна школы медно загорелись, будто в них вспыхнул свет.

— Вот тут, на этом взлобке, помню я, гречиху дед сеял. Хорошо она родила тут,— сказал Никита.

— И мы сеем иногда гречиху. Но чаще рожь. Рожь тут лучше родит. Так что мы глядим, что, где, когда выгоднее.

— Да-а, бухгалтер...— Никита поглядел на пыльные Егоровы сапоги, медленно поволок глаза кверху, провел ими, будто теркой, по его коленкам, по груди, по лицу.— Пишет жизнь письмена! Вот ты скажи мне, Егор... Двадцать лет бухгалтеришь тут, считаешь доходы с нашей... с полосухинской земли. И каково? Не обидно? Хоть раз взяло за сердце?

Ответа ждал Никита молча, напряженно. И терпеливо.

— Вон ты о чем?! — не сразу ответил Егор, тоже усмехнулся и, глядя в лицо брата холодно и враждебно, продолжал: — Повсякому бывает. Когда совхоз с убытком год заканчивает,— берет за сердце, давит. А если с прибылью,— праздник вроде на душе. Но совхоз крепко сейчас на ноги встал, лет с десять уж не бывает убытков.

Никита насмешливо покачал головой.

— Партийный ты, видать?

— Да, партийный.— Голос Егора прозвенел жестко, безжалостно.

— Ну, хоть и партийный, а дурак.— Желтые глаза Никиты вспыхнули, но тут

же погасли, он обвял, сел на обочину дороги. И совсем другим голосом сказал: — Извиняй... Так это я по глупости да от обиды...

Свесив голову с кудрявыми волосами, он глядел между ног на землю. Вся его фигура была тоскливой, вызывала жалость.

— В чем она, глупость твоя да обида? На кого обижен-то?

— Это трудно объяснить, Егорша. Ты сядь. Вот так... посидим на прощание. Видишь ли, я и вправду живу в Рязани, портной я, только нет у меня ни жены, ни детей. Никого нет, один я...

— Как же так? — спросил Егор, обескураженный таким признанием.

— Так вот... Когда ты убег от деда, сказал он мне: все, единственный ты теперь, Никитушка, полосухинский наследник. Помру я — об Жулановке не забывай, земля там наша, и будет поворот в жизни — возвращайся, заявляй права. Верил Глеб в поворот, да-а... Ну, я поболе тебя от матери остался, кой-чего понимал поболе тебя, помнил некоторую жизнь тут, в Жулановке. Дом-пятистенник наш, завозни... Жил после смерти деда, ждал чего-то. Началась война, взяли на фронт, я сбежал к немцам, полицаем у них служил...

Егор слушал откровения брата молча, сжав зубы, лицо у него пошло пятнами.

— А ты не бойся, — усмехнулся Никита. — После войны меня чин чином засудили, пятнадцать годов своих отсидел, вышел по закону... Да-а, и в тюрьме и после все об Жулановке думал, представлял, сочилось чем-то сердце больным... Потом все как-то туманиться началось, расплываться, болячки на сердце коростой оделись. И тут газета эта с твоей фамилией попалась. Поеду, думаю, погляжу на родимые места, что там и как?! Хотелось, и боялся ехать — закровянится, думаю, опять сердце. И вот...

Солнце всплывало тяжело и медленно, заливало землю нестерпимым утренним светом. Никита задумчиво глядел на сверкающие крыши Жулановки, продолжал:

— Ходил я вчера целый день по Жулановке, в каждый уголок заглядывал, в каждую щель, на людей глядел, пашни, выпаса... наши бывшие оглядывал. На опушке леса сидел, над речкой, обнимал издали все село, все луга. Думал, прислушивался к сердцу: не застонет ли, как прежде, от обиды, не закровоточит ли? Нет, ничего... Молчало оно, как камень, не отозвалось ни на что, ни обиды в нем, ни горя, ни жадности. Все новое тут, чужое, незнакомое, ничего я не узнавал, и меня никто не узнал... Все это ты можешь понять?

— Не знаю, — тихо произнес Егор.

— И тоскливо мне стало: чего я ждал-то всю жизнь, чего жалел, какую обиду в сердце носил? Как и на что жизнь истратил?

Молчали долго. Мимо, обдав пылью, пролетел грузовик. В кузове гремели молочные бидоны, хохотали доярки. Никите даже показалось, что он заметил в кузове Ольгу, Егорову жену.

— И что же теперь? — спросил Егор.

— А ты живешь ничего, Егор, — проговорил Никита, поднимаясь. — Я грешным делом подумал: ты, как и я, за конским хвостом в пыли полощешься, а ты на самого коня залез... И жинка у тебя славная...

— Как, спрашиваю, жить дальше будешь?

Никита и на этот раз оставил вопрос без ответа.

— Пойду я... До станции недалече, прощай...

— Писать будешь? Пиши, — неожиданно попросил Егор.

— Может, буду, может, нет, — ответил Никита, еще раз оглядел Жулановку. — И не в этом вовсе дело...

И он пошел вдоль дороги, понес длинные свои, сильные, наверно, руки, в одной из которых жалко болтался потертый кожаный саквояжик. Егор молча и долго провожал взглядом высокую, сгорбленную фигуру и думал, что всякая истина людям открывается по-разному, каждому по-своему, одному раньше, другому позже.

От этих мыслей было почему-то чуточку грустно...

СТРАТ ВЕС

Иван Александрович Морозов. «Живое поле!».

Николай БЫКОВ

Каждое слово имеет свой цвет. Весна — слово зеленое. Обычно зеленое... Обычно и март в степном Крыму зеленый. И еще розовый, когда зацветает миндаль. Нынче же в разговорах чаще иных попадался эпитет черный. Мефодий Иванович Соловьев, директор совхоза «Марфовский», назвал горизонт черным, а колхозный комсорг Иван Доценко рассказывал, как трижды под Керчью заносило дома черными сугробами. Я видел их — и черные сугробы, и черные переметы на дорогах Крыма, и забитые по горло черной пылью посадки абрикосов.

Черная весна — так можно было бы назвать этот очерк, если бы... Если бы не люди, не их решимость одолеть нежданную беду. Первые слова уверенности, что все обойдется, будет хорошо, я услышал от Николая Карповича Кириченко. Первый секретарь Крымского обкома партии любезно поделился стратегическим планом проведения весенних работ. Объем их, естественно, намного увеличился. Я давно знаю, что Крым — это не только ласковая полоска пляжей и санаторная белизна. Крым — сухая степь, горькое Присивашье, полмиллиона гектаров озимых, все новые и новые виноградники, рисосеяние и семнадцать процентов поливных земель!

— Да, уже семнадцать! — подчеркивает секретарь обкома и продолжает рассказ о возросшей ответственности земледельцев за каждый золотой гектар полуострова. — Вот почему урон, нанесенный стихией, не должен порождать отчаяния.

Николай Карпович перечисляет все, что намечено сделать в колхозах и совхозах области для перестройки на ходу: пересеять шестьдесят тысяч гектаров озимых, выделить дополнительную технику, расчистить от земли систему орошения...

...Такое можно увидеть раз в жизни: довольно рослые деревья лесополосы по пояс занесены землей. Землю эту черпает механическая лопата и огромными порциями наваливает в кузов мощного КрАЗа. Череда самосвалов ждет... В сторонке стоят шоферы. Обветренные, изрезанные морщинами крестьянские лица. Почти ни слова. Глаза невеселые. Они возят землю не первый день, но, видно, привыкнуть к такому зрелищу, к такой работе нельзя. Землю снес буран с полей, быть может, где-то весь пахотный слой... Откуда летела эта почва, застилая солнце? Там, откуда она принесена, — беда. Но беда и здесь, где небелым саваном покрыта озимь, где задыхаются в душных объятиях лесные полосы, виноградники, сады. Молча грузит землю механическая лопата. Подходят новые самосвалы... Спросить, почем нынче чернозем? — не до шуток. Спросил только, кто и куда возит. Совхоз «Коктебель», километров за сто — на парники.

— Что же вы землю разбазариваете? — спросил я у директора совхоза «Марфовский». Мефодий Иванович, большой и седовласый, ответил, что земля не его, а с Кубани — через Керченский пролив нанесло, что он даже рад, что дальние приехали высвободить совхоз из черного плена.

— Я прикинул, и вот что получилось, — рассказал Мефодий Иванович. — На территории совхоза осело, грубо говоря, миллиона полтора кубометров земли... Полтора миллиона, представьте себе!.. У нас из пяти тысяч гектаров озимых уцелело меньше тысячи.

Я видел эти мертвые и живые поля на Керченском полуострове. Дуть начало, говорят, в самом на-

ЕГИЯ
НЫ

Лицо эрозии.

Фото Л. Шерстенникова.

чале января. Солнце скрылось на девять долгих дней! Ударили морозы, ураганной силы ветер достигал скорости сорока метров в секунду. Через поля, через хлебную степь неслась в сумасшедшей скачке черная конница. Словно наждаком ободрало нежную опушку озими, местами ветер обнажил, вырвал, высек, срезал хлебные всходы, а местами тяжело привалил на них землю. Говорят, ураганный налет повторился трижды. Почва промерзла на полметра...

Так было не во всех районах Крыма, но так было в «Марфовском», в колхозе имени Войкова, в совхозе «Саки»... Вот тогда-то и произнес Мефодий Иванович: «Черный горизонт»,— он показал поля, которые ушли в зиму зелеными, а сейчас чернели до самого Азовского моря. Директор перечислял, где и что думает посеять: здесь овес заменит озимку, там ячмень, а там кукуруза, суданка...

— Надеяться на государство мы не имеем права, наоборот, в такую весну, в такой год оно нуждается в нашей помощи,— убежденно говорит Мефодий Иванович.— Акты на погибшие поля составлены, но никакой страховки нам не выплатят, ведь мы не колхоз, а госпредприятие. Наша сила — в агрономии!

Живое поле... Оно сегодня особенно нуждается в помощи человека, агрономической службы. Начальник Ленинского производственного управления Владимир Афанасьевич Дмитриев озабочен тем, что черная беда поставила под удар севооборот. Недавно налаженное чередование культур нынче может быть снова (в который раз!) нарушено, потому что озимые поля во многих хозяйствах района повыбило и пересеять их вслепую, чем попало,— значит нарушить севооборот. Зерновая группа, зерновое звено в цепи культур, рвется там, где много солонцов... Думает Владимир Афанасьевич, рассчитывает, ищет ответ на трудную задачу. Думает и главный агроном района Михаил Григорьевич Сатин.

Секретарь райкома Н. П. Трефилов рассказал, что Ленинский район занимает первое место в области по степени трудности природных условий и первое же по объему производства зерна, винограда, шерсти, мяса. Здесь, на сухой земле, зажатой двумя морями — Азовским и Черным.

— Вот почему земледелие в наших условиях,— продолжил рассказ секретаря райкома начальник производственного управления Владимир Афанасьевич Дмитриев,— искусство! В самом деле, степень риска здесь намного больше, чем в других районах. Например, мы многое сделали в прошлом году, чтобы главный наш хлеб ушел в зиму в хорошем состоянии, человек свое слово сказал, и что же? Пришла весна, но она мало похожа на весну. Объем работ возрос в полтора раза. Значит, во столько же возрастает нужда в семенах, в технике, в горючем и так далее. Тут без помощи государства не обойтись — у нас маловато семян кукурузы, часть фуражного овса и ячменя мы вынуждены посеять, но ведь классность таких семян довольно низкая. И мы просим дополнительно тысячи полторы азотных удобрений, гранулированного суперфосфата...

Владимир Афанасьевич уже по дороге в колхоз имени Войкова поделился и таким еще соображением:

— С ураганом наверняка нанесло и сорняков. Этого нельзя не учитывать. И к предстоящему бою с зеленым врагом надо готовиться заранее. Нужны гербициды, только для нашего района дополнительно до десяти тонн!

Мы повстречали председателя колхоза имени Войкова Ивана Александровича Морозова в степи. Нет, не в зеленой. И не в черной — в мертвенно-желтой. Поле озимого ячменя... На земле, кажется, безжизненные пряди ячменя, именно пряди. Иван Александрович и начальник производственного управления вспоминают, каким красавцем стоял этот ячмень осенью — рослый, хорошо раскустившийся, густой. Сейчас он поник, прижался к матери-земле, и агрономам, председателю колхоза важно определить: жив ли? Живо ли поле?

Ответишь ли, зеленый друг?

— Верите ли, сердце заходится, как только выйду в степь,— проникновенно говорит Иван Александрович.— Вы знаете, какая это земля?

Я знал — керченская. А еще есть перекопская. А еще есть севастопольская... Крымская земля неласковая, трижды политая кровью ее защитников и освободителей. Я знал все это и в то же время не знал, потому что рассказ Ивана Александровича Морозова был еще впереди.

— Вон там, видите, курган? Там мы зацепились, наш десант. Да, я впервые пришел сюда, на эту землю, с десантом. Мы высадились, чтобы больше никогда не уходить из Крыма... Герои Керчи... Одни не ушли отсюда, потому что дрались до последнего вздоха. Другие — потому что остались жить здесь после победы, не могли не остаться. Так земля Крыма велела.

Иван Александрович почти не похож сейчас на того юношу, который высадился под Керчью с десантом. Я видел его фотографию двадцатипятилетней давности в парткоме колхоза — безусый, в пилотке, младший командир, прожекторист. И все-таки в нынешнем Морозове что-то осталось от того юного десантника!..

В селе стоит прекрасный обелиск в честь павших односельчан. Иван Александрович задержался на минутку возле него, дал мне время прочесть имена — я прочел все до одного. Это все, что живые могут сделать для мертвых: помнить их.

Комсорг и комбайнер Иван Доценко, стоявший рядом, сказал:

— Это не однофамильцы, это мои отец, брат, сестра...

Иван! Но что я мог ему сказать?..

— Пойдемте, я вам наш колхозный детский сад покажу,— предложил комсорг.

Иван! Как же так — отец, брат, сестра... А председатель, кажется, уже забыл о том, что начал было вспоминать: слишком велика и жгуча его забота о сегодняшнем, о живом — о живом поле.

— Сейчас самое трудное—поймать момент созревания почвы. Каждый час — ожидание. Конечно, нагрузка на трактор слишком велика нынче, и на каждую кукурузную сеялку приходится более двухсот гектаров. Почти нет запчастей... Вот и рассчитываешь каждый шанс в этом необычном единоборстве.

Необычном? Конечно, хотя в земледелии всегда так: единоборство... Не с одним, так с другим...

— Обычно мы управляемся с весенним севом за четыре, за пять дней,— пояснил мне еще утром первый секретарь Ленинского райкома Николай Павлович Трефилов,— но нынче добавилось более двадцати тысяч гектаров пересева, а сроки-то сева — величина постоянная, ее нельзя увеличивать. Во всяком случае, нежелательно с точки зрения агрономии. Напряжение колоссальное!

Весна может случиться и поздней, но не бывает, не может такого быть, чтобы она не пришла! Уметь выстоять — наука человеческая.

По тернистым дорогам войны

В боях под Воронежем самаркандец Шарип Самадов был тяжело ранен и попал в плен. Гитлеровцы отправили его в Австрию на каменоломни. Это был кромешный ад. Шарип и его друзья — Василий Кириллов, Николай Цекадзе — решили бежать из плена. И за два дня до первомайского праздника ночью они убежали. Операция прошла столь стремительно, что гитлеровцы кинулись в погоню, когда заключенные были уже далеко в горах.

Бежавших из плена побратски встретили в Первом интернациональном отряде, действовавшем в районе Любляны. Самадов стал разведчиком, а потом его назначили командиром отделения. Как-то во время разведки Шарип попал в село, которое гитлеровцы тут же отрезали от шоссе. Что делать? Шарип решил дождаться темноты на опушке леса. Но прошло немного времени, и на дороге показался немецкий сержант на велосипеде. Метрах в ста от Самадова он остановился, чтобы накачать камеру. Обезвредив фашиста, Шарип переоделся в немецкую форму, прихватил автомат и снова подался в лес...

Добравшись до Триеста, самаркандец сел в поезд и уехал в Милан. И здесь, сразу же на вокзале, он попадает в лапы гестаповцев. Почти две недели держали его в комендатуре. Пытали, допрашивали. И, ничего не добившись, отправили в рабочий батальон, который занимался сбором оружия для немцев у капитулировавшей к тому времени итальянской армии.

Однажды Самадов встретился с итальянским патриотом Амбрузани Ренато. Убедившись, что Шарип — человек надежный, Ренато както шепнул ему: «У нас есть партизанская организация, тащи оружие к нам».

Почти два месяца Шарип переправлял оружие патриотам, пока в марте 1944 года гитлеровцы не отправили рабочий батальон в другой город. Самадов снова бежал. Теперь вновь на север Италии, туда, где действовали партизаны. Так Шарип Самадов стал членом оперативной группы «Корпуса добровольцев свободы». Его нарекли здесь Александром.

Как-то вечером разведчики донесли: на станции в Милане стоит эшелон с боеприпасами. В ту же ночь Самадов и его друзья бесшумно сняли охрану и стали вывозить сотни автоматов. На рассвете, когда операция уже близилась к концу, состав окружили эсэсовцы. На этот раз Шарипу не удалось скрыться. Его схватили и бросили в тюрьму Сан-Витторе.

Снова допросы, пытки: «Где партизаны?» «Не знаю»,— твердо стоял он на своем. Каждый день Шарип ждал расправы. И она пришла, только не для узников, а для фашистов. 25 апреля 1945 года. Комитет национального освобождения Италии поднял народное восстание и освободил северные районы страны. Были освобождены и все заключенные. Наш земляк продолжал активно участвовать в движении Сопротивления.

После войны Самадов вернулся в отчий дом. Он теперь работает на заводе. Часто его жена, учительница, и трое дочерей слушают рассказ отца о совместной борьбе патриотов разных стран за мир и счастье людей.

Я. БАКМАН,
сотрудник
самаркандской газеты
«Ленинский путь»

Партизанская книжка Шарипа Самадова, выданная Комитетом итальянского сопротивления.

Шарип Самадов.

Б. СМИРНОВ

Эстафета Волховстроя

Человеку, впервые попавшему на берега Енисея у Дивногорска, панорама строительства Красноярской ГЭС должна показаться очень сложной, даже хаотичной. Крановщице Светлане Мовчун, наоборот, схема стройки видится простой и понятной, потому что уже не один год вся плотина лежит под кабиной ее крана, как на ладони. Ту же плотину совершенно иначе воспринимает прораб гидромонтажников Иван Шевченко. Он работает в галереях, проложенных в бетонном теле плотины, и знает ее всю как бы изнутри, на ощупь.

Ну, а каким видит строительство его начальник, Андрей Ефимович Бочкин?

За свою жизнь он построил немало предприятий, заводов и электростанций. Красноярская ГЭС сейчас крупнейшая стройка на планете, и Андрей Ефимович знает ее до последней черточки проекта, до каждого рубля в строительных сметах. Он, словно в микроскоп, разглядывает каждый участок громадного фронта работ и в то же время отчетливо представляет весь будущий каскад енисейских энергетических гигантов.

Но можно смотреть на Красноярскую ГЭС еще под одним углом зрения — исторически. Пятьдесят лет назад, когда только зарождался ленинский план электрификации ГОЭЛРО, трудно было поверить даже в возможность строительства гидроэлектростанций в опустошенной, голодной России.

План ГОЭЛРО рассчитывался на ближайшие десять — пятнадцать лет и предусматривал строительство районных тепловых и гидроэлектростанций. Но уже тогда составлялись записки о «водных силах» Днепра, Волги, Ангары, а в ряду «энергетических» рек упоминался Енисей. И все же гидростроители пришли на эти реки гораздо раньше, чем предполагали в двадцатые годы самые смелые составители прогнозов. Путь от Волхова до Енисея был пройден одним поколением.

...Ниже плотины Красноярской ГЭС Енисей теперь не замерзает в самые сильные морозы. От бурлящей, взбаламученной воды поднимается густой туман.

— Это типичный «туман по-сибирски», неизбежное зло гидростроителей,— объясняет пожилой седой человек, начальник технической инспекции Сергей Леонидович Малиновский.

Свой путь гидростроителя он начинал на Волховской ГЭС — первой советской гидроэлектростанции. Еще продолжалась гражданская война, еще отстаивали Петроград от войск Юденича матросы-балтийцы, а на Волхове уже начинались земляные работы. Из деревни Дубовики и села Михаила Архангела собирались мужики с лопатами и телегами-грабарками, а автор проекта первой советской гидростанции профессор Г. О. Графтио ходил по разным учреждениям в поисках хоть каких-нибудь специалистов.

В боях за Петроград Сергей Малиновский, доброволец морской роты, был тяжело контужен. Пришлось навсегда расстаться с флотом. В Народном комиссариате по военным и морским делам ему, как человеку образованному, студенту Петроградского политехнического института, предложили поехать на Волховстрой. Так Малиновский стал гидростроителем.

Следующей была Нижне-Свирская ГЭС. Сергей Леонидович приехал туда с первым же отрядом рабочих и специалистов. Глухое, безлюдное место.

— Работа на стройке Нижне-Свирской ГЭС началась так: я поехал в деревню и купил там двадцать досок...

Сергей Леонидович считает, что Нижне-Свирская — самая тяжелая из всех строек, в которых ему приходилось участвовать.

В 1935 году были подведены итоги электрификации страны: план ГОЭЛРО, принятый 15 лет назад, был перевыполнен почти в три раза. Был еще один, пожалуй, самый важный итог пятнадцати лет: в стране появился большой отряд людей новой профессии — гидростроителей. Они останавливали реки, и укрощенная мощь воды разливалась по самым глухим уголкам страны светом электрических лампочек.

...На Волховстрой Сергей Леонидович Малиновский пришел простым десятником, а к концу строительства он был уже техником. На Нижне-Свирской ГЭС стал прорабом, а когда развернулось сооружение следующей гидростанции — Верхне-Свирской, Сергея Леонидовича назначили начальником бетонного хозяйства.

Верхне-Свирскую не удалось возвести в намеченные сроки. Война помешала. Свирские гидростроители стали защитниками Ленинграда. Защищать надо было не только город, но и свою Волховскую ГЭС. Ценой тяжелых боев станцию удалось отстоять, электроэнергия продолжала поступать в Ленинград по кабелю, лежащему на дне Ладожского озера.

Из блокированного Ленинграда Сергей Леонидович был направлен на Урал, на строительство Верхотурской ГЭС. Ее энергия была необходима для переместившихся на Урал предприятий. Здесь Малиновский стал заместителем начальника строительства.

После войны гидростроители стали гидровосстановителями. Малиновского назначили на строительство Кегумской гидростанции в Латвии. Станции практически не было, отступающие гитлеровцы превратили ее в руины. Для того, чтобы разобрать огромные завалы, Рига мобилизовала латышских комсомольцев. Сергей Леонидович тогда не предполагал, что с молодежью ему в будущем придется работать очень много. Впереди были Ангара, Енисей...

На Ангару Малиновский приехал в 1952-м. Сибирская река ставила перед специалистами новые, чрезвычайно сложные задачи. И трудные природные условия — суровая зима с ноября до апреля; и особый водный режим реки с ее зимними разливами, с мощным байкальским напором; и сейсмическая активность района...

Но к тому времени уже коренным образом изменилось, если можно так сказать, соотношение сил в борьбе человека с природой. Построив свыше сотни ГЭС в самых разнообразных условиях, советские люди приобрели огромный опыт проектирования и строительства электростанций. Теперь в их распоряжении новые совершенные машины, вплоть до шагающего экскаватора и двадцатипятитонных самосвалов.

Иркутская ГЭС дала ток в 1956 году. На памятную доску, укрепленную у входа в машинный зал, были занесены имена лучших ее строителей. Среди них и С. Л. Малиновский.

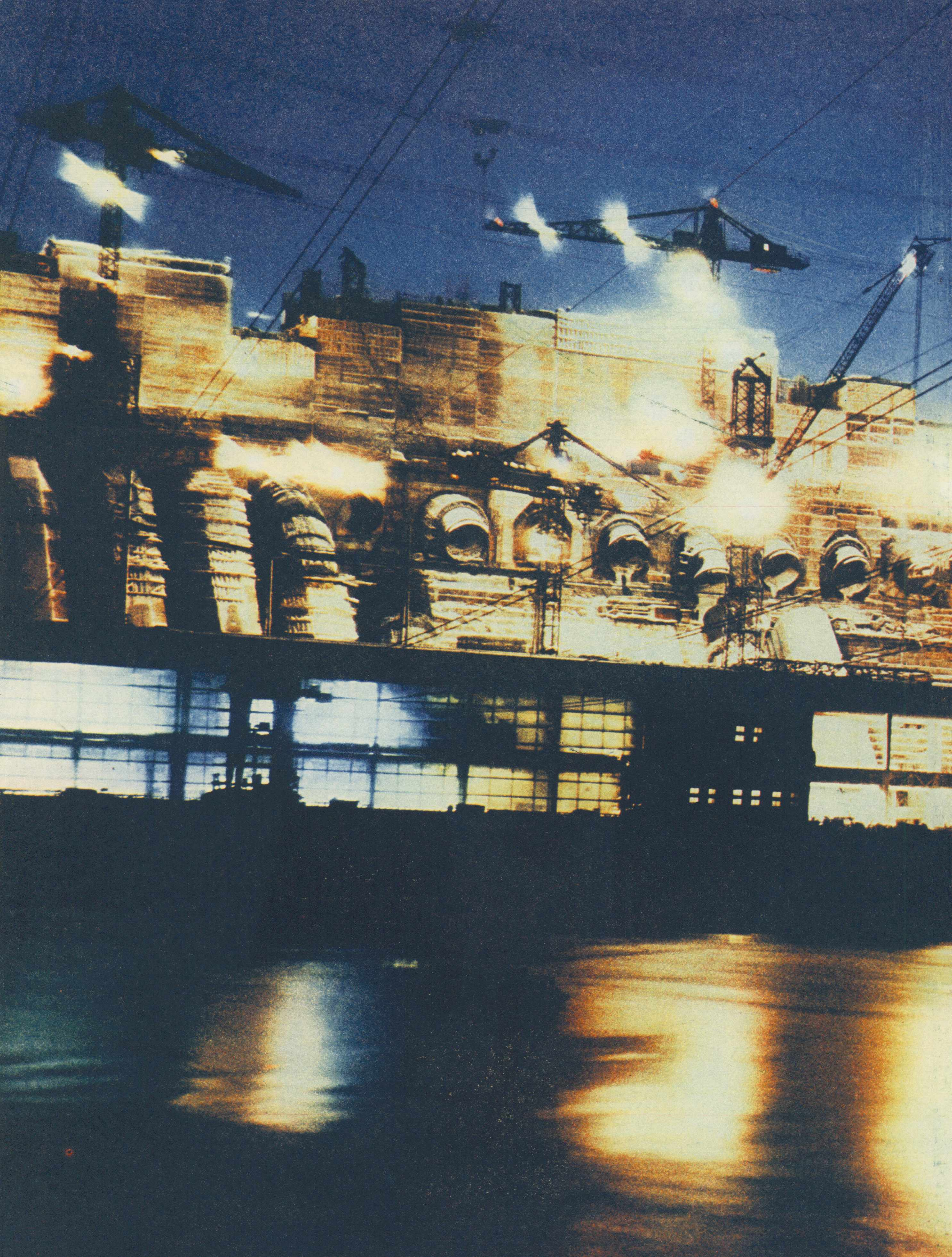
С Ангары почти все иркутские гидростроители перебрались сюда, на Енисей.

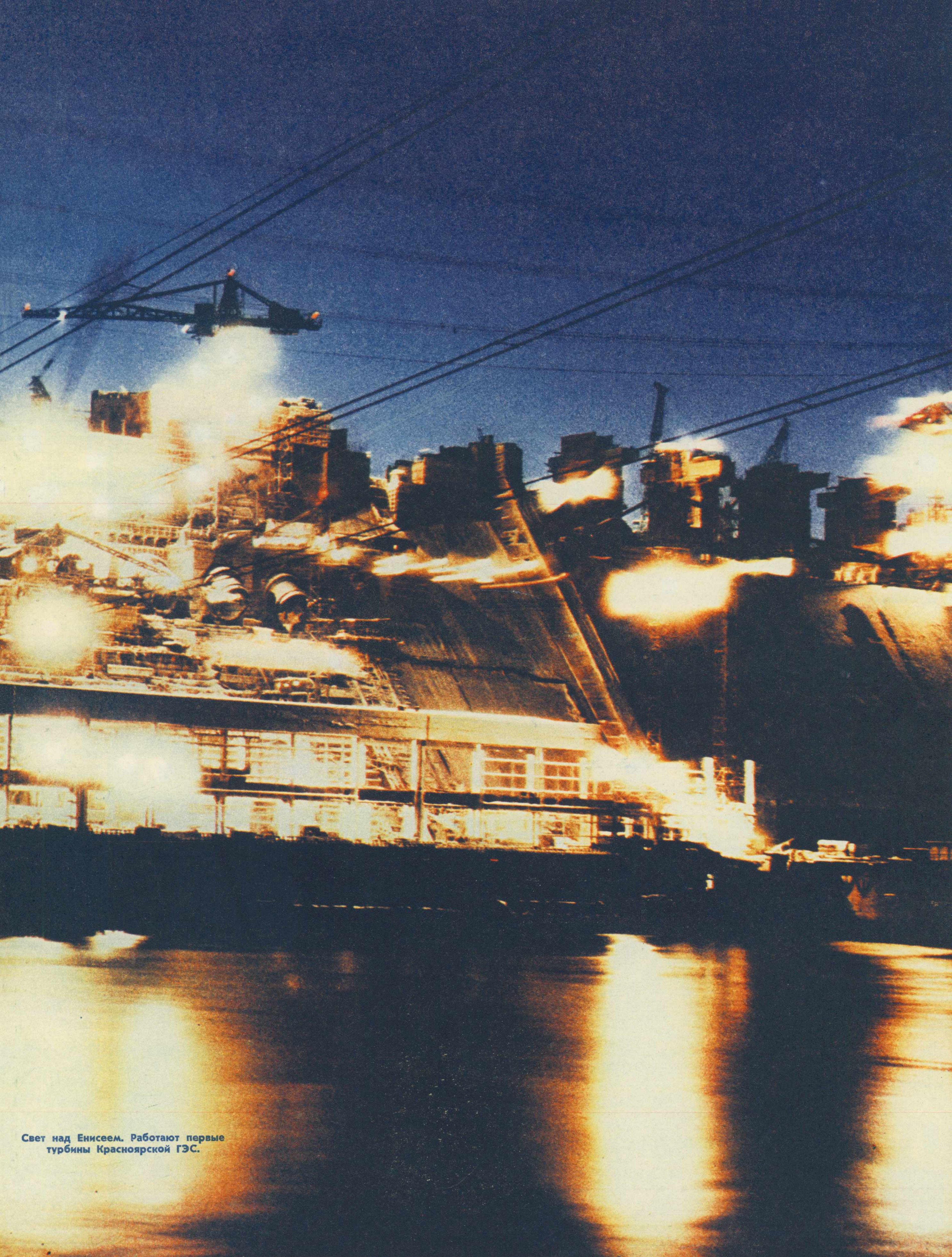
Стройка уже близка к завершению. Пройдет весенний паводок, начнется монтаж последних агрегатов, а там, глядишь, придет пора перебираться в Саяны, на новую стройку. Как ни крупна Красноярская ГЭС, Саяно-Шушенская будет мощнее. А в будущем, не таком уж и далеком, появятся еще шесть станций Енисейского энергетического каскада. Встанут новые плотины на Оби, Ангаре, Лене. Эстафета Волховстроя продолжается...

На самом гребне плотины мороз минус сорок, но работа не прекращается ни на минуту.

Фото А. ГОСТЕВА.

Свет над Енисеем. Работают первые турбины Красноярской ГЭС.

Прораб И. Шевченко (в центре) с бригадой рабочих, сооружающих галереи в теле плотины Красноярской ГЭС.

Светлана Мовчан — крановщица. Пришла на стройку по комсомольской путевке.

ИСПОВЕДИ В ПУТИ

Николай ГРИБАЧЕВ

1

Его я встретил в поезде. Он был
Каким-то отрешенным и помятым.
За окнами намокший март рябил,
Дышал теплом, дымил туманом ватным.

И первый грач, весь черный, как монах,
Глядел на полустанок сонным глазом,
И тропки, заходя, как ум за разум,
Неслись, к ручьям приравнены в правах.

В такую пору, словно кто подъем
Вдруг объявил, гоня соблазны лени,
Душа и ветка действуют в одном —
К полету и расцвету — направленьи.

Все в устремленьи, в поисках орбит,
Ведущих к новой высоте и дали.
И даже та, что в крайнем увяданьи,
Душа не так тоскует и скорбит.

Стучит капель, ломается река,
И ветер тянется издалека —
Густой, веселый, влажный ветер юга —
Взглянуть, что наша делает округа.

И в женщине, обычной, что не модно
Одета и уже немолода,
Вдруг видится Лаура и Джоконда,
Зовущая неведомо куда.

Но спутник мой за дымом папирос
Напоминал мне лес в исходе года:
Он сумрачен, и чуть ледком оброс,
И молчалив — зверью и птице голодно;

Оглохло эхо, сколько ни кричи,
Пожух камыш, исчез ручей бесследно...
Мы полпути проехали почти,
А не идет, не вяжется беседа.

Позавтракал под вздохи булкой с чаем,
На предложенье коньячку в обед
С протяжкой неуверенное: «Не-ет»...
«Да», «Нет», «Потом» — на том и речь кончаем.

Лишь к сумеркам уже, как на краю
Земли и неба покраснело малость,
Наш разговор, на паузах измаясь,
В глубокую заехал колею.

2

«Что век наш тяжек,— говорил он,— но
Прекрасен по деяниям и цели,
Не новой в утешенье панацеей,
А прописью является давно,

Банальностью, о коей все юнцы,
Щипля свои бородки и усы,
Как проводник об остановках в поезде,
Вещают в шумной лирике и прозе.

И все ж, как тезис этот ни избит,
Он истинен по сокровенной сути,
И, личный наш кроша и руша быт,
К нам злоба века прописалась в судьи.

И часто изначальность наших драм
В том яростном лежит противоречье.
Чем выше в горы, тем и ветер резче,
Чем ближе к звездам — ближе к вечным льдам!

А нам ведь женщина в любви живой
Нужна, свет глаз, жар губ, восторг слиянья,
Как сущность бытия, как состоянье,
Прекраснейшее в участи земной.

Мы без нее не целое, а часть,
Не полная, а вполовину сила,
И юность нас мотала и носила
Не зря, в дома заветные стучась.

И всяк из нас, когда приходит срок,
Дает одной обет или зарок,
С порой наивных вздохов и мечтаний
Прощаясь в доме бракосочетаний.

И тут — держись! — особый поворот,
Взаимопониманья смысл особый,
Где каждый все дает и все берет
Без мелочности чувства низкопробной,

Где за слезу — слеза, и за восторг —
Восторг, и за прощение — прощенье.
Лишь в равенстве любви самоспасенье,
А нет его — и весь к нулю итог.

3

Но есть еще и то, что иногда
Зовут проклятьем ядерного века,
Когда под ношей гнемся мы, когда
Дела сильнее власти человека.

И календарный отдых не в резон —
Педантам службы во спасенье он,
А тем, кто ходит при горячем деле,
Почти что равнозначны дни в неделе.

Жмут сроки, гонит спешка, а притом
Собранья, лекции, доклады, споры,
И беготня — аж ветер свищет в полы,
И загнанность — аж воздух ловишь ртом.

Сидишь за ужином, а в голове
Газетная статья, когда не две,
Кизингер, Никсон, домысел собрата,
Как на Луну лететь и как обратно.

День кончился, а ты все в этом дне
И в будущем уже одновременно.
И нет эквивалентного обмена
Двух душ, оставшихся наедине.

Еда не веселит, вино не в прок,
Ни в лес прогулок, ни с утра зарядок,
Лишь потолок взамен дождей и радуг,
Взамен цветов и листьев — потолок.

Квадратный. Бело-серый. Как плита,
Чтоб воли не давать воображенью.
И движет блеклых чувств неполнота
Любовь к усталости и пораженью.

Еще вы вроде целое одно
И трещинку малейшую скрываете,
И спите рядом на одной кровати,
И ходите в театр или кино.

И все ж разделены. На миллиметр.
Потом — на метр. Потом — все дальше, дальше.
И — разные. И не уловлен даже
Начальный расхождения момент.

4

В сравнении с пером или станком
Моя работа ни трудней, ни легче,
Хоть точка приложенья сил далече,
А результаты в сейфе под замком.

Когда с утра космический корабль,
Гремя, уходит за земные грани,
То путь его, как новое прораб
Шоссе в лесу, я проложил заране,

Разведал профиль, рассчитал подъем
И выставил на поворотах вехи,
Хоть темной кровью набухали веки,
А ночь шумела ветром и дождем.

И с тем в связи могу сказать я без
Прикрашенья собственной персоны,
Что, как моря и суша ни просторны,
Я мыслями живу меж звездных бездн.

А тот, кто знал хоть раз ту глубь и даль,
Привык к ее свеченью и движенью,
Тот с тем умрет, земному притяженью
Могильным прахом отдавая дань.

Что это — блажь? Игра в героев? Мода?
Нет. Как там ни крути и ни верти,
Нас гонит в путь познания природа,
И не видать конца тому пути.

Пусть трепка нервов, муки, пусть кончина
В холодной мгле — наш путь вперед, вперед,
Покамест жизнь, всего первопричина,
В борении над смертью верх берет!

5

Но я еще и человек. Как все.
И я влюбился на исходе лета,
Впервой ее увидев в полосе
Через окошко хлынувшего света.

Она случайно заглянула в зал,
Где я курил во время перерыва,
И словно сердце кто-то мне разъял
И динамитом оснастил для взрыва.

Смешно, что глянул и влюбился? Но
Ужели менее того смешно,
Что кто-то, все решая по-иному,
Любовь, как сдельщину, вгоняет в норму?

Что где-то, свой имея интерес,
Чтоб чувством не обременять мужчину,
Включают электронную машину
Для выбора любовниц и невест?

Я технику получше знаю сам,
Ее предназначенье и основу,
И все ж разумней доверять глазам,
Печали и улыбке, жесту, слову.

И я поверил. До конца — едва
Меня коснулось глаз ее сиянье...
В сто лет пути казалось мне сперва
Лежавшее меж нами расстоянье,

Безмерность из туманностей и звезд,
Комет, планет, пустых и населенных,
Рои галактик в искорках зеленых.
Прекрасна цель, да переезд не прост!

И я расчетным мучался усильем,
Хоть знал, что поздно, что уже лечу,—
Каким из всех изобретенных крыльев,
Каким ракетам даль та по плечу?

Но взгляд ее, как световой поток,
Все смел и сжег, приблизив точку встречи,
И вскоре некий загс в Замоскворечье
Подвел баланс и записал итог.

Я счастьем был захлестнут, как листвой —
Леса, я времени утратил меру
И, холостяцкий быт меняя свой,
Все полюбил, все принял в ней на веру.

И если б вправду был какой-то бог,
С зеленой бородищей перестарок,
Я свечку с башню Спасскую в подарок
Ему б за то поставил и зажег!

6

Так прокатилось восемь лет — рекой
То меж лугов цветущих, то в разливе.
И мне казалось, нету никакой
Причины, чтобы думать о разрыве.

Какой разрыв, когда совет да лад
И в ласке полная самоотдача?
И дом как дом! И возле Клязьмы дача
И к покупному свой на стол приклад.

И — поспешай за модой без тревог,
Что на сберкнижке деньги истощатся?
Но я домой все позже стал стучаться,
Все позже свой переступать порог.

Шел штурм того, чего еще вовек
Не штурмовал людской бесстрашный разум.
И, как в сраженье, все это поверх
Любви, тоски, страстей и страха разом.

Со славой, что века переживет,
Не ради лишней тряпки и монеты —
Для дела шел в последний свой полет
Гагарин, первый космонавт планеты;

Уже на грани мрака, слыша рев
Тех скоростей, что гибелью грозили,
В последний миг работал Комаров,
Чтобы другие космос бороздили.

Я им не ровня, нет. Не для меня
Взлет в пламени и камнем вниз паденье.
И все ж при их дерзанье каждый день я
И опаляюсь возле их огня.

7

И тем я жил. Когда работал. Ел.
Сидел в гостях. Томился, засыпая.
И своего положенного пая
Внести в двух душ единство не сумел.

И стало так, что я про космос ей,
Она — о новом фильме и романе.
И все трудней взаимопониманье,
Несхожесть мыслей чаще и острей.

Потом, как в озеро потоки с гор
Иль пополненье в гущу старой роты,
Чужие мысли, речи обороты
В ее врываться стали разговор.

Язык один, одно значенье слов,
Но мысль в другой рисунок и оттенок.
Кто отраженье листвы на стенах
Ловил, тот знает, что тут за улов!

И в глубине ее тревожных глаз,
Еще для проявленья не раскованный,
Как бы какой-то облик незнакомый
То появлялся сквозь туман, то гас.

Кто он? Я круглым был бы дураком,
Когда б спросил. Раз уж случилось это,
Не в помощь ни райком нам, ни обком,
Ни весь состав Верховного Совета.

Как переменная величина
В любой поре и случае конкретном,
Любовь вольна и не подчинена
Параграфам законов и декретов.

Сближает с сердцем сердце не декрет,
И не от директив родятся дети.
Любовь сама собой живет на свете.
И правит. И над ней хозяев нет.

Античный изучи за мифом миф,
Умнейших книг переплыви пучины —
Необъясним ее рожденья миг
И миг ее загадочной кончины.

Вот только что была, светила, жгла,
Фантазиями голову кружила,
И — нет ее. Приливом отошла.
Волной в туман. И гальку обнажила.

8

Кого ж корить, что вместо рая ад
И пепел вместо пламени и жара?
Что из твоей души ее сбежала —
Ты сам или соперник виноват?

Ведь он не тать, что вышел на разбой,
А твой согражданин. И с ней при встрече
Он, так же, как и ты, лишался речи,
Как ты в свой срок, не властвовал собой.

И, может быть, он только тем сильней,
Что, в полноте приемля долг и чувство,
Постигнет высочайшее искусство
Быть в космосе и в то же время с ней?

По уравненьям, не решенным мной,
Двух троп разбег сольет в дорогу цельную?
Такую век, прекрасный и шальной,
За наше счастье назначает цену.

Ты должен быть логичен, точен, сух,
Отсчитывать секунды старта вслух
И — ворковать затем, меняясь в корне,
Как в марте голуби на колокольне.

Чтоб совместилась с женщиной звезда,
С машиной электронной синь вечерняя,
Хоть нервы — не в обмотках провода
И нету кнопок для переключенья.

А я, я дрогнул. Не сумел. Не смог
Исправить крен. И хуже год от года
Все шло. И нет пока еще развода,
Но май сгорел и соловей замолк.

И появилась чувства глухота
И немота улыбки, взгляда, слова,
И рухнула, крошась по части, та
Взаимности в любви первооснова.

Взгляд равнодушен, близость без тепла,
На скучных разговор буксует темах,
Как будто мы небесные тела,
Но при различных солнечных системах:

Хоть закричи, хоть голову разбей,
Но не изменишь курсов расхожденье.
И все слабей взаимопритяженье,
Взаимный свет все дальше и слабей.

И вот бегу на юг. Совет врача.
Прибой. Загар. Платанов тень резная...
Бегу, полунадеясь и не зная:
Чья мне поможет дружба? Мудрость чья?»...

9

Спешил, как все на свете поезда,
Наш поезд в громыхании и звоне,
И в рваных облаках на горизонте
Всплыла зеленоватая звезда.

Одна из миллиарда миллиардов
Она свеченьем сумерки прожгла.
А мне казалось, женщина вошла,
Молчала, мучилась, дышала рядом,

Томилась грустной горечью потерь,
Искала невозможного ответа.
Но хлопнуло окно, и всполох ветра
Вздул занавеску и захлопнул дверь.

Лег мой попутчик, вжав подушку в угол.
А я... Что я? Я вспомнил опыт свой:
Нет хирургии для таких недугов.
Нет терапии. Нет воды живой.

...Шел снег. Снежок. В конце недели.
Мерцал. Слоился под окном.
И мы в компании сидели
За легким ужином с вином.

И в чинности пустопорожней,
За два часа приевшись нам,
Плелась беседа, как прохожий,
Зевающий по сторонам.

О том о сем. О рыбной ловле.
Об Африке. О том, что вот
Нас недруги, ловя на слове,
Берут нередко в оборот;

Что снова так себе погода,
Что нет, не рай он, климат наш:
Зимы и сумерек полгода,
Дождливый летом ералаш.

Так, у тоскливости на грани,
Что серым выстлалась рядном,
Минуты шли, часы сгорали,
День становился прошлым днем.

И вдруг, когда уже зевками
Сводило челюсти и рты,
В дверях, как в старомодной раме,
Из темноты возникла ты.

Откуда? Как? Судьба какая
Какой узор дорог вила,
Что, нашей встрече потакая,
Тебя в тот вечер привела?

Иль, может быть, и в самом деле
В каких-то глубях бытия
Есть все грядущих дней модели
И в них в единстве ты и я?

Не знаю. С мистикой не в дружбе.
Но, трогательна и мила,
Ты чудом, как цветок на стуже,
В своем смущении была,

Черемухой в росе, когда в ней,
Пристрастен сущности своей,
Весь из восторгов и страданий,
Поет рассветный соловей.

Качнулся свет. Беседа смолкла,
Как при проколе шелест шин,
И все вокруг тебя и около
Столпились помыслы мужчин,

И восемь глаз, тревожно ждущих,
Вели шагов твоих отсчет.
Черт любопытства в наших душах
Живет. И страсти жадный черт.

А ты, стройна и белокожа,
От щиколотки до бровей
Была с полудевчонкой схожа,
Когда едва семнадцать ей.

Еще дремала неразбуженно
Перед безвестностью любой.
Что мы тебе? Но после ужина
Я все-таки ушел с тобой.

И в свеях снега ли, песка ли
Скрипит, а что, поди спроси! —
Мы вместе за полночь искали
Неуловимое такси.

И все безгрешно шло и просто,
И в снежной мгле — мука да мел! —
Твоих озябнувших с мороза
Я даже рук пожать не смел.

И лишь в конце, простившись даже,
Сказал я, холодком задет:
— Звоните.
— Я?
— Ага.
— Куда же?
— На службу... через десять лет!

Чем было это — шуткой грустной,
Что умягчает жест и речь?
Полупопыткой безыскусной
Себя от домыслов отвлечь?

Дерзаньем по погоде зимней
Намек посеять в душу тот,
Что кто-то, дальний и незримый,
Все не забыл, все ждет и ждет?

Шел год. Другой. Сады взрастали.
Гремела песня и война.
Кусался я, меня кусали,
Не спрашивая, в чем вина.

Катились реки и событья,
Менялся облик стран и сел.
И наш. И кто-то в скучном быте
Твой милый облик полустер.

«Пусть будет счастлива!» — сказал я
И отошел. Лишь в час ночной
Метельных улиц даль сквозная
О чем-то спорила со мной.

И вот — я был в минуты эти
Особо как-то одинок,—
И вот через десятилетье
День в день среди зимы звонок.

— Вы?
— Я.
— Не верится!
— И все же...
Вы мне сказали — я звоню.
Став старше и, быть может, строже,
Я той себя не заменю.

Та девочка, чуть непоседа,
Глупышка, яркая извне,
Ушла, растаяла бесследно,
Но вас оставила во мне.

Как видно, никуда не скрыться,
Когда, увидев в первый раз,
Нас уважают бескорыстно,
Живую душу ценят в нас.

С тех пор я многое забыла,
Вас — нет. И все эти года
За вами издали следила,
Хотела видеть иногда.

И хоть моя за тем порогом
Счастливо жизни пряла нить,
Все чаще маялась тревогой:
«Ах да, мне надо позвонить!»

И вот, кончая с длинной речью,
С надеждой чуть, чуть со стыдом,
Я приглашаю вас на встречу
Метельным днем в тот самый дом.

Быть может, все напрасно это,
Пустой почин в пустом ряду,
Но, доброй памятью согрета,
Я верю вам. Зову. И жду...

Шел снег. Снежок. В конце недели.
Порхал. Мерцал. Роился. Гас.
И мы опять вдвоем сидели,
Растворены в глубинах глаз.

И все казалось: сняв, как бремя,
Бесстрастной вечности запрет,
Для нас остановилось время
На пять,
на десять,
на сто лет!

К ЛУНЕ

«Огонек» получил много писем с просьбой рассказать о последних экспериментах в космосе, связанных с полетами к Луне. За ответом на вопросы мы обратились к известному советскому ученому.

Академик Б. Н. ПЕТРОВ,
Герой Социалистического Труда

— Какие полеты в космосе приблизили вероятность высадки человека на Луну?

— Известно, что освоение Луны впервые было начато полетами советских автоматических станций. Это они дали первые фотографии обратной стороны Луны и начали подробное исследование окололунного пространства. Следующим крупным шагом была мягкая посадка на Луну автоматической станции «Луна-9» с телевизионной аппаратурой для передачи лунного ландшафта. Эти исследования были продолжены станцией «Луна-13» и рядом американских аппаратов «Сервейер». Первой на орбиту вокруг Луны вновь вышла советская автоматическая станция «Луна-10».

И вполне закономерно, что, когда на очереди оказалось осуществление полетов к Луне с возвращением на Землю, право первенства здесь можно было предоставить только автомату.

Автоматические станции «Зонд-5» и «Зонд-6» совершили первые рейсы с облетом Луны и возвращением на Землю. Они принесли с собой ценную научную информацию, а также фотографии Луны и Земли. С помощью этих станций были решены важные проблемы, связанные и с полетом человека к Луне. Кстати сказать, схема возвращения на Землю, примененная в полете «Аполлона-8», близка по своему характеру к схеме возвращения, испытанной ранее при полете станции «Зонд-6». А как уже сообщалось в печати, автоматические аппараты «Зонд-5» и «Зонд-6» приспособлены также и для пилотируемых полетов.

Сложный комплекс задач, важных как для околоземных, так и для дальних космических полетов,— маневрирование, управление сближением, ручная стыковка, переход в космосе из одного корабля в другой, отработка различных систем космических кораблей,— был с большим успехом решен при полетах советских космонавтов Г. Т. Берегового, В. А. Шаталова, Б. В. Волынова, А. С. Елисеева и Е. В. Хрунова на космических кораблях серии «Союз».

Многие системы и режимы полета космического корабля, предназначенного для полета человека на Луну, экспериментально проверены при полетах американских кораблей серии «Аполлон».

— Какое место отводится американскими учеными в программе по освоению Луны экспериментальному полету корабля «Аполлон-9» и какие этапы намечаются в дальнейшем?

— Главная цель полета американского космического корабля «Аполлон-9» — испытание лунного отсека, на котором в будущем намечается посадка космонавтов на Луну, имитация его основных режимов движения.

Согласно существующей программе НАСА по освоению Луны, на 17 мая этого года намечен старт нового космического корабля — «Аполлон-10». Лунный отсек «Аполлона-10» с двумя космонавтами, отделившись от основного блока корабля, должен приблизиться к поверхности Луны на расстояние до 15 километров, а затем — возвратиться к основному блоку. Высадку человека на Луну планируется провести летом этого года, при полете космического корабля «Аполлон-11».

— Каким способом предполагается высадить человека на поверхность Луны по программе «Аполлон»?

— С Земли на окололунную орбиту планируется вывести корабль с тремя космонавтами. Затем два космонавта должны перейти в лунный отсек, отстыковаться от основного блока, где останется третий член экипажа, и осуществить спуск на поверхность Луны с помощью одного из двух собственных двигателей отсека. После прилунения и взятия проб грунта они должны вновь стартовать на селеноцентрическую орбиту, используя в качестве стартовой площадки посадочную ступень лунного отсека с отработавшим двигателем.

На окололунной орбите должны быть произведены сближение и стыковка взлетной ступени с основным блоком корабля. Затем космонавты должны перейти из лунного отсека в основной блок, где их ожидает третий космонавт. После этого взлетная ступень отделяется, а основной блок корабля после включения маршевого двигателя переходит с селеноцентрической орбиты на траекторию полета к Земле.

Важнейшие операции управления основным блоком корабля и лунным отсеком, необходимые для осуществления такого полета, как раз и репетировались экипажем «Аполлона-9».

Интересно отметить, что по окончании основного эксперимента космонавты спали подряд в течение двенадцати часов. Такая продолжительность сна в космосе не была зарегистрирована еще ни при одном космическом полете. И это, очевидно, показатель большого напряжения космонавтов.

— Чем объясняется необычная «хрупкость» лунного отсека «Аполлона-9»? В печати высказывались предположения, что именно с этим связана сложность и опасность эксперимента...

— Лунный отсек, отделяющийся в космосе от основного блока корабля «Аполлон», не предназначен для возвращения и посадки на Землю. Поэтому он сделан гораздо менее прочным, чем возвращаемый на Землю отсек экипажа, который подвергается большим перегрузкам и аэродинамическому нагреву. Лунный отсек рассчитан лишь на условия полета в космическом пространстве и на относительно небольшие перегрузки, которые возникают при посадке и взлете с Луны.

Опасность эксперимента при полете «Аполлона-9» была, конечно, не в «хрупкости» самого лунного отсека, а в том, что в случае отказа всех двигателей, что маловероятно, встреча на орбите с основным блоком корабля и переход в него космонавтов из лунного отсека стали бы невозможными, а сам лунный отсек, как мы уже говорили, не рассчитан на вход в атмосферу.

Эксперимент прошел успешно, расчеты американских ученых подтвердились. Их творческий вклад в развитие космической техники заслуживает уважения. Мы поздравляем американских ученых и мужественных космонавтов Дэвида Скотта, Джеймса Макдивитта и Рассела Швейкарта, осуществивших новый шаг в развитии космонавтики.

— В связи с непосредственным участием человека в освоении Луны не падает ли роль автоматических станций?

— Существуют, конечно, такие задачи освоения космического пространства, когда участие человека не только оправданно, но и необходимо. И ясно, что роль человека будет возрастать по мере расширения самих задач освоения Луны и других планет. Можно сказать так: «Человек в космосе всегда будет работать в содружестве с автоматикой».

Но известно, что осуществление целиком автоматических полетов — в техническом исполнении вещь более сложная, чем пилотируемый полет. Потребовалось решение целого комплекса задач в области ракетостроения, космической навигации и спуска в атмосфере кораблей, летящих от Луны со второй космической скоростью, то есть со скоростью порядка 11,2 километра в секунду.

Как советские, так и американские эксперименты такого рода явились существенным вкладом в космическую технику, хотя, конечно, они идут своими путями. Но нужно учесть и другое: возможности современных автоматических устройств также возрастают с каждым годом, и они чрезвычайно велики уже и сейчас. Много ярких страниц вписано в историю космонавтики. Каждый новый эксперимент — важный шаг в освоении космического пространства.

Дарование балерины

О. САХАРОВА

Кажется, что в сложном балетном искусстве для Раисы Стручковой нет невозможного. Профессионалы говорят, что в балете она знает и умеет все, и даже больше. Прекрасные природные данные Стручковой — чистота линий, редкая пластичность, необычайная работоспособность — дали ей возможность в совершенстве овладеть балетной техникой. Движения классического танца выполнены ею всегда безукоризненно. Но не техническое мастерство вызывает бурю аплодисментов на сегодняшних спектаклях: «Жизель», «Дон-Кихот», «Спящая красавица»,—где она танцует главные партии. Главное, что испокон веков отличало русскую балерину и что дорого зрителю в Стручковой,— это ее огромная эмоциональность, личное обаяние, артистизм, женственность, грация...

Есть балерины «модные», отвечающие «модели завтрашнего дня». Есть и «модели» дня вчерашнего... Раиса Стручкова не подходит ни под одну из этих категорий. Понятие «мода» к ней неприменимо, как неприменимо оно к понятию «красота». Творчество актрисы необычайно своеобразно и оригинально, а в то же время в сущности своей очень просто. И как раз потому, что в основе его лежит именно красота.

В детстве Рая Стручкова была совсем обыкновенной девочкой. Весело бегала она в старых, стоптанных башмаках по двору с ребятами, играла в прятки в темном коридоре, куда выходили все двадцать дверей огромной коммунальной квартиры. Но те же ребята знали, что если из Раиной комнаты слышится музыка, то девочку не оторвешь от радиоприемника никакими затеями. И слушает она музыку как-то особенно: глаза становятся совсем черными, глубокими, губы улыбаются, а сама Рая начинает медленно двигаться по комнате, потом кружится—все быстрее и быстрее,— скользит между стульями, комодом и кроватями, чудом ухитряясь ни за что не зацепиться...

Страсть маленькой Раи к танцу была так сильна и заметна, что не могла не обратить на себя внимания окружающих. И Раю заметили. На смотре художественной самодеятельности московских школ грациозная девочка сразу выделилась из общего роя «цветов» и «бабочек». Родителям порекомендовали отдать дочь в хореографическое училище при Большом театре. Конкурсные экзамены она прошла успешно, и начались долгие годы учения.

Школьные годы... Для Раисы Стручковой они связаны с войной, эвакуацией. И все же Рая стала первой ученицей. Первой помощницей педагогов и воспитателей.

В маленьком волжском городке Васильсурске Рая подружилась с Сашей Лапаури. Правда, они и раньше были неразлучны: сидели за одной партой, всегда танцевали вместе на занятиях по дуэтному танцу. Но все это было детством. А в Васильсурске они поняли, что необходимы друг другу...

В холодной студии Театра имени Станиславского, в военной Москве, они танцевали «Охотника и птицу» на музыку Грига. Танцевали прекрасно. Директор студии с удовольствием приглашал их для участия в концертах. А расплачивался с молодыми артистами не деньгами: понимал, что на те

Народная артистка СССР Раиса Стручкова в роли Золушки в одноименном балете С. Прокофьева. Постановка Р. Захарова.

Фото Е. Умнова.

100 рублей, которые им причитались за концерт, вряд ли сумеют они что-нибудь купить. Расплачивались хлебом. И сколько радости было, когда буханку, заработанную вместе, они приносили в семью. Потом восемнадцатилетние молодожены обзавелись сковородкой, столь необходимой для хозяйства и столь же дефицитной в то время!..

Сегодня они вообще не могут вспомнить ни одного хоть сколько-нибудь важного момента в их жизни, когда они были бы врозь: всюду они были вместе. Так, наверное, бывает у всех счастливых супружеских пар. Но Раису Стручкову и Александра Лапаури объединяет не только домашний очаг: их объединяют общие творческие идеалы, единые жизненные взгляды и цели.

Это было совсем недавно. Стручкова и Лапаури вместе с группой артистов советского балета глубокой осенью 1968 года гастролировали во Франции. Поездка была сложная. После спектаклей отдыхать приходилось порой не в отеле, а в автобусе, где невозможно было даже вытянуть как следует ноющие ноги. Но трудность заключалась даже не в этом. Международная обстановка была тревожной, напряженной. В Безансоне местная полиция предупредила артистов: «В город приехали «коричневые» молодчики. Они из ФРГ, но мы не имеем права их выдворить отсюда. Мы можем только предупредить вас: они собираются сорвать ваш спектакль».

И вот вечер... Перед самым открытием занавеса еще одна неожиданность: «Мадам Стручкова, и вы, мсье Лапаури! Мы обращаемся к вам, как к руководителям труппы. У нас существует такая традиция: артисты сразу после спектакля остаются на сцене, чтобы ответить на вопросы зрителей. Понимаете, небольшая пресс-конференция. Мы надеемся, что вы не нарушите этот обычай».

«Да, да, конечно, с удовольствием, мсье директор». А кругом взволнованные лица товарищей: «Раиса Степановна, Александр Александрович, а если здесь те, «коричневые»?»

«Не волнуйтесь, все будет в порядке. Разогревайтесь, сейчас начнем...»

Надолго запомнился тот вечер в Безансоне. В первом отделении Раиса Стручкова и Борис Хохлов танцуют па-де-де из балета Прокофьева «Золушка». У Раисы Стручковой Золушка — одна из самых любимых ее ролей. Сейчас нельзя думать ни о чем другом, только о том, что ты прекрасна и любима. И все же где-то рядом живет еще другая мысль: «Коричневые»? Мы им покажем, что умеют русские!..»

Знакомая мелодия вступления... Выход... Актриса не думает о том, что вот сейчас будут сложнейшие поддержки, потом еще более трудные пируэты по кругу... Она танцует счастье прелестной Золушки, нашедшей свою любовь, поверившей в радость жизни. Она улыбается. И это не судорожная улыбка, за которой скрывается страх перед трудным движением, это улыбка упоения танцем, радостью своей героини. И вдруг — «Боже мой! Откуда это?..» — острая боль... На полу гвоздь. Острие проткнуло туфлю и вонзилось в ногу.

На секунду улыбка исчезла с лица балерины; партнер как-то странно отшатнулся в сторону, или нет, это сама она покачнулась... Боль. Страшная боль... Впрочем, секундную паузу эту не заметил даже дирижер, он не сделал паузы, не замедлил темпа. «Еще, еще, сейчас все!» И скорей за кулисы, пока аплодирует публика. «Значит, не заметили! Хорошо. Скорей вынуть этот злосчастный гвоздь...» И снова на сцену. Вариация, минутный отдых, пока танцует Принц, и опять выход...

Стручкова плывет в захватывающих дыхание бросках... Последняя поддержка. И зал взрывается: «Браво! Браво-о!» А она сразу — за кулисы, опять туда, хоть на минуту. Ведь еще пресс-конференция!.. Скорей, скорей снять туфлю. «Господи, крови-то сколько! Надо чем-нибудь забинтовать».

— Раиса Степановна, вас вызывают!

— Да, да, бегу!

— Что с вами?

— Гвоздь...

— И так вы танцевали, вот сейчас?

— А что же было делать?

Никто из сидящих в зале так и не узнал, пришли ли на спектакль молодчики, о которых предупреждала полиция. Если они и были, то, верно, поняли, что лучше не соваться. А потом началась пресс-конференция. Вопросы, вопросы...

— Какие новые балеты ставят в Москве? Кого из французских знаменитостей более других любят русские? Понравился ли гостям Безансон?..

В самом конце какой-то юноша сказал актерам: «Спасибо! Мы никогда не забудем этого вечера». Зал поддержал его аплодисментами.

На следующее утро мальчишки-газетчики, подпрыгивая, чтобы согреться,— на Францию нагрянули морозы, каких здесь давно не знавали,— выкрикивали: «В Безансоне оттепель! Гастроли русского балета! В Безансоне оттепель!..»

Стручкова — ученица Елизаветы Павловны Гердт. Это имя знают все, кому дорог русский балет. Воспитанница знаменитых мастеров классического танца М. Фокина, Э. Чеккети, П. Гердта, она вместе с А. Павловой, О. Спесивцевой, Е. Гельцер создавала фундамент славы русского балета. Очевидцы выступлений Гердт говорят, что все ее героини были необычайно красивы — и не только внешней чистотой линий, но и внутренней красотой чувств.

Уйдя со сцены, Елизавета Павловна Гердт, к счастью для целого поколения советских артистов балета, не ушла из театра. Творческий ее талант раскрылся другой своей гранью — даром педагога.

В маленькой, хрупкой Рае Стручковой Елизавета Павловна увидела бесценное качество будущей балерины — одухотворенность, стремление прочувствовать, а не просто воспроизвести заданное движение. Елизавета Павловна вспоминает, что Раины подруги тоже делали все старательно и правильно, но... формально. Рая же каждую позу пропитывала какой-то одной, только ей ведомой мыслью, смыслом. Ее глаза сияли и как бы просили еще и еще упражнений.

Дебютом Стручковой была Лиза в балете «Тщетная предосторожность». Ее Лиза — лукавая крестьянская девушка — перехитрила и суровую тетку и глупого богатого жениха, сумев добиться счастья с любимым.

Это был первый большой успех. Сразу и безоговорочно Раиса Стручкова утвердила свое редкостное дарование: свое право понимать, вернее, чувствовать образ. Право танцевать, именно **чувствованию** подчиняя технику классического танца.

Потом были другие роли. Десятки ролей: поэтическая, любящая Жизель, веселая, остроумная Китри в «Дон-Кихоте», целомудренная, трагическая Мария в «Бахчисарайском фонтане», трогательная Золушка, царственная Аврора в «Спящей красавице»... Каждый раз перед зрителем была балерина новая, неповторимая... Был новый характер, новое перевоплощение, новый комплекс чувств и переживаний.

Раиса Стручкова училась, жадно впитывая в себя лучшие черты советской балетной школы. Партнерами Стручковой были замечательные советские танцоры: Асаф Мессерер, Алексей Ермолаев, Владимир Преображенский; рядом с ней танцевала великая Галина Уланова, ярко блистал талант Ольги Лепешинской... Но она никого не копирует. Она самобытна. Воздушные прыжки Стручковой точны, легки; сияющие глаза, трепетные движения... И каждая новая танцевальная партия Раисы Стручковой — это неразрывное слияние замечательной балерины и талантливой драматической актрисы. Наверное, поэтому каждая героиня Стручковой — это прежде всего цельный образ, ярко очерченный характер.

Редкие для балерины творческие черты были сразу же отмечены окружающими. Стручковой говорили: «Вы могли бы быть великолепной драматической актрисой!» И, наверное, это правда! К счастью, так не случилось. К счастью потому, что сегодня Раиса Стручкова как никто другой умеет выразить в танце глубокую мысль, яркие эмоции.

В оценке бесценного дарования балерины удивительное единодушие проявили зрители. Речь идет не только о советской зрительской аудитории, но и о зарубежных поклонниках ее таланта. «Стручкова обладает таким обаянием на сцене и в жизни, что это невозможно описать»,— отмечала Джейн Кинг, видный английский критик. «В исполнении Стручковой,— утверждает английский писатель Джеймс Олдридж,— есть та верная, глубоко эмоциональная сложность, которая необходима актрисе...» «Такой Жизели, какова она в исполнении Стручковой, мы еще не видели. Она является первой фигурой классического балета мира»,— с восторгом писала газета «Мехико де ла культура». Финские газеты называют ее «любимицей Хельсинки». Ирландские критики считают Стручкову «самой прекрасной балериной мира на современной сцене».

Стручковой восхищаются, ей аплодируют, ее по-человечески любят люди с хорошим, честным сердцем. Любят за скромность и отзывчивость, за душевную доброту и принципиальность, за юмор и высокий интеллект. «Теплота — такое качество,— писала о балерине Джанет Синклер,— которое невозможно симулировать, его нужно иметь в себе. И теплота — то качество, которое Стручкова как бы излучает на зрителя во время своих спектаклей. Она любит людей».

В Англии до сих пор, как пишет та же Джанет Синклер, вспоминают такой случай. Сцена была буквально засыпана цветами во время последнего выступления Раисы Стручковой в Ноттингеме. Когда спектакль кончился и артисты ушли за кулисы, один из рабочих сцены сказал переводчику: «Эти цветы я положу на могилу моей матери. Это первое, что я сделаю завтра утром».

Танцовщики разошлись, замечание рабочего, казалось, тут же всеми было забыто. Но тут на сцену вновь вышла Раиса Стручкова с огромным букетом роз и передала цветы оторопевшему рабочему...

Друзья говорят о ней: «Все, что Рая делает, это так естественно».

Возможно, это и есть лучшая характеристика Раисы Стручковой.

Рисковать? Да!

Медицина, в частности хирургия, не только наука, но и искусство. Ибо сложную жизнь человеческого организма далеко не всегда можно уложить в точные формулы расчетов. И хотя на помощь врачу идут рентген, лабораторные анализы, умнейшие приборы, отличный инструментарий, все равно степень риска остается. Душевное состояние больного, его настрой, готовность к борьбе с недугом трудно определяются, нелегко поддаются строгому учету. Нужны также и творческий настрой хирурга, его искусство понять больного, его умение присоединить к расчету свое воодушевление, а подчас и озарение новой мыслью. Рисковать надо, а ошибаться нельзя, ибо даже небольшая ошибка может повлечь гибель больного.

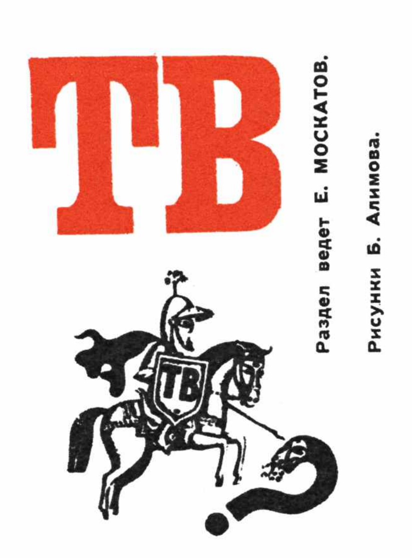
Этой теме и посвящен кинофильм «Степень риска» по мотивам известной повести хирурга-новатора Николая Амосова (студия «Ленфильм». Режиссер-постановщик и сценарист И. Авербах).

Великолепен в роли хирурга Борис Ливанов. Школа великого Художественного театра дает себя знать в каждом жесте актера, в его мимике, в мастерстве, с которым он раскрывает и передает душевный мир врача, борющегося за жизнь; его волнение и сдержанность, его кажущееся спокойствие, соединенное с внутренней, где-то притаившейся тревогой. Мысль: «Я врач и не имею права ошибаться» — пронизывает его действия. И при этом — риск. Ибо операция предстоит сложнейшая, принципиально новая. Риск, а следовательно, смелость и двойная ответственность!..

Между тяжелым сердечным больным Александром Кирилловым, которого играет И. Смоктуновский, и его другом, хирургом Седовым, он герой Ливанова, еще до операции происходят споры о медицине. «Одна вычислительная машина дает вашей медицине больше, чем опыт и интуиция тысячи хирургов»,— утверждает Кириллов. Спор решается на операционном столе. Искусство хирурга возвращает Кириллова к жизни.

Нет, медицина — прекраснейшая из наук и прекраснейшее из искусств! Работа врача всегда рядом с подвигом. Уходя из кинозала после просмотра картины «Степень риска», долго размышляешь над этим.

Ник. КРУЖКОВ

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.

Рисунки Б. Алимова.

Турнир-викторина

Завершен очередной этап нашей научно-технической викторины — встреча команд двух известных коллективов: **свердловского Уралмашзавода и бакинских Нефтяных Камней.**

Обе команды задали друг другу по шесть вопросов и подготовили специальные задания для читателей (см. «Огонек» № 48, 1968 г.). Читатели должны были ответить на эти задания и оценить по 5-балльной системе качество вопросов, которыми обменялись команды.

Приводим лучшие ответы на вопросы, итоговые оценки встречи, а также имена читателей-победителей.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ УРАЛМАШЕВЦЕВ

1. Команда свердловчан просила указать, **какую емкость имеют изделия завода, изображенные на трех фотографиях.**

Нефтяники разгадали скрытый подвох во второй фотографии и точно определили емкость изображенной хлебницы: один стандартный батон. На другом снимке представлен ковш шагающего экскаватора в 25 м³, на третьем — 5-кубовый ковш.

За правильный ответ команда получила **5 баллов.**

2. Уральцы интересовались, **что известно команде нефтяников о новом методе, недавно разработанном свердловскими учеными.**

Команда Нефтяных Камней на этот вопрос ответила правильно **(5 баллов).**

За разработку и внедрение в производство новой технологии изготовления стержней и форм из жидких самотвердеющих смесей группа ученых и инженеров под руководством доктора технических наук А. М. Лясса была удостоена Ленинской премии.

3. На вопрос: **какая всем известная конструкция помогла инженерам в создании шагающего экскаватора** — нефтяники не дали полного ответа **(4 балла).** Правильный ответ: мачта корабля и ее ванты.

4. **Что общего между жидкой сталью и шампанским?** Вот ответ: «Сталь и шампанское после готовности разливают в формы (ковши и бокалы). Оба продукта при этом обильно выделяют газ (окись углерода) и приносят пользу: шампанское бодрит и веселит человека, сталь придает крепость организму государства» **(5 баллов).**

5. Свердловчане спрашивали: **когда, где и за создание какого именно произведения уральцам была присуждена золотая медаль на международной выставке?** В своем ответе нефтяники справедливо отметили, что однозначного ответа на этот вопрос не может быть, так как немало шедевров, созданных уральцами, удостоено высоких наград. Бакинцы выбрали карту Советского Союза, выполненную из уральских самоцветов. В 1937 году на Международной выставке в Париже она получила золотую медаль «Гран при» **(5 баллов).** Правда, свердловчане имели в виду работу каслинских литейщиков «Чугунный павильон», которая также в Париже, но в 1900 году, была впервые удостоена высшей награды «Гран при».

6. В задаче-шутке уральмашевцы просили придумать агрегат, являющийся одновременно: а) почти вечным двигателем; б) устройством, регулирующим интенсивность светового потока; в) автоматом, определяющим направление движения жидкости в непрозрачном трубопроводе.

Команда Нефтяных Камней отвечает:

Неужели уральцы не знают, что такой агрегат существует с середины XVIII века, то есть с тех пор, как был получен осветительный керосин и появилась первая керосиновая лампа? В самом деле: а) если над стеклом лампы установить аэродинамическую вертушку, то при существующих запасах жидкого топлива в СССР она будет вращаться практически вечно; б) световой поток регулируется простым перемещением фитиля; в) еще более просто определяется направление движения керосина по «фитилепроводу»: всегда из емкости к язычку пламени. Более подробную техническую документацию на агрегат можем выслать наложенным платежом. **(5 баллов).**

Задание уральцев читателям «Огонька»

1. На фотографии был изображен ТАНК, СТОЯЩИЙ НА ГЛЫБЕ ГРАНИТА. Свердловчане спрашивали: ГДЕ, КОМУ И КОГДА БЫЛ ПОСТАВЛЕН ЭТОТ ПАМЯТНИК?

Его изготовили в 1946 году в честь Уральского танкового корпуса, который штурмовал Берлин и освобождал Прагу. Памятник установлен у главного входа на Уралмашзавод.

2. Уралмашевцы интересовались, ИЗВЕСТНО ЛИ читателям ИМЯ ЛИТЕРАТОРА, НАПИСАВШЕГО ЭТЮДЫ ОБ ОДНОМ ИЗ ЛУЧШИХ ПОЭТОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И СОЗДАВШЕГО ПРЕКРАСНЫЙ ОЧЕРК О СВЕРДЛОВСКЕ.

«Этюды о Низами» и очерк «Город легкого дыхания» написаны Мариэттой Шагинян.

3. Мортиры и гаубицы, изготовленные на Урале, были доставлены в город-крепость Кизляр в 1748 году для укрепления южных рубежей России.

4. Какая известная азербайджанская артистка начинала свою творческую деятельность в Свердловске? Это народная артистка Азербайджанской ССР Фатьма Мухтарова.

5. На фотографии был изображен один из образцов продукции Уралмашзавода. Он же — и первый приз победителю в этом задании.

Внешне уральский сувенир похож на чемодан в чехле. На самом деле это туристский мебельный комплект: столик и четыре складных стульчика.

Задание нефтяников читателям «Огонька»

1. На Нефтяных Камнях из всех видов транспорта особой популярностью пользуются киржимы. Что это такое?

Киржим — несамоходная двухкорпусная баржа (катамаран).

2. Для чего внутрь нефтяного пласта закачивают воду?

Это делается для поддержания пластового давления. Такой метод позволяет полнее использовать месторождение, получить максимальное количество нефти.

3. В конце прошлого года на Нефтяных Камнях был установлен новый мировой рекорд бурения. Что это за рекорд и чем он примечателен?

Мировой рекорд наклонного бурения был установлен на скважине 1531. При глубине скважины в 3 183 метра отклонение от вертикали составило около двух километров!

4. Нефтяники спрашивали: что такое грифон?

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ НЕФТЯНИКОВ

1. **Почему нефть называется нефтью?**

Ответ уральцев таков: исходным для образования слова «нефть» было мидийское слово «нафата», которое вошло в персидский язык и постепенно трансформировалось в «нефть». В таком виде это слово вошло издавна и в русский язык **(5 баллов)**.

2. Бакинцев интересовало, знают ли уралмашевцы об оригинальной работе своих земляков в области дирижаблестроения и за что именно ученые получили авторское свидетельство.

Свердловчане разыскали изобретателей: двух уральцев и одного москвича, которые разработали новый способ передвижения дирижабля по вертикали, изменяя объем мягкой оболочки с газом (безбалластный дирижабль). За свой ответ команда Уралмашзавода получила **5 баллов**.

3. Деревянное покрытие дорог на Нефтяных Камнях быстро изнашивалось. И главными разрушителями были тракторы. **Какой способ придумали нефтяники**, при помощи которого тракторы стали ходить легко и бесшумно?

Оказалось, что уралмашевцы уже знают о нем. Вот их ответ:

По-видимому, популярность капитана бакинской команды КВН Ю. Гусмана навела нефтяников на мысль об использовании гусматики (литой резины) в виде «башмаков» на траках гусениц **(5 баллов)**.

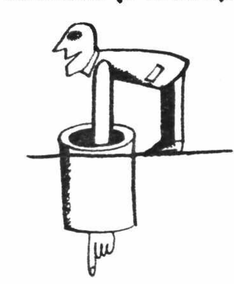

4. Большинство знает значение слов: шахтный ствол, шахтная проходка. Однако бакинцев интересовало другое: **что такое шахтовое направление?**

Вот как ответили уральцы:

Многие слова и выражения не однозначны. Например, «козел» — это и обидный остаток застывшего металла в плавильной печи, и безобидное, но полезное животное, и малоинтеллектуальная, не очень полезная игра в домино...

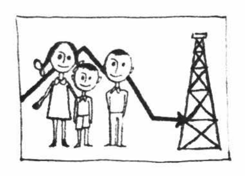
Так же не однозначно и выражение «шахтовое направление». В горнорудной промышленности, например, этими словами обозначают добычу ископаемых с помощью системы шахт и т. п. При бурении скважин на нефть или газ эти слова следует понимать как устройство, состоящее из трубы, зацементированной в грунт вокруг устья скважины **(5 баллов)**.

5. На фотографии был изображен современный буровой насос У8-4 производства Уралмашзавода. Однако трубные компенсаторы устаревшей конструкции были местного — бакинского — происхождения. **Как мог возникнуть подобный симбиоз?** — спросили нефтяники свердловчан.

На этот вопрос уралмашевцы ответили так. О подобных синтезах и симбиозах говорил еще Козьма Прутков: «И при железных дорогах лучше сохранять двуколку».

Появление же такого вынужденного гибрида на Нефтяных Камнях объясняется низким качеством резиновых баллонов, которые Уралмашзавод получает с завода резино-технических изделий. Вот адрес этого завода: Баку, завод РТИ, директор С. К. Курбанов **(5 баллов)**.

6. Азербайджан славится не только нефтью и мировыми рекордами в бурении скважин. Есть и другие (весьма своеобразные!) рекорды. В республике имеется такое место, где зарегистрирована самая низкая рождаемость.

Нефтяники задали вопрос: **в каком районе Азербайджана находится это место, как оно называется и какова численность его населения?**

Ответ свердловчан был верным **(5 баллов)**. Место это находится в Артемовском районе города Баку и называется Нефтяными Камнями. Вопреки благоприятным климатическим условиям и достаточному числу жителей (около 3 700 человек) там за последние десять лет родилось всего трое: два мальчика и одна девочка.

ИТОГИ ДУЭЛИ КОМАНД

Команда Уралмашзавода завоевала 94,91 очка. Из них—33 очка—оценка вопросов **жюри, 31,91** — оценка вопросов **читателями** и **30 баллов — за ответы.**

У команды Нефтяных Камней — 92,27 очка: **32 очка — оценка жюри** за вопросы; **31,27 — оценка читателей; 29 баллов — за ответы.**

Таким образом, 2-й тур **«ТВ — «Огонек» выиграла команда Уралмашзавода.** Имена победителей: И. М. Попов (капитан команды), Д. М. Шулин, И. П. Ренжин, Ю. М. Мартынов, Г. К. Флешгауэр, Н. В. Быков.

В заключительном, 3-м, туре «ТВ — «Огонек» победители этого тура встретятся с командой Кировского завода (Ленинград).

Среди читателей победителем 2-го тура викторины оказался **Л. В. Савченко из Конотопа, Сумской области.**

Он был единственным, чья оценка вопросов команд приблизилась к оценке жюри (31 балл — команде Уралмашзавода, 30 — команде Нефтяных Камней).

Грифон — грозное явление природы: нефть, газ или грязь под большим давлением вырывается через тектонические трещины на поверхность, разрушая все вокруг.

Грифон может появиться и при нарушении режима бурения.

5. В 1967 году была опубликована книга известного советского писателя. Действие романа происходит на Нефтяных Камнях. Кто автор романа и как называется это произведение?

Роман «Блики на море» написал О. Мальцев.

* * *

Наибольшее количество очков по заданиям команд УРАЛМАШЗАВОДА и НЕФТЯНЫХ КАМНЕЙ (по 25 очков из 25 возможных) снова набрал Н. В. КВАСОВ из Ленинграда. Он завоевал первые призы обеих команд.

Второй приз команды Нефтяных Камней присужден Ю. И. ТИМОФЕЕВУ из города Павлово-Посада, Московской области. Третий приз — И. К. ТАРИКУЛИЕВУ из Баку.

К сожалению, второй и третий призы команды Уралмашзавода решено не разыгрывать, так как все, претендующие получить их, отстали от лидера соревнования более чем на 10 очков.

Призы победителям

Недавно в Ленинграде команда Кировского завода — победительница 1-го тура нашей викторины — вручала призы читателям журнала «Огонек», занявшим первые три места в их конкурсе.

Перед вами дважды лауреат ленинградец Н. В. Квасов (он занял первое место и в конкурсе рижского завода ВЭФ). Н. В. Квасов получил первый приз — набор всевозможных профилей проката производства Кировского завода и книгу «История Кировского завода».

На фотографии вы видите второй приз — искусно сделанный бронзовый шар с заключенными в нем тремя двенадцатигранниками; внутри последнего из них укреплена звездочка. Третий приз кировцев — уменьшенная копия знаменитого ленинградского сфинкса.

Редакция еще раз поздравляет Н. В. Квасова. Ведь он своей победой во 2-м туре викторины сделал серьезную заявку на титул чемпиона «ТВ — «Огонек».

В поезде — много молодежи.

В Государственном Комитете Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов я беседую с И. Е. Быковым. На столе заместителя председателя — сводка, строки которой заполнены номерами железнодорожных маршрутов, названиями мест, где в эти весенние дни ждут новоселов.

— Ежегодно весной,— говорит И. Е. Быков,— из центра России, из украинских, белорусских городов и сел уходят в дальние края эшелоны с людьми, которые решили переселиться в новые для них места — в разные районы страны. Но особо велика тяга на Дальний Восток, в Амурскую область, Хабаровский, Приморский края... Уже отбыли эшелоны с новоселами из Ставрополья, Воронежской, Ивановской, Горьковской областей.

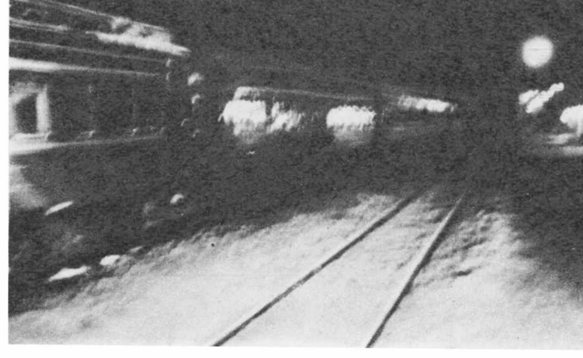
Иван Емельянович советует: «Поезжайте на Рязанщину. Увидите, как провожают поезда».

К. КОСТИН

Фото А. ГОСТЕВА.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ВОСТОК

Стоит этот состав на виду всей станции, на одном из самых удобных путей. Поезд собирается на Дальний Восток. Его формируют в старинном русском городке — в Сасове. Это на Рязанщине. Состав, в общем-то, собран, но, так как идет он вне обычного расписания, решили подождать, пока прибудут машины из дальнего района. Ночью обрушилась метель, дорогу засыпало основательно, пробиться не так-то просто.

— Приедут.— Заведующий сектором Рязанского областного отдела по использованию трудовых ресурсов Иван Иванович Кондрашин уверен в этом.— Народ подобрался серьезный. Раз решили ехать за несколько тысяч километров, то первые тридцать преодолеют. Охотников поехать на Дальний Восток в нынешнем году немало. Отбирали самых достойных.

Не впервые едут на Дальний Восток рязанцы. Немало их земляков уже накрепко осело на землях амурских, приморских. Шлют оттуда письма родным, друзьям. Зовут, приглашают, рассказывают о красоте природы и радушии, истинно русском гостеприимстве дальневосточников.

Рязанцам полюбились сибирские и дальневосточные земли. За последние десять лет из Рязанской области в Оренбуржье, Приморье, в Хабаровский край приехали тысячи семей. На приморской земле появились целые районы, названий которых, кажется, нет еще и на карте.

Дорога сегодняшних пассажиров — в Приморье. Пятьдесят механизаторов, трактористов и комбайнеров, двадцать животноводов. Еще тридцать пять человек — со строительными специальностями. Есть токари, слесари, электрики.

Иван Иванович в шутку говорит:

— Останови поезд на пустыре, дай этим людям инструмент — и вырастет поселок. И пойдет о его жителях слава по земле как о мастерах на все руки: и столярить, и по механической части, и хлеб вырастить и собрать, и на баяне сыграть.

Мы заглянули в один из вагонов. Здесь все больше молодежь. Знакомимся. Четыре брата Семины с матерью, электросварщик Олег Понкрашин — сравнительно недавно из Ташкента вернулся, восстанавливал город. Шумная, дружная компания.

Любопытную историю рассказывает нам Тамара Полегенько:

— Я раньше работала на этой же дороге проводником. И не раз новоселов провожала в дальний путь. Дорога длинная. За десять дней наслушаешься всяких рассказов про Дальний Восток. Расхваливали так, что и меня потянуло туда. Стала мужа уговаривать. И вот едем. Вместе с сыном Сережею...

«Жители» двух других вагонов, по-хозяйски обосновавшиеся в его светлых купе, направляются в Иманский район, в Ореховский мясо-молочный совхоз. Им уже известно: совхоз километрах в восьмидесяти от Имана, к нему ведут и шоссе и железная дорога. Хозяйство — около пятнадцати тысяч гектаров. Одной только пашни три тысячи. Есть где руки свои приложить хлеборобам да животноводам.

...Состав необычен. В голове поезда — несколько багажных вагонов. Рязанцы едут со всем своим скарбом. Везут мебельные гарнитуры, телевизоры, холодильники, радиоприемники, все такое, без чего и дом не дом. Даже кочергу кто-то прихватил. А что? Почему не взять?..

Владимир Яковлевич Кутявин — плотник первой руки. И в багажном вагоне не одна тонна его груза. Нашлось тут место и доброй плотницкой пиле и привыкшему к руке топору.

— Не на день еду. Навсегда,— говорит он.— Люблю плотницкое дело. И башню восьмиугольную выложу и дом соберу — десятки лет простоит. Как думаете, нужны плотники на Дальнем Востоке? Вот и я полагаю, нужны... С кем еду? Жена, Мария. Доярка. Трое детей. Знаю ли, куда еду? Как вам сказать? В общем, можно сказать, знаю: на русские земли. А в точности описать наш совхоз или какой другой ближний не взялся бы: надо прежде своими глазами посмотреть. Но письма оттуда читал. Вот письмо от Степана Яковлевича Ховрачева. Мужик дельный и обстоятельный. Работает в совхозе «Маяк» плотником. «Вдвоем с сыном,— пишет Ховрачев,— зарабатываем 320—360 рублей ежемесячно. Заканчиваем постройку своего дома. 56 квадратных метров, приусадебный участок, сад 50 корней: яблоки, груши и сливы. Природа очень хорошая, растет здесь все... Я очень доволен... Здесь имеется река, а в ней много рыбы».

— Не сейчас меня потянуло в те края,— продолжает Кутявин.— Да вот только в этом году удалось собраться. С большой охотой еду...

Вместе с Кутявиным едут и соседи. Это Павел Гаврилович Архиреев — тракторист да и в плотницком деле тоже мастак; Анатолий Алексеевич Юрковец — классный электрик. Довелось ему поработать на строительстве линии Абакан — Тайшет. Потом переехал на Рязанщину, тут женился. У Анатолия родственники живут близ Владивостока, давно уже там. Так что край этот для него близок. Едет с ним жена, Валентина Ивановна, и трехлетняя Светлана.

— Куда едешь? — спрашиваю девочку.

— К себе домой...

Домой! Валерий Дмитриевич Зубков, совсем еще молодой человек, двадцать два года, из армии недавно демобилизовался, тоже отправляется к себе домой, в Пожарский район. Недавно его приняли кандидатом в члены КПСС. Валерий едет с женой и с сыном Олегом. Вместе с ним и друг его — Николай Федорович Смирнов, тоже механизатор.

Еще одна встреча, еще один разговор. Анатолий Павлович Николаев. Сравнительно недавно демобилизовался из армии. Плотник, автослесарь. Остался было после армии на Дальнем Востоке, плавал в Охотском море. Потом приехал на Рязанщину, в Спасский район. А в Приморье все же тянет. Сборы были короткие: долго ли собраться недавнему солдату!

Поезд идет на восток... Едут новоселы, которые через год-другой уже на правах старожилов будут, может, писать на Рязанщину так же, как написал недавно Василий Федорович Назарчук: «В совхоз «Пожарский» мы приехали в апреле 1968 года. Встретили нас очень хорошо, предоставили квартиру. Работаю трактористом. Жена — дояркой. Село очень красивое. Есть Дом культуры, средняя школа, комбинат бытового обслуживания, больница, магазины, столовая и так далее».

...Поезд идет на Дальний Восток. Едут в нем те, кому жить и работать на дальневосточных землях России, в местах дальних, но нашенских.

П. Кончаловский. ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА С. ПРОКОФЬЕВА.

П. Кончаловский. НАТЮРМОРТ. КРАСНЫЙ ПОДНОС И РЯБИНА.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«РАЗДВОЕНИЕ МИРА»

Николай **УТЕХИН**

Должен сознаться, что первым моим чувством после прочтения повести Д. Гранина «Наш комбат» (журнал «Север» № 4 за 1968 г.) и заметок писателя «Два лика» (журнал «Новый мир» № 3 за 1968 г.) было чувство растерянности. «Что это?» — подумал я. Зачем «пороком и сомненьем омрачена святыня, красота»? Зачем писатель так сомнительно и дерзко смешал привычные и ясные нам понятия, нарушив связь их и смысл? Зачем он выдает издержки фантазии за мысль, субъективистские откровения — за истину, факты и образы, необдуманные и едва связанные полунамеками,— за искусство?

Это тем более озадачивает, потому что творчество Даниила Гранина, особенно его романы «Искатели» и «Иду на грозу», отличается ясностью авторской позиции и литературной объективностью.

Автор «заметок...» ни на что, в общем-то, и не претендовал. «...я не историк и не литературовед»,— прочитал я его признание. И это действительно так. Иначе и Д. Гранин и его читатели знали бы, что в поэме Пушкина не Евгений напугал Медного всадника, а наоборот, что в России не всегда выигрывают Хвостовы, что города в России складывались не по тому порядку, о котором говорит Д. Гранин, что великие русские писатели и философы не были «лишними людьми», «чуждыми обществу тридцатых—сороковых годов», что никакой «смутный шум тревоги» не «гнал этих безумцев все дальше» от народа и не «порывал скрепы, связывающие с понятиями родины», и т. д. и т. д.

Сложнее было с повестью «Наш комбат». Тщетно ломал я голову, пытаясь догадаться, каким чувством была вызвана она на свет, с какой целью возводил Д. Гранин это зыбкое, полное намеков творение. Уязвлял ли он кого, или кого-то обвинял, или, быть может, предостерегал кого-то? Или хотел удивить?

Вскоре я прочитал в журнале «Дон» (№ 10 за 1968 г.) статью П. Строкова. Выражаясь языком Д. Гранина, «тайный смысл, внутренние, скрытые законы, связи, которые, цепляясь друг за друга, изгибались отнюдь не по прямой», вновь привели меня к «заметкам писателя» и повести «Наш комбат».

Некоторая резкость статьи П. Строкова, сознаюсь, сначала озадачила меня. Как, подумалось мне, можно обвинять человека, с трудом ориентирующегося в сложных хитросплетениях российской истории; человека, который, по его собственным словам, больше чувствует, чем понимает, в создании целой концепции, да еще в идейном отношении четко выдержанной. Но вскоре аргументированные доводы критика вконец разрушили мое убеждение, что незнание истории может быть помехой в создании исторической концепции.

Неглубокие и кокетливые мысли Д. Гранина уже не казались мне такими безобидными, а обвинения П. Строковым автора «заметок...» в антиисторизме, в «бесклассовом, абстрактном понимании гуманизма» — слишком суровыми. Я решился еще раз прочесть «заметки...» и обнаружил, что рассуждения Д. Гранина действительно складываются в странную концепцию. Постепенно стал проясняться для меня небезобидный смысл его рассуждений, непритязательных на вид сравнений («история — это не тетива, натянутая между двумя точками»), образов «расщепленной» Невы, «расщепленного» Петербурга, «расщепленного» «Медного всадника», просто философических мыслей («прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками»)...

Основная, ведущая проблема «заметок...» — проблема «личность и общество», «личность и государство», и именно она, а не Пушкин интересует автора. Проблема острая и современная. Естественно предположить, что читателями «заметок...» будет та категория людей, которая живо интересуется острыми социальными и философскими проблемами века, людей политически активных. Такого рода читатель знает, что автор любого исторического романа или исследования так или иначе постарается придать современное звучание поставленным в произведении проблемам, и, естественно, решение их он воспринимает как решение современное.

Подтекст «заметок...» был легко читаем, как справедливо заметил П. Строков, и вот что мне удалось из них познать:

Во-первых, не существует объективных критериев для оценки литературных произведений, потому что для объяснения их «все формулы годятся», и как их ни толкуй, все будет правильным.

Во-вторых, государство всегда должно рассматриваться как орудие подавления личности, независимо от формы и времени его существования: оно всегда страдает манией «видеть во всем покушение на основы и немедленно пускать в ход всю государственную машину» против личности.

В-третьих, служение государственной идее — рабство, духовный плен.

В-четвертых, у нас в стране отсутствует свобода слова. «Слóва — вот чего боялись всегда в России». Сказано очень эффектно. Ведь на Западе не устают клеветнически говорить об отсутствии у нас свободы.

В-пятых, Пушкин, Гоголь, Одоевский, Радищев, Чаадаев не имеют никакого отношения к русскому народу и к развитию русской общественной мысли. «Они все безумцы». «Они лишние люди, чуждые обществу тридцатых — сороковых годов».

Теперь, вооружившись подобной исторической концепцией, я вновь перечитал повесть «Наш комбат». Повесть была как дом бабы-яги: без окон, без дверей. Я пробовал читать ее и с начала и с конца, пробовал открывать наугад и уже начал сетовать на автора за чрезмерную неясность и зашифрованность подтекста, но вдруг случайно обратил внимание на одну фразу, зазвучавшую неожиданно для меня: «Машина шла по Московскому проспекту мимо безликих, скучных новых домов с низкими потолками, мимо новых универмагов, тоже одинаковых, с одинаковыми товарами, очередями, духотой, надменными лицами продавщиц...» И тут же: «Нет, машина шла мимо огромных светлых домов, выстроенных на пустырях, где стояли халупы, которые в войну разобрали на дрова; мимо высоких современных витрин, где было все, что угодно, и внутри, в длинных прилавках-холодильниках, было полно колбас, сыров, вин и еще всякой жратвы...» Два этих образа, противоположных и соединенных вместе, явно указывают читателю, испытанному в последнее время на подтекстах, что в повести как бы сосуществуют две точки зрения на происходящие события: одна официозная, плакатная, а значит, лживая, но позволенная, вторая правдивая, проливающая «свет истины», но недозволенная и поэтому вынужденная терпеть соседство догматической схоластики.

Декларируя героизм наших солдат в Великую Отечественную войну и благородную цель объявить наконец миру правду о войне, Д. Гранин на деле развенчивает героизм. Как бы в противовес народной памяти, утверждающей, что «никто не забыт», герой повести не устает говорить о своем безразличии к прошлому, от которого ничего нового... не ждешь.

Смутно помнят боевое прошлое свое и политрук Рязанцев и Володя. Может быть, и действительно не так велик подвиг защитников Ленинграда, подвиг павших за Родину, если о них едва помнят даже люди, сражавшиеся с ними плечом к плечу?! Да и заслуженна ли слава, воздаваемая оставшимся в живых? «Нам цена небольшая»,— говорит о себе и своих товарищах бывший политрук Рязанцев. Но подвиг-то все-таки был? Да, был. «Полтораста доходяг, дистрофиков» — все, что осталось от целого батальона,— удерживали всю зиму позиции на многокилометровом участке фронта. «И выстояли. Всю зиму выстояли!» — патетически восклицает один из героев повести.

Но что же помогло им выстоять? Любовь к Родине? Нет, об этом ни слова не говорится в повести. Вера? Но во что же могли верить солдаты в эпоху деспотизма, как прозрачно намекает Д. Гранин, когда командиры не доверяли своим солдатам («...я не поверил Полесьеву. Думал оправдаться он хочет»,— говорит о погибшем разведчике комбат), когда люди якобы находились в атмосфере подозрительности и доносов, когда боялись «произносить» вслух правду, когда командование не доверяло политрукам, когда бойцов бессмысленно посылали на верную смерть только лишь затем, чтобы отметить знаменательную дату... И это-то все в войну! На переднем крае! Не совестно ли автору утверждать такое?

«Одной веры мало было»,— это понимает и бывший разведчик Володя и, как бы наконец найдя то главное и важное, что и помогло им совладать с врагом, совершить подвиг, восклицает: «Комбат у нас был!» Ну что ж. Может быть, действительно победили мы оттого, что вдохновляли и вели в бой наших солдат опытные, боевые командиры, люди высокой души и сердца. Да, наверное, так и есть. Д. Гранин делает все, чтобы у читателя появилась в этом уверенность, он заставляет героев повести без устали восторгаться комбатом, его боевым умением, военным талантом и делает это для того, чтобы затем безжалостно... разрушить эту уверенность. В конце повести комбат сам сознается, что он виновник многих безвинно погубленных солдатских жизней. Эффект потрясающий, не правда ли? Комбат развенчан. И чувство растерянности, возникшее в читателе, уже не заглушат ни восхваления прошлых заслуг комбата, ни кислый восторг автора перед странным мужеством человека, через четверть века признавшего свою ошибку, ни любование его стоической и гордой позицией.

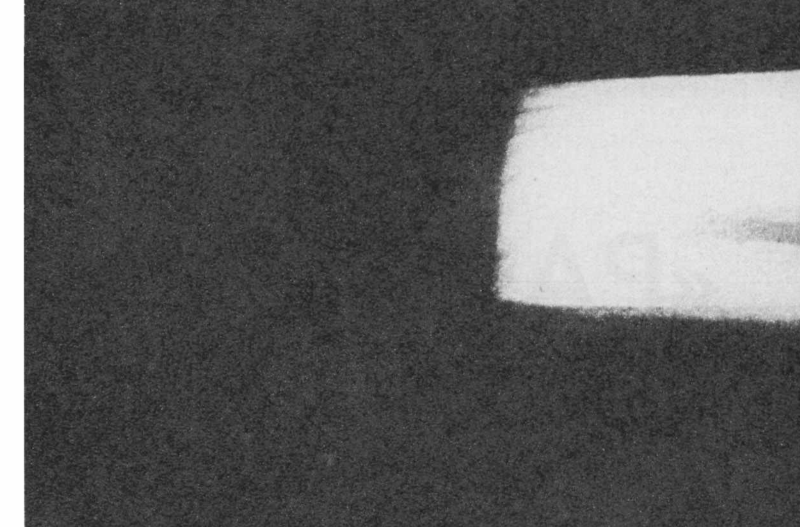
Но что же тогда помогло свершить великий воинский подвиг нашему народу? Чудо? Случайность? Но Д. Гранину и этого мало, он дает понять, что такая случайность и не повторится, потому что все изменилось, потому что в «тех молодых», кто защищал Родину, «ни единой клеточки не осталось прежнего, все давно сменилось... только фамилии остались прежними». Ничего от прежнего не передалось и их детям: дочке героя повести, честно признающейся в своем безразличии к подвигу отца и согласившейся поехать с ним на место прежних боев только для того, чтобы не обидеть его; сыну бывшего политрука Рязанцева, который цинично советует своему больному отцу лечиться голоданием, так как у него в этом «опыт богатый».

Нельзя же логику объективных событий подменять противоречивой логикой Экклезиаста: «время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий; время любить и время ненавидеть».

Я долго думал над тем, зачем же Д. Гранину понадобилось подменить конкретно-исторические критерии в оценке прошлого критериями абстрактно-гуманистическими. Неужели Д. Гранин не знает, что положение «всякое государство есть аппарат насилия» истинно только в диалектическом его понимании, что абсолютизм в эпоху Петра был прогрессивен по отношению к эпохе феодальной раздробленности России, что сословность — шаг вперед по сравнению с первобытным равенством, что государство — форма преходящая, но необходимая до «известного возраста». О какой свободе мечтает Д. Гранин? Неужели он не понимает, что в мире, где существуют враждебные идеологии и силы, не может и речи идти о какой-то абстрактной «свободе» для всех, что выступать сейчас против нашего понимания «свободы» значит выступать за свободу для тех, кто враждебен нам? Неужели Д. Гранин не понимает, что разрывать связи общества с прошлым так же губительно, как лишать корней цветущее дерево?

Ленинград.

На охрану государственной границы.

Ю. СБИТНЕВ, И. ТУНКЕЛЬ, специальные корреспонденты «Огонька».

«Отец солдат» Евгений Иванович Яншин.

Она лежит перед нами — пядь священной родимой земли. С белыми струйками берез над обрывом, со скворечником, сделанным руками нашего парня-пограничника и прибитым на раскидистой ветле подле заставы, подле траншеи, подле двух белых обелисков над еще свежей братской могилой.

Пядь священной родимой земли!.. В небе над нею уже настойчиво и звонко, словно струйки родника, переливаются голоса жаворонков. И вот-вот застучит, заскворчит, защелкает свое весеннее скворец. Прилетит сюда, как прилетал каждую весну, и будут слушать его наши парни, уходя в наряд, на охрану и защиту границы...

Пядь священной родимой земли, с которой начинается и есть Земля Русская. Крохотный изначальный рубеж жизни пятилетней Светы и трехлетнего Игорька Стрельниковых. Героический рубеж, последний шаг, шаг в бессмертие их отца. Подвиг их матери.

Мы проходим в квартиру Стрельниковых, теперь уже навсегда оставленную семьей. У порога, на котором пляшет, стучит, словно бы клювом, мартовская капель, красные, в несколько вершков лыжи, санки, игрушечный, с тремя кубиками в кузове самосвал. На стене детская ванночка, и на завалинке кроватка из тонких железных прутиков. Может быть, мастерил ее сам отец, ожидая на свет сына, а может быть, сладили ее в подарок командиру умелые руки нашего солдата.

Мирная крохотная стопка книг на опустевших полках в комнате, детский рисунок: дерево, солнце в небе, смешной человечек с треугольничком платья ведет за руку другого человечка в коротеньких квадратиках штанишек; гуттаперчевый пучеглазый утенок широко открыл клюв. Незначительные, почти незаметные детали хорошей семейной жизни, доброго житейского круга.

И вот он разорван, этот круг. Разорван нагло, подло, вероломно и безжалостно. Кровоточащей раной на груди бескрайней нашей Родины легла эта пядь священной родимой земли.

От угроз, от частых истерий, которые устраивали ошалевшие хунвэйбины на границе советской земли, от цитатника и сигареты с анашой — к пуле и ножу, направленных в сердце нашего Человека,— позорный путь провокаторов. Они встали на этот путь, забыв, что за спиной сражавшихся на льду Уссури, за спиной Ивана Стрельникова, Демократа Леонова, Коли Петрова, Гриши Каменчука, Володи Данилина, за спиной Игорька и Светы Стрельниковых — великий многомиллионный народ, народ, свято хранящий мир, но и готовый в любую минуту достойно ответить на любые посягательства агрессора.

Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет.

Суровой, сдержанной, внутренне спокойной жизнью живет пядь священной земли. Твердо ступая по ней, проходит на защиту рубежа пограничный наряд. Строго спрашивает с каждого часового Родины боевой командир и добрый отец солдат (его так и зовут в утайку в

Пядь священной земли. Остров Даманский. На этом месте было совершено вероломное нападение на советских пограничников 2 марта 1969 года.

Рубежи Отчизны священны и неприкосновенны.

ПЯДЬ СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛИ

подразделении — «наш Батя»), подполковник Евгений Иванович Яншин. Тихо перебирает струны гитары (таков уж он, наш русский солдат, в радостную и трудную минуту всегда с песней) Виктор Суворов. Воспользовавшись свободным «окном» в телефонной связи, звонит домой, в Иман, молоденький офицер: «В садик ходишь? Маму слушаешь? Не женился там без меня?!» — и тихая улыбка трогает губы офицера...

На заставу пришла почта. Прочитаны письма от родных и близких. Ребята собрались в кружок, кто-то вслух читает «Правду». Молодой, сильный голос суров и мужествен в сторожевой тишине заставы:

«ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ЗАЯВЛЯЛО И СЧИТАЕТ НЕОБХОДИМЫМ ВНОВЬ ЗАЯВИТЬ, ЧТО ОНО РЕШИТЕЛЬНО ОТВЕРГАЕТ ЛЮБЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КОГО БЫ ТО НИ БЫЛО НА СОВЕТСКИЕ ЗЕМЛИ. И ПОПЫТКИ ГОВОРИТЬ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, С СОВЕТСКИМ НАРОДОМ ЯЗЫКОМ ОРУЖИЯ ВСТРЕТЯТ ТВЕРДЫЙ ОТПОР».

Пограничники, как и все советские люди, горячо одобряют Заявление Советского правительства по поводу вооруженных китайских провокаций на реке Уссури.

Неприкосновенна священная родимая земля.

Март. Восточная граница.
Застава Нижняя Михайловка.

РАССЛЕДОВАТЬ — РАССЛЕДОВАВШИЙ ЧТО-ЛИБО. РАССЛЕДОВАТЬ — ИССЛЕДОВАТЬ, РАЗЫСКАТЬ, ОБСЛЕДОВАТЬ, РАЗУЗНАТЬ ХОРОШО, ОБСТОЯТЕЛЬНО, ВЕРНО... РАЗОБРАТЬ СЛЕДЫ ЗВЕРЯ, РАСПУТАТЬ ИХ И ВЫСЛЕДИТЬ ЕГО.

Толковый словарь
живого великорусского языка
Владимира Даля.

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки В. КАРАСЕВА.

1. КРЫМ

Я давно заметил забавную особенность: в какую бы длинную очередь я ни встал, после меня уже никто не становится. Нельзя даже отойти, сказав следующему: «Предупредите, что я здесь стоял». Наверное, это случайность. Вот беда только, что с отпусками у меня всегда получается точно так же. Я подаю заявление последним, и тут начинается всякая чертовщина: кто-то из наших ребят еще не пришел, другой недавно ушел, а третий догуливает за прошлый год. Короче говоря, сейчас уходить нельзя. И пошла волынка — до ноября. Но на сей раз все получилось неправдоподобно просто. Написал рапорт и сразу получил резолюцию: «В приказ, с пятого сентября».

А четвертого утром меня разбудил телефонный звонок. Еще не совсем проснувшись, я мятым голосом отвечал: «Да, да, понял, да, буду, высылайте...» И только положив трубку, сообразил, что завтра должен уезжать в отпуск. Но радиограмма уже пришла...

ЛИСТ ДЕЛА 1.

РАДИОГРАММА

«4 сентября в 8 часов 05 минут жителями поселка Солнечный Гай на тридцать восьмом километре шоссе Ялта — Карадаг в придорожном кустарнике обнаружен труп мужчины с огнестрельными ранениями головы.

До прибытия опергруппы организованы неотложные мероприятия и охрана места происшествия...»

ЛИСТ ДЕЛА 2.

Оперативная машина уже приехала, и шофер сигналил нашим обычным позывным: «Та-та, та-та-та». Я разозлился: чего он там, дурак, разгуделся! Подавать сигналы в городе вообще нельзя. И Наташа замечательно знает этот сигнал «та-та, та-та-та». Он значит — тревога, значит — отпуска не будет.

Я как-то глупо суетился то на кухне, то в столовой. Потом сказал неуверенно:

— Нат, может, это ненадолго, и я открручусь...

Она чиркнула зажигалкой, нервно затянулась и сказала твердо:

— А мне это совершенно безразлично. Нигде не сказано, что супруги обязательно должны ездить в отпуск вместе. Уверяю тебя, я и одна не умру от скуки.

— Нат, не заводись! Это же ведь работа...

Она обернулась и яростно посмотрела мне в глаза:

— Ах, рабо-ота?! Позволь заметить, мой дорогой, что, помимо высокой чести быть твоей супругой, я ведь тоже работаю! Понятно? И отлично знаю, что такое работа! А твои постоянные фокусы мне надоели! Все!

Ой, как мне не хотелось ругаться! И еще — ужасно обидно, что даже она не хочет этого понять. Я пожал плечами:

— Ладно. Почему-то в жизни у меня так получается, что я не могу оплатить всех долгов.

— Об этом надо думать перед тем, как женишься!

Наверное, все жены рано или поздно говорят такие вещи. Надо было бы промолчать, но я уже сам втянулся в ссору и желчно сказал:

— Хорошо, в следующий раз обязательно подумаю!

Наташа смотрела на меня сухими, злыми глазами, и я понял, что она сейчас заплачет. Я испугался, потому что не могу видеть, как она плачет. Она почти никогда не плачет. И, чтобы опередить ее, я сказал:

— Если я не смогу поехать, то позвоню — сдай мой билет.

Она сказала звенящим голосом:

— У нищих слуг нет. Не сможешь — поезжай сам в аэропорт и сдавай...

Шофер на улице снова загудел: «Та-та, та-та-та». Я отворил дверь и, обернувшись, сказал:

— Глупо. И грубо. Там ведь человека убили...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела.
4 сентября. пос. Солнечный Гай.

Я, следователь,

рассмотрев материалы обнаружения 4 сентября в районе поселка Солнечный Гай трупа неизвестного мужчины с признаками насильственной смерти и принимая во внимание необходимость производства по данному факту предварительного следствия,

постановил:

Возбудить уголовное дело об убийстве и приступить к расследованию.

Копию постановления направить прокурору области.

ЛИСТ ДЕЛА 3.

Тучи обложили солнце влажными компрессами, и свет был тихий, слепой, испуганный. Иногда дымящиеся солнечные столбы прорывались сквозь облака, но все равно не проходило ощущение, что это ненадолго, что сейчас начнется дождь и будет идти долго, долго и никто не знает, когда будет настоящее солнце.

Слабо шуршала под ногами высохшая трава, глухо звучали голоса людей вокруг, и меня охватила тоска. Я понял, что вся эта история — надолго. И есть что-то более глубокое, важное в том, что мы не можем с Наташей понять друг друга. Половина семейных людей проводят отпуска врозь. Из-за этого не разводятся.

Убитому было на вид лет тридцать. Он лежал ничком в зарослях кустарника, недалеко от дороги. Руки мучительно прижаты к груди. И в затылке три небольшие дырочки, расположенные почти правильным треугольником.

Эксперт Халецкий неодобрительно похмыкал:

— Три пули в затылок. Заголовок для американского боевика. Неинтеллигибельно!

Халецкий любит звучные слова, не затрудняя себя их смыслом. Мне кажется, что иногда он придумывает их сам. Оперативник Климов, уже немолодой, полный человек, сказал:

— Уж куда как! Парень-то, похоже, иностранец.

— Почему? — спросил я.

— Да на нем вся одежда заграничная. Вон даже на рубашке этикетка с импортными буквами.

— С импортными буквами, говорите? — переспросил Халецкий.— Ну-ну. Все-таки, несмотря на эти самые буквы, полагаю, что он не иностранец.

— Почему? — снова спросил я.

Халецкий пожал плечами.

— Думаю, и все. Лицо у него русское.

— А вы уверены, что обязательно отличите финна от чеха, а чеха от русского?

— Нет, не уверен. Поэтому я не утверждаю, а высказываю свое предположение гипотетически.

Рядом с убитым торчала из земли небольшая лопатка, вогнанная в дерн почти на половину штыка. Рядом с вывернутыми карманами брюк жалобно блестела в траве мелочь — пятиалтынный, гривенник, три двушки. Ограбление? Почему же не сняли с руки золотые часы?..

А Климов вдруг сказал грустно:

— Может быть, он хорошим парнем был...

ПРОТОКОЛ
осмотра места происшествия, 4 сентября. пос. Солнечный Гай

...В заднем кармане брюк убитого обнаружена пластмассовая расческа коричневого цвета со штампом и обрывок рецепта от 20 августа сего года с малоразборчивыми надписями и неясным оттиском круглой печати.

На расстоянии 120 сантиметров от обочины шоссе трава хранит контуры человеческого тела. На листьях и почве в этом участке обнаружены многочисленные брызги темного цвета, по-видимому, крови. Отсюда и далее, в направлении убитого, четкие следы волочения тела до места его нахождения: смятая в направлении волочения трава, на почве — борозды от носков обуви потерпевшего.

При тщательном осмотре этого участка в двух метрах справа от контуров тела, в траве, обнаружены три стреляные гильзы пистолетных патронов типа «ТТ». Здесь же находится обломок сигареты с фильтром, с надписью латинским шрифтом «Люкс». Прямо на обочине найден окурок аналогичной сигареты с четким следом прикуса.

Непосредственно на обочине шоссе, в 25 сантиметрах от асфальтового покрытия, обнаружен след автомобильного протектора длиной 70 сантиметров, шириной 16 сантиметров. В тридцати шести метрах от этого места по шоссе в сторону Судака, на той же обочине, обнаружены два следа автопротектора аналогичного вида длиной 62 и 20 сантиметров, шириной 16 сантиметров. В окружающем здесь обочину кустарнике найдены и изъяты еще три окурка сигарет с фильтром, имеющим характерный след прикуса. Следы протекторов сфотографированы, с них сделаны гипсовые слепки. Неподалеку от тела, а также вдоль обочины шоссе лежат многочисленные бухгалтерские документы, из которых усматривается, что они принадлежат тресту «Крымспецстрой».

Произведена фотосъемка тела: общего вида, лица в фас и профиль, раненых частей головы; труп дактилоскопирован и направлен на судебно-медицинскую экспертизу.

Обнаруженные в ходе осмотра предметы, имеющие значение вещественных доказательств, обозначены в схематическом плане, упакованы, опечатаны и изъяты.

Осмотр окончен в 16 часов 50 минут...

...К концу осмотра места происшествия пошел дождь. И все долгие, трудные дни и ночи потом шел дождь, дождь и не было просвета...

ЛИСТ ДЕЛА 4.

Надо узнать: кто такой убитый? Хорошее выражение есть для этого — «установление личности потерпевшего». Без этого дальше делать нечего.

Я приехал в райотдел милиции, где мне дали зашарпанный маленький кабинет с ржавой решеткой на окне и тусклой, без абажура, лампой. На стареньком столе, сильно порезанном перочинным ножом, кто-то написал фиолетовыми чернилами: «Косякин дурак». Я понял — пока что дурак я, а не Косякин. По делу не видно перспективы — неизвестно не только кто убил, но и кого убили. Очень может быть, что убитый был прекрасным парнем, а может быть, последней сволочью. Но, если честно говорить, меня это тогда совсем не интересовало. Мне надо было знать только его имя, отчество, фамилию, место жительства и работы. Иначе дело стопорилось намертво. Ничего не попишешь — профессия подавляет чувства.

Я постоял у окна, глядя, как солнце проваливается в дымные дождевые облака, и подумал: «Дело — табак. Я от своей работы помаленьку зверею...»

Климов деликатно кашлянул. Я обернулся к нему.

— Фотографии убитого, наверное, уже готовы?

Климов кивнул.

— Вам предстоит трудная работа. Надо обойти каждый дом в поселке...

СПРАВКА

Опросом местных жителей установлено, что обнаруженный на шоссе убитый мужчина ни в Солнечном Гае, ни в окрестных населенных пунктах не проживал и никому здесь не известен.

Оперуполномоченный Климов.

ЛИСТ ДЕЛА 5.

Мне часто приходит в голову, что запутанные дела похожи на книги без конца и без начала. Происходили какие-то важные, значительные события, кипели страсти, сталкивались характеры, мечтали и страдали люди, и кончилось все это драмой. Но у меня в руках всего несколько страниц, и в них написано, что убили человека. Почему? Кто? Когда? И, наконец, кого? Кто он сам-то — убитый?

Мне надо все дописать до конца. Но для этого я должен разыскать все странички начала. И начнут появляться фамилии, за которыми для меня никто не стоит, и люди, которых я увижу впервые, и события, о которых никто не должен был знать. Все это загадки. И чтобы дописать конец книги правильно, надо отгадать их точно. А ведь даже найденные страницы не имеют нумерации, хотя сложить их нужно по порядку. И главное, чтобы сюда не попали страницы из другой книги...

Я думал об этом, когда пришел Климов.

— На негативе проявляются первые лица,— сказал он значительно.

— Что же это за лица? — спросил я осторожно.

— Юрка Прокудин. Гультепа, хулиганье...

СЛЕДОВАТЕЛЮ
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Докладываю, что житель поселка Солнечный Гай Прокудин Юрий Иванович, по сообщению односельчан, продал вчера на Ялтинском рынке новые заграничные вещи: светлого цвета пиджак и коричневую спортивную куртку.

Прокудин характеризуется отрицательно: прогуливает работу, пьет, хулиганит. По непроверенным данным, может иметь оружие.

Полагал бы: Задержать Прокудина по подозрению в убийстве.

Оперуполномоченный КЛИМОВ.
4 сентября.

ЛИСТ ДЕЛА 6.

«Без умения строить версии, то есть способности воспроизводить точные картины уже минувших событий из осколков фактов,— нет следователя, поскольку следователь должен быть сподобен этому искусству от природы. Следователю нужна высокая требовательность в отборе материала, трезвая критичность в его оценке и свободное пространственное воображение». Это я записал много лет назад на лекции профессора криминалистики Адамовича. Тогда я относился к себе гораздо строже, чем сейчас, и, естественно, не сомневался, что я «сподобен от природы».

Но, видимо, как следователя меня сейчас все-таки нет. Нет у меня никаких версий. Как сказала бы моя жена, гиперфункция требовательности и полное отсутствие «свободного пространственного воображения».

Просто я запомнил, что убитый был в одной рубашке, без пиджака. И одет только в импортные вещи. И еще — неизвестный мне Юрий Иванович Прокудин продавал заграничный пиджак и куртку.

А потом подкинули анонимку. Подкинули буквально — в кабинет через окно, когда я вышел на несколько минут. На полу лежал грязный конверт без марки с надписью: «Следователю».

«Вы не там ищите! Хочу вам помочь. Федька Асташов позавчера в павильёне в месте пил с парнем, у парня денег куча. Потом на шоссе оба пошли, Федька его и обчистил. Денежки с Нонкой в Коктебеле прогуляет? Фамилие свое не пишу, узнает — убьет Федька».

ЛИСТ ДЕЛА 7.

Шелестел в листьях дождь, остро пахло осенними цветами и перезрелыми дынями. Против моего окна, на скамейке под старой раскидистой акацией, растворяясь в дымных сиреневых сумерках, сидели две девушки и парень. Девушки взволнованно хихикали, а парень снисходительно говорил: «Чего попросите, то и сыграю!»

Я стоял у окна, положив подбородок на ржавую перекладину решетки, думал о Наташе, о себе, смотрел на ребят и остро завидовал им. Одна из девушек заметила меня и толкнула подругу в бок:

— Гляди, вон в окне арестант за решеткой!

Та засмеялась:

— Скажешь тоже! Это какой-то начальник из города. Сама видела, как он утром на черной «Волге» приехал.

Я отошел от окна, а они сразу забыли обо мне, потому что парень заиграл на гитаре и запел негромким, теплым голосом:

Стоит камень в степи,
Под него вода течет,
А на камне написано слово:
Кто налево пойдет — ничего не найдет,
Кто направо пойдет — никуда не придет,
А кто прямо пойдет — ни за грош пропадет...

Да-а, неплохая перспектива. Юрий Иванович Прокудин, который торгует на рынке заграничными пиджаками и которого Климов до сих пор не может разыскать. Федька Асташев, который «в павильёне в месте пил с парнем» и за которым уже поехал участковый. И бухгалтерские документы треста «Крымспецстрой», разбросанные на месте убийства. Кто же писал анонимку? Помочь хотел или сбить с толку? Или просто кляузник, анонимщик-профессионал? Ой, не люблю я анонимки, не люблю. Но, может быть, все-таки это след?

А гитара звенела за окном:

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо...

ВЕСЬМА СРОЧНО

СЛУЖЕБНАЯ ОРИЕНТИРОВКА

Всем городским и районным органам милиции области.

«...4 сентября в 8 час. 05 минут на тридцать восьмом километре шоссе Ялта — Карадаг обнаружен труп неизвестного мужчины с тремя огнестрельными ранениями головы.

Приметы убитого: возраст 28—30 лет, рост 181 сантиметр, телосложение среднее, волосы темно-русые, волнистые, густые. Одежда импортная: рубашка и брюки серого цвета, полуботинки черные, остроносые, золотые часы «Докса».

К месту происшествия потерпевший и убийца прибыли, по-видимому, на автомашине, судя по следам протекторов — «Волге». Убийство совершено из пистолета «ТТ».

Используя перечисленные данные и прилагаемую фотографию убитого, примите все меры к срочному установлению его личности. Организуйте поиск преступника, в частности активизируйте выявление лиц, имеющих огнестрельное оружие...»

ЛИСТ ДЕЛА 8.

Асташева привели около девяти часов вечера. Это был первый допрос по делу. И когда я услышал шаги в коридоре — его и участкового,— я быстро перекрестил пальцы на правой руке, закрыл глаза и загадал: «Если у Асташева морда противная — то все кончится хо-

рошо, дело быстро раскрутим. А если...» Дверь заскрипела, я зыркнул на Асташева — морда у него была великолепная. И ужасно злая.

Я еще пытался обмануть себя — лицо, мол, грубое, дикое очень. Потом присмотрелся — чего там: хорошее, четкое, только очень рассерженное лицо.

Он вошел и вместо «здрасте» сказал:

— Чего пристаете? Я, начальник, завязал. Все. И навсегда...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Я, следователь, 4 сентября, в 21 час. 10 мин. допросил Асташева Федора Ивановича.

...Вопрос. Почему вы не были на работе третьего и четвертого сентября?

Ответ. Третьего — это мой выходной день, а потом у меня был отгул.

Вопрос. Как вы провели день второго сентября?

Ответ. До пяти я работал. Потом дома пообедал, переоделся и пошел на танцы в клуб. Часов в двенадцать вернулся домой и лег спать.

Вопрос. Выпивали ли вы в этот день?

Ответ. Да, немного.

Вопрос. Точнее: когда, где, сколько, с кем, на чей счет?

Ответ. Часов в семь вечера, в «Голубом Дунае». Выпили мы с приятелем из Симферополя бутылку водки и две кружки пива. Он и платил.

Вопрос. Кто он, ваш приятель?

Ответ. Рожков Константин, из геологической партии...

— ...Опишите его подробней,— сказал я Асташеву.

Видно было, как он весь сосредоточился, собрался. Говорил медленно, осторожно, будто сначала взвешивал слова на языке.

— Выше среднего роста. Серый костюм у него. Рубашка, рубашка... не обратил внимания. Туфли, по-моему, коричневые. А может быть, и черные. Я точно не помню.

— Деньги и часы у него были?

— Были деньги, рублей двести, а то и больше. Часы, по-моему, золотые.

Мы помолчали. Потом я спросил:

— Вы уже были судимы, Асташев?

Он зло посмотрел на меня и сказал:

— Был, ну и что?

— Нет, ничего. Я просто поинтересовался.

— А вы не поинтересовались, что я сейчас лучше всех в совхозе работаю?

— Еще поинтересуюсь. Скажите-ка, а где сейчас Рожков?

— Не знаю. Костя мне говорил, что поедет в Симферополь. Когда я утром уходил из дому, он еще спал.

— А вы очень спешили?

— Да, спешил.

— Позвольте узнать, куда? — быстро спросил я.

— В Контебель,— так же быстро ответил Асташев.

— Что вы там делали?

Асташев сбросил темп разговора, подумал.

— Со знакомой встречался. А что, нельзя?

— Можно, даже нужно,— сказал я невозмутимо.— Имя, фамилия вашей знакомой?

— Это неважно.

Вот тут притормозил я. Посидели, помолчали, потом я спокойно сказал:

— Вы уж мне отвечайте на вопросы-то, гражданин Асташев. Разговор у нас серьезный. А Нонна вас не осудит за то, что говорили о ней.

Асташев этого никак не ожидал. Лицо у него стало растерянное, беззащитное:

— А откуда вы знаете?..

— Как видите, знаю.

— Хорошо. Конькова Нонна. Вечером мы ходили на танцы, а потом еще погуляли.

— Когда вы расстались?

— В общем... мы до утра гуляли. В семь она на работу побежала, а я пошел к морю, хотел поспать на пляже. Часа в три пришла Нонна, мы пообедали, позагорали, а потом она проводила меня до шоссе, и я уехал домой.

— У вас деньги есть?

— Где? — сказал он удивленно.

Я хмыкнул:

— Вам виднее, где могут быть ваши деньги.

— Ну, при себе у меня копеек тридцать...— неуверенно заявил Асташев.

— А остальные?

— Остальные я в Контебеле истратил.

— Сколько же вы истратили?

— Рубля три примерно. Больше у меня не было.

— Вы в Контебеле выпивали?

— Что вы! Я при Нонне в рот не беру, она этого не признает...

...Вопрос. Что вам известно про убийство на шоссе?

Ответ. Про этот случай я от людей слышал. Даже беспокоюсь: не Костю ли убили?

В. Почему вы так думаете?

О. Да я ничего не думаю, просто опасаюсь. Всякое бывает...

В. Вам предъявляется фотография убитого. Не Рожков ли это?

О. Нет. Я этого человека впервые вижу.

В. Есть ли у вас в поселке враги?

О. Враги?! По-моему, нет. Не должно быть: я вроде бы никого не обижал, а меня самого не очень-то тронешь.

Ювелирная работа.

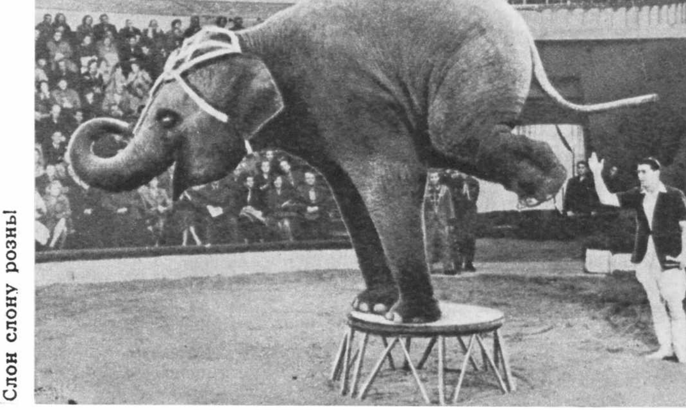
В журналистской работе нередко бывает так: делаешь какую-то серьезную тему, а попутно видишь вещи забавные, к делу совершенно не относящиеся. И тут обычно срабатывает рефлекс — вскинуть камеру и нажать на спуск. Часто такие снимки потом лежат месяцами, а порой и годами в личном архиве фоторепортера — своеобразном запаснике.

Нечто похожее произошло и с этими вот фотографиями, сделанными в разных местах и в разное время. Недавно мне одновременно попались на глаза несколько снимков, и я вдруг обнаружил, что в них есть что-то общее, объединяющее. Видимо, это — некоторое смещение или неожиданность масштабов и размеров привычных для нас в общем-то предметов.

Ю. КРИВОНОСОВ

МАСШТАБЫ

Слон слону розны

Я сказал ему:

— Если вы, Асташев, действительно не имеете отношения к убийству на шоссе, почему вы так напряженно держитесь?

— Ха! У вас тут не цирк, небось, веселиться нечего...

ЛИСТ ДЕЛА 9.

Когда Асташев вышел из комнаты, участковый Городнянский, молодой, толстощекий, старательный, протянул мне исписанный лист. Я пробежал его глазами и всерьез разозлился:

— Что же вы, сержант, до сих пор молчали?

— Та вы же заняты разговором были!

— Неужели вы не соображаете, что это очень важно?

— Та допрос же!

— Ладно,— махнул я рукой.— Поезжайте за этим парнем...

СЛЕДОВАТЕЛЮ
РАПОРТ

По Вашему распоряжению произвел проверку. Установил, что за последние три дня в нашем районе было только одно происшествие:

Позавчера, 2 сентября, шофер Нигматуллин из треста «Крымспецстрой» ехал в Судак и на повороте у сорок третьего километра увидел в зеркало, как из кузова его машины, где он вез инструменты и бухгалтерию, спрыгнул человек. Шофер остановил машину и догнал его. Оказался — Дахно Михаил из Солнечного Гая, сказал, что в кузов залез просто так, доехать. Нигматуллин заметил, что пиджак у Дахно был вымазан в крови.

Дахно — тунеядец, собутыльник Прокудина Юрия. Мною дважды предупреждался, чтобы шел работать.

Участковый уполномоченный
старший сержант ГОРОДНЯНСКИЙ.

...Вот это уже на что-то похоже. До последнего момента я никак не мог составить хоть какую-нибудь, пускай рваную, цепочку: похожий на иностранца убитый парень, бухгалтерские документы треста «Крымспецстрой», пьяница Прокудин, продающий на рынке заграничные вещи. А теперь Дахно в перепачканном кровью пиджаке, приятель Прокудина.

Климов привел Прокудина в половине двенадцатого ночи.

ЛИСТ ДЕЛА 10.

У Прокудина вид был какой-то неуверенно-залихватский: эх-ма, давай, вали, где наша не пропадала! Плевать — совесть чиста, бояться нечего! И говорил он быстро-быстро и все время шарил глазами по стенам, смотрел в забрызганное дождем окно, и я никак не мог поймать его взгляд. Ну никак! И от этого я злился и старался говорить еще медленнее и спокойнее. И все время хотелось забросить в разрез между двумя нейтральными вопросами (как говорится — «не для протокола»): «Ну, вещички-то убитого парня загнал? А?»

Но идет допрос. Наводящие вопросы задавать нельзя. А этот — уж совсем провокационный. Да и не умею я давить на подследственных. Хотя это иногда, наверное, надо? Не умею и не люблю. И все. А он спокойно врет тебе в глаза...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Я, следователь,
4 сентября
допросил Прокудина Юрия Ивановича в качестве подозреваемого.

...Вопрос. Что вам известно об убийстве на шоссе, около поселка?

Ответ. Об убийстве? Ничего не известно, первый раз от вас слышу.

Вопрос. Но ведь об этом говорит весь поселок!

Ответ. Делать им нечего, вот и говорят. Да я ни с кем и не виделся. Только к дому подъехал, слез с велосипеда, а меня уже оперативник встречает. «Пойдем,—говорит,—к следователю, на допрос».

Взрослые и дети.

И ГАБАРИТЫ

Не перейти ли в скрипачи?

Капля в море...

Вопрос. В каких отношениях вы находитесь с Михаилом Дахно и ~~встречались ли с ним с позавчерашнего~~ дня?

Ответ. Ни в каких. Знаю, что живет такой в поселке, а дел у меня с ним нету. Не встречался я с ним.

Вопрос. По официальным сведениям, вы часто встречаетесь с Дахно, вместе выпиваете. Почему вы скрываете это?

Ответ. По злобе на меня наговаривают. Ни с кем я не выпиваю. Я — сам по себе. Нечего мне скрывать, я весь на виду...

Я отложил ручку и снова постарался поймать его взгляд. Но Прокудин смотрел в угол, будто его больше всего интересовало, заест ли паук насмерть тонко звеневшую в паутине муху.

Монотонным голосом я спокойно сказал:

— Следствие располагает данными о том, что вчера вы были на Ялтинском рынке и продавали там кое-какие вещи. Расскажите об этом.

Не отрывая глаз от паука, Прокудин так же монотонно ответил:

— Я уже сказал, где я вчера был. А в Ялте я не был, и продавать мне там нечего было. Нет у меня ничего для продажи.

Я понимающе кивнул и с упорством трактора повторил:

— Напоминаю вам о том, что следствию надо показывать правду.

Он готовно согласился:

— Я и говорю, что был на полевом стане. Не торговал я на рынке. Так можете и записать.

Я записал. Помолчали немного, и мне стало казаться, что это звенит не муха, а тишина.

— Скажите, Прокудин, есть ли у вас оружие?

— Есть. Ружье-централка. Нож-секач, для рыбы. Все.

— А нарезное оружие? Пистолет, например?

Он усмехнулся и в первый раз быстро, прострелом взглянул на меня:

— Нет. Был когда-то немецкий, «Вальтер», что ли. Но я его давно выбросил. Мне лишних приключений не надо.

Я повернул на 180 градусов и поехал назад:

— Расскажите снова, где вы были и чем занимались со второго по четвертое сентября сего года?

— Второго, то есть позавчера, я весь день был на седьмом полевом стане — ладил столовую для рабочих. Там и ночевал. Это видел тракторист Тоценко Василий, и он может подтвердить. Утром третьего числа я на велосипеде уехал к девятому вагончику — это самый дальний наш стан — и чинил там стенки и крыльцо. Там же обедал и ночевал. Сегодня продолжал там работать и в поселок приехал часа полтора назад.

— Кто может подтвердить ваше пребывание в девятом вагончике?

— Сегодня там был наш бригадир Тришин, он принимал мою работу.

— А вчера?

— Вчера там никого не было, ведь стан — отдаленный, а работ никаких пока не ведется.

— Где же вы обедали вчера и сегодня?

— У меня с собой были помидоры и хлеб. А вода там есть...

ЛИСТ ДЕЛА 11.

Не спеша, лениво истекала ночь, как смола из перевернутой бочки, звенели на подоконнике дождевые капли, над головой висела подслеповатая, мутная лампа. Я смотрел в лицо Прокудину, а он уставился в пол и уже не хорохорился...

Когда перелистываешь обложку уголовного дела, возникает ощущение, будто без спросу открыл дверь в чужой дом. В дом, где поселилось горе. И много людей, которых это горе свело вместе. Одни люди это горе сотворили, другие претерпели, третьи его увидели. И хотя вся моя работа связана с человеческим горем, я никогда не встречал в уголовных делах таких уместных слов, как «добрый» или «злой» человек. Нет таких процессуальных фигур. Есть обвиняемые, потерпевшие, свидетели. И еще есть — подозреваемые.

Вот если сто раз повторить какое-нибудь слово, оно потеряет форму, смысл, расплавится, как воск в ладонях. А с этим словом — «подозреваемый» — беда. Я говорю или пишу его много раз, но почему-то от частого употребления оно не деформируется, не теряет жесткости и злобности. Когда я говорю кому-то: «Вы являетесь подозреваемым по делу...» — я боюсь, чтобы он не заметил, как я внутренне вздрагиваю.

Ну, с обвиняемым — понятно. А если подозреваемый подозревается напрасно? Тяжело, противно подозревать. Даже — если подонок...

Прокудин врет все. Или почти все. Он отрицает даже общеизвестные факты. С ним надо разобраться глубже.

«САНКЦИОНИРУЮ»
Прокурор Верхне-Крымского района, Крымской области.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о производстве обыска.

Я, следователь, рассмотрев материалы уголовного дела № 4212, нашел:

Житель поселка Солнечный Гай — ПРОКУДИН Ю. И.— 3 сентября продал на рынке новую одежду импортного производства, которой у него ранее не было,— пиджак и куртку.

Из протокола осмотра места происшествия усматривается, что у погибшего, одетого в новые заграничные вещи, отсутствует пиджак.

Указанное обстоятельство, с учетом крайне отрицательной характеристики личности ПРОКУДИНА, дает основания для подозрения его в причастности к убийству на шоссе. Принимая во внимание, что в квартире Прокудина могут находиться предметы, имеющие значение вещественных доказательств по делу,

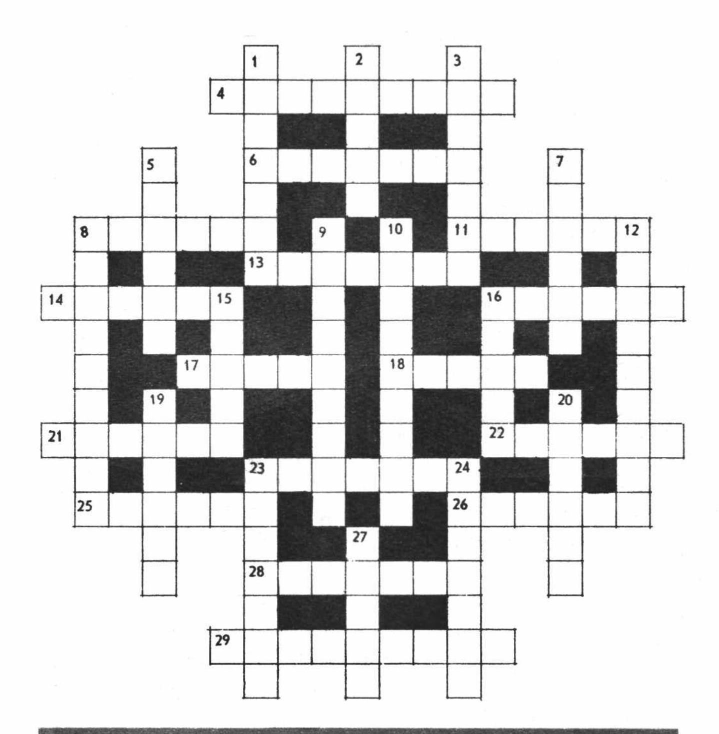
постановил:

Произвести обыск в квартире гр-на ПРОКУДИНА Юрия Ивановича, проживающего по адресу: поселок Солнечный Гай, дом 41.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

...Если бы у Прокудина нашли какие-то вещи убитого, это могло бы пролить свет еще на многие обстоятельства...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Поэма Т. Г. Шевченко. 6. Небольшое сольное произведение. 8. Цветник. 11. Русский живописец-передвижник. 13. Река в Северной Америке. 14. Киноактриса, народная артистка СССР. 16. Статуя в Древнем Египте. 17. Советский писатель. 18. Электронная лампа. 21. Город в Италии. 22. Земляной орех. 23. Стол для обработки дерева, металла. 25. Мастерская живописца. 26. Материк. 28. Оперетта Н. М. Стрельникова. 29. Порода собак.

По вертикали: 1. Женское платье. 2. Курорт в Швейцарии. 3. Союзная республика. 5. Персонаж комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». 7. Типографский шрифт. 8. Центр угольного бассейна в Казахстане. 9. Система счисления времени. 10. Указатель скорости подъема и спуска самолета. 12. Занимательная игра. 15. Площадка для цирковых представлений. 16. Хищная птица. 19. Денежный металлический знак. 20. Ягода. 23. Озеро в США и Канаде. 24. Вереница судов. 27. Польский композитор и пианист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. Обсерватория. 8. Везувий. 9. Эстония. 10. Ласточка. 17. Барсова. 18. Лексика. 19. Бенуар. 20. Верста. 22. Буслаев. 23. Артерия. 24. Буратино. 29. Розетта. 30. Арбенин. 31. Скороговорка.

По вертикали: 1. Обруч. 2. Ретина. 3. Корсак. 4. Китой. 6. Зегерс. 7. Сириус. 11. Сатуратор. 12. «Черевички». 13. Барнаул. 14. Квинтет. 15. Рессора. 16. Скандий. 19. Белгород. 21. Аренский. 25. Устюрт. 26. Нартов. 27. Нерка. 28. Белка.

На первой странице обложки: Народная артистка СССР Раиса Стручкова в роли Китри, балет «Дон-Кихот».
Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Московский шофер Павел Яковлевич Ветчинкин, страстный любитель подледного лова, проводит свой отпуск на озере Селигер. И, как видите, не безуспешно!
Фото Л. Бородулина и А. Фирсова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00056. Сдано в набор 18/III-69 г. Подписано к печ. 1/IV-69 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 409. Заказ № 809.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КАРТИНКИ С МАСЛЕНИЦЫ

Михаил КУДИНОВ

Рисунки М. Алексеева.

ПАЛЕХСКАЯ ШКАТУЛКА

Как настало время
Царице помирать,
Стала тут царица
Плакать, горевать,
Всех своих советников
Созвала царица:
Говорит, от смерти
Хочу откупиться.
Советники слушают
И в затылках чешут,
Всякими словами
Государыню тешат.
А утешить не могут
И не скажут царице,
Как купить ей молодость,
От смерти откупиться.
Прогнала б их царица,
Да не хватило духу...
Знать, и на старуху
Бывает проруха.

МАТРЕШКА

И ваньки-встаньки,
и куклы-матрешки
достали кружки,
достали ложки
и на гармошке
весь вечер играли,
всю ночь играли,
свадьбу справляли.
А у невесты был нос
картошкой,
ну топ-
ни ножкой,
пройдись немножко,
пройдись,
покружись,
не жалей каблуков,
чтоб свадьба как свадьба,
без дураков.
И снова играла,
играла гармошка,
и снова на месте
стояла матрешка,
а ванька-встанька
с ней рядом стоял,
стоял и не падал:
никто не толкал.
И было ему хорошо
с матрешкой,
и было неважно, что нос
картошкой,
и было неважно,
что завтра опять
вставать и падать
и снова вставать.

ТЕСТО

Круто замесили тесто,
круто...
Нет ему в квашне покоя
ни минуты.
Дышит тяжело и глухо
тесто:
Места не хватает ему,
места
Не хватает, и нехорошо, и тесно
Здесь ему, и ненавидит тесто
Эту тесноту и эти путы...
Круто замесили тесто,
круто.

ПЕСЕНКА СКОМОРОХА

Приходи ко мне, сосед,
на обед:
У меня чего-чего
только нет!
Нет ни дров, ни топора,
ни стола,
Ни калитки, ни двора,
ни кола,
Ни скоромного, ни по-
стного нет...
Приходи ко мне, сосед,
на обед.
Присылает мне ответ
мой сосед:
«У меня чего-чего
только нет!
Нет ремня и нету брюк
у меня,
Нет ни рукавов, ни рук
у меня,
Ни зубов, ни головы
тоже нет,
Так что, знаешь, кушай сам
свой обед».

КЛАССИКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ НАТО

Рисунки
Владимира ГАЛЬБЫ.

По Питеру Брейгелю-старшему.
«СЛЕПЫЕ».

По Тициану.
ДАНАЯ ПЕНТАГОНСКАЯ И ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

По Рембрандту.
ТЕРМОЯДЕРНАЯ СУСАННА И РЕВАНШИСТСКИЕ СТАРЦЫ.

По Рембрандту.
Урок аНАТОмии.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.